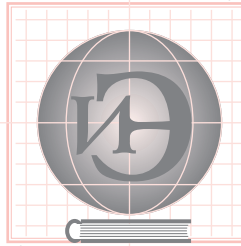

Российская академия наук

Институт экономики

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
ПОИСК ПУТЕЙ ДЛЯ ВЗАИМОВЫГОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

МОСКВА
2020

ББК 65.5 + 65.59
Т 60

Торговая политика России и стран Восточной Азии: поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества: Монография / Отв. ред. И.А. Коргун, С.Ф. Сутырин. М.: ИЭ РАН, 2020. – 338 с.

ISBN 978-5-9940-0673-3

В монографии рассмотрены актуальные проблемы торговой политики стран Азии. Отмечаются основные тренды протекающих в регионе торговых и инвестиционных процессов, выделяется значение преференциальных соглашений для внутри- и межрегионального экономического сотрудничества. Происходящие трансформации осмысляются с точки зрения интересов России, как их можно было бы использовать для налаживания взаимовыгодных отношений с азиатскими партнерами.

Ключевые слова: торговая политика, Восточная Азия, торговая, инвестиции, соглашения о ЗСТ, внешние шоки, цифровая торговля, глобальные цепочки стоимости

Классификация JEL: F1, F13, F15

Trade policy in Russia and East Asia: new avenues for economic cooperation and prosperity : Monograph / Eds. Korgun Irina A., Sutyurin Sergey S. Moscow: IE RAS, 2020. – 338 p.

This monograph explores the changing nature of trade policy in East Asia. It analyses major trends in trade and investment flows unfolding in the region and implications of various preferential agreements for intra- and inter-regional economic cooperation. Ongoing transformations are considered through a prism of Russia's economic interests; authors discuss how these transformations can be used to develop economic dialogue with Asian partners further.

Keywords: trade policy, East Asia, trade, investments, free trade agreements, external shocks, digital trade, global value chains

JEL Classification: F1, F13, F15

ISBN 978-5-9940-0673-3

ББК 65.5 + 65.59

© Институт экономики РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Глава 1.1. Торговая политика России на рубеже десятилетий: роль внешних шоков.....	14
Глава 1.2. Торговое противостояние Индии и США: истоки и содержание	38
Глава 1.3. Нелегальная деятельность и вызовы для торговой дипломатии и международного сотрудничества: на примере рыбной отрасли.....	55
Глава 1.4. Японские прямые инвестиции в китайскую экономику в период реформ (1979–2019 гг.): основные этапы и стратегии инвестирования	81

РАЗДЕЛ 2

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Глава 2.1. Евразийский транзит как отражение развития нового Шелкового пути.....	106
Глава 2.2. Торговая политика Китая на постсоветском пространстве.....	122
Глава 2.3. Перспективы развития глобальных цепочек стоимости в КНР и РФ.....	141
Глава 2.4. Белоруссия и Китай: углубление партнерства при конфликте интересов	164

РАЗДЕЛ 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПРОЕКТЫ ЕАЭС

- Глава 3.1.** Торговые соглашения ЕАЭС со странами Азии 186
- Глава 3.2.** Соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Сингапур:
новый шаг в реализации стратегии Евразийского
экономического союза «идти вовне» 204
- Глава 3.3.** Торговая политика и институты регулирования
торговли Республики Вьетнам на примере
соглашения ЗСТ с Европейским союзом. 224
- Глава 3.4.** Монголия в контексте торговой политики России 236

РАЗДЕЛ 4

ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

- Глава 4.1.** Задачи российского председательства в БРИКС –
приоритеты глобальной стабильности,
сотрудничества и инновационного роста 256
- Глава 4.2.** Подходы к регулированию цифровой торговли
в Республике Корея и новые возможности
для российско-корейского сотрудничества 268
- Глава 4.3.** Сотрудничество России и Республики Корея
в сфере торговли высокотехнологичными товарами 290
- Заключение**..... 304
- Литература**..... 307

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена изучению вопросов торговой политики стран Восточной Азии и стран ЕАЭС с точки зрения их национальных интересов. Исследование связей между торговой политикой и национальными экономическими интересами далеко не новая тема. Однако в последние десятилетия характер связей между торговой политикой и национальными интересами сильно усложнился в связи с постоянным ростом ассортимента товаров и услуг, вовлекаемых в международный оборот, появлением новых финансовых инструментов, обеспечивающих его, а также новых инструментов защиты национального производителя. Соотношение протекционизма и торгового либерализма приобретает все более сложный характер, противоречия между которыми усиливаются в кризисные периоды.

Трансформация процессов глобализации после глобального экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. меняет контуры мировой экономики, складывавшиеся с 1970–1980-х гг. Замедление темпов экономического роста указывает на необходимость поиска новых источников увеличения благосостояния стран. При этом в последние годы международная торговля товарами постепенно утрачивала функцию главного драйвера мирового развития на фоне усиления этой функции у торговли услугами. Текущая ситуация осложняется растущей геополитической неопределенностью и изменчивостью внешних условий для отдельных стран и регионов, повышенной волатильностью на мировых финансовых рынках, стремительно меняющейся конъюнктурой на мировых топливно-сырьевых рынках, формированием всеобъемлющих трансрегиональных экономических пар-

тнерств, а также увеличением внешней задолженности стран. К одним из главных вызовов существующему экономическому миропорядку также можно отнести протекционистскую политику и торговые войны. Растущие риски от возрастающей неопределенности развития мировой экономики несут прежде всего страны с формирующимися рынками, к которым относятся в том числе многие страны Восточной Азии и государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая Россию.

На текущем этапе развития мирохозяйственных связей правительства вынуждены адаптироваться к новой экономической реальности. Отражением происходящих процессов является быстрый рост числа региональных торговых соглашений, а также появление новых форматов международных торгово-экономических партнерств. Данные формы сотрудничества позволяют соблюдать баланс интересов стран-участниц и противодействовать разного рода торгово-экономическим санкциям, как односторонним, так и многосторонним. Таким образом, процесс принятия решений в области взаимного сотрудничества многократно усложняется в силу того, что он должен учитывать большее количество факторов разного, порой противоречивого характера.

Работы, вошедшие в данную монографию, сфокусированы на странах Восточной Азии – регионе, в котором торговая политика играет особо важную роль. Это проявляется как в интенсивных торгово-инвестиционных связях региона, так и в активных процессах регионализации на разных пространственных уровнях. Азиатские страны нередко используют торговую политику для реализации неэкономических целей. Наиболее ярким примером этого выступает проект «Один пояс – один путь», с помощью которого Китай наращивает свое геополитическое влияние в мире. Эти процессы стали объектом изучения главы 2 настоящей монографии. Но асимметрии роста, вызванные замедлением темпов экономической динамики в западных странах и динамичным развитием региона Восточной Азии, подкрепляемые положительными

демографическими трендами, актуализируют вопрос налаживания Россией партнерского диалога со всеми странами региона, включая Китай.

Наряду с вопросами трансформации торговой политики в условиях глобальной неопределенности, рассмотренными в главе 1, монография поднимает важный вопрос: влияние Китая на внешнеэкономические связи России и других постсоветских стран. Развитие отношений с КНР в целях развития национальной экономики и в то же время сохранение многовекторности внешнеэкономических связей — приоритетная задача на ближайшие годы. Другая задача для России совместно со странами ЕАЭС — наращивание экономических связей «вовне» с целью укрепления евразийского интеграционного процесса. Регион Восточной Азии, который наиболее активен в развитии различных форматов интеграции, открывает здесь определенные возможности. Эти вопросы рассматриваются в третьем и четвертом разделах монографии. В них сделана попытка проанализировать, каким образом могут быть использованы как традиционные, так и новые сферы сотрудничества, в частности цифровая торговля и инновационная сфера, во взаимовыгодном партнерстве со странами Азии.

Как показали результаты исследования, торговая политика азиатских стран во всем многообразии форм ее реализации оказывает как прямой, так и косвенный эффект на интересы России и других стран ЕАЭС. Она является важным инструментом, затрагивающим динамику и качество экономического роста, благосостояния, как в самой стране, так и в ее экономических партнерах. Соответственно, выстраивание целеориентированной политики сотрудничества с данными странами крайне важно для того, чтобы решать насущные проблемы российского экономического развития и более широко — принимать участие в поиске ответов на глобальные проблемы устойчивого развития.

Монография стала результатом коллективных усилий научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики Россий-

ской академии наук (ИЭ РАН) и ученых кафедры мировой экономики и Лаборатории азиатских экономических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Хочется отметить, что данная монография выходит в юбилейный год 90-летия Института экономики Российской академии наук и 80-летия экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Со стороны участников от ИЭ РАН работа велась в рамках тем государственного задания «Новые тренды социально-экономического развития постсоциалистического мира в условиях современных геополитических вызовов» и «Российский фактор в социально-экономическом развитии стран «поояса соседства». Коллектив авторов СПбГУ предоставил материалы в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51- 93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

М.Ю. Головнин

Коллектив авторов:

Белов А.В., д.э.н., профессор, г.н.с. Университета префектуры Фукуи, Япония, глава 1.3

Белозеров С.А., д.э.н., профессор, г.н.с. Лаборатории азиатских экономических исследований СПбГУ, глава 4.3

Борисов Г.В., к.э.н., доцент СПбГУ, глава 1.4

Вардомский Л.Б., д.э.н., профессор, г.н.с. ИЭ РАН, глава 2.1

Горбачева В.О., м.н.с. ИЭ РАН, глава 4.1

Губина М.А., к.э.н., доцент СПбГУ, глава 1.2

Коваль А.Г., к.э.н., доцент, СПбГУ, глава 2.3

Коргун И.А., к.э.н., с.н.с. ИЭ РАН, глава 4.2

Ломагин Н.А., д.и.н., профессор СПбГУ, глава 1.1

Навроцкая Н.А., д.э.н., профессор СПбГУ, глава 2.3

Нгуен Куок Хунг, к.э.н., с.н.с. ИЭ РАН, глава 3.3

Попова Л.В., к.э.н., доцент СПбГУ, глава 1.4
Соколовская Е.В., к.э.н., в.н.с. Лаборатории азиатских экономических исследований СПбГУ, глава 4.3
Сутьрин С.Ф., д.э.н., профессор СПбГУ, глава 1.1
Толорая Г.Д., д.э.н., профессор, эксперт ООН, глава 4.1
Трофименко О.Ю., к.э.н., доцент, СПбГУ, глава 3.4
Тураева М.О., д.э.н., в.н.с. ИЭ РАН, глава 2.1
Хейфец Б.А., д.э.н., г.н.с. ИЭ РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, глава 3.2
Шеров-Игнатъев В.Г., к.э.н., доцент СПбГУ, глава 3.1
Шурубович А.В., к.э.н., в.н.с. ИЭ РАН, глава 2.4
Яковлев А.А., н.с. ИЭ РАН, глава 2.2

РАЗДЕЛ 1

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВАЯ
ПОЛИТИКА РОССИИ
И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Глава 1.1

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: РОЛЬ ВНЕШНИХ ШОКОВ¹

В современных условиях как текущее состояние, так и перспективы развития всех без исключения национальных экономик в существенной степени зависят от функционирования других участников международного сообщества, от решений, принимаемых за пределами своих собственных государственных границ. К счастью или к сожалению, но спорить с этим не приходится. В сложившейся ситуации внимание исследователей — и экономистов, и представителей ряда других общественных наук — закономерно обращается к проблеме так называемых внешних шоков и их в чем-то разрушительного, в чем-то созидательного потенциала.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что именно в современных условиях проблема внешних шоков в контексте развития всемирного хозяйства и его отдельных звеньев приобретает особую остроту. Это связано со значительным увеличением частоты возникновения и не менее масштабным расширением спектра этих шоков, усилением того влияния, которые последние оказывают на функционирование национальных народнохозяйственных комплексов, их региональных группировок, всей глобальной экономики. Указанные исследования чрезвычайно интересны не только в научно-теоретическом плане. Высока и их практическая актуальность, обусловленная необходимостью разработки и реализации экономической политики во всем ее многообразии. Причем в данном контексте речь идет не о факторах, действующих

1. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

от случая к случаю, так сказать, в режиме *ad hoc*. Отнюдь нет. Способность адекватно реагировать на внешние шоки, минимизируя их негативное влияние и используя в национальных интересах предоставляемые ими возможности, чем дальше, тем больше становится неотъемлемым и постоянно востребованным атрибутом государственного регулирования в целом, торговой политики в частности. Отдельно отметим, что как таковой этот атрибут, не в последнюю очередь, обеспечивает национальный суверенитет. Нет нужды подробно доказывать, насколько все сказанное выше актуально применительно к текущему состоянию и перспективам развития экономики современной России.

1.1.1. Внешние шоки: проблема трактовки

Во многих случаях при рассмотрении внешних шоков вообще и экономических шоков в частности они трактуются как «неожиданные и непредсказуемые события»². Такая трактовка – если следовать ей буквально – зачастую может приводить к далеко идущим и вместе с тем достаточно спорным оценкам. Так, по крайней мере в российском контексте в ряде публикаций можно встретиться с точкой зрения, сторонники которой полагают, что введенные в отношении России Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом и рядом других государств экономические санкции не могут рассматриваться в качестве внешнего шока, в строгом смысле этого слова. Причина в том, что санкции явились, как утверждается, результатом сознательно осуществленных самой Российской Федерацией шагов. Более того, их снятие зависит от проводимой Россией политики, поскольку, например, «санкции ЕС однозначно увязаны с выполнением Минских соглашений»³.

2. Business dictionary (n.d.). “Economic shocks” – URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/economic-shock.html>

3. Simola H. (2019). Effects of external shocks on Russian economy. BOFIT Policy Brief 4/2019 1 November, p. 4, 10.

Что касается неожиданности, и тем более непредсказуемости, то они, как представляется, могут рассматриваться в качестве неотъемлемого атрибута внешних шоков только применительно к сугубо абстрактно-теоретической модели. Как только мы выходим за ее рамки и пытаемся хотя бы немного приблизиться к реальности, оказывается, что подавляющее большинство событий, традиционно относимых к категории внешних шоков, в большей или меньшей степени и ожидалось, и предсказывались. Ожидались и предсказывались по крайней мере кем-то из представителей экспертного сообщества или политических элит, в том числе и в тех странах, которые непосредственно испытали на себе воздействие таких шоков.

Конечно, конкретный момент наступления соответствующего события во многих случаях мог застать, и действительно заставал, врасплох. Но о самой возможности, например, резкого изменения цен на нефть и говорили, и писали задолго до того, как это в действительности произошло. В случае с приведенной выше оценкой антироссийских санкций сомнения в возможности отнесения их к числу внешних шоков наряду с ожидаемостью и предсказуемостью, фактически акцентирует внимание на активной роли России. Последняя якобы не просто вызвала введение санкций своими действиями, именно от нее зависит и их сохранение или отмена. Подобная позиция, как представляется, наглядно демонстрирует, что излишние идеологизация и политизация могут наносить серьезный ущерб экономическому анализу.

Как нам представляется, более продуктивной является расширительная трактовка внешних шоков. В контексте внешнеторговых связей и торговой политики речь идет о различного рода событиях, которые, как минимум, способны значимым образом повлиять на то, что в терминологии соглашений ВТО именуется «нормальным течением торговли». При этом сколько-нибудь точное время наступления указанных событий и их масштабы заранее неизвестны для большинства хозяйствующих субъектов и иных заинтересованных лиц.

В такой интерпретации и различного рода экономические санкции, и резкие колебания цен на нефть, и изменения климата, и пандемия коронавируса COVID-19, и т.д. могут с полным правом рассматриваться как внешние шоки. Воздействие большинства из названных шоков на экономику России в целом, ее внешнеэкономические связи в частности уже получило достаточно подробное и содержательное осмысление как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Со своей стороны, авторы настоящего исследования хотели бы обратиться к рассмотрению совокупности событий, с одной стороны, весьма масштабных, с другой стороны – влияющих на Россию скорее опосредованно, нежели напрямую. Имеется в виду то, что чаще всего именуется «торговой войной между КНР и США».

1.1.2. Американо-китайская торговая война: возможные последствия для российской торговли и торговой политики⁴

Принимая во внимание тот факт, что в данном конфликте⁵ участвуют две крупнейшие экономики мира, вполне резонно говорить о широком спектре последствий, проявляющихся для «третьих стран» в самых различных областях деятельности⁶. В настоящей работе авторы из всего возможного многообразия решили остановиться только на той сфере, которая стала непосредственным объектом противостояния, а именно – на торговле. Здесь с определенной долей условности уместно разграничить, с одной стороны, воздействие на

-
4. Материал раздела 3 развивает положения в рамках ранее опубликованных статей: “The US-China Trade War: some implications for Russian foreign trade and trade policy”, KJET Monthly Industrial Economics Journal” 2020, №4; “How the US-China Trade War effects Russia”, Baltic Rim Economies.
 5. Речь идет как о периоде, когда США и КНР непосредственно обменивались ограничительными мерами, так и периоде частичного разрешения противоречий в рамках так называемой первой фазы торговой сделки.
 6. Эксперты ЮНКТАД, в частности, выделяют пять направлений, в рамках которых наиболее ощутимо проявят себя такие последствия. UN (2019). Key Statistics and Trends in Trade Policy 2018. UNCTAD/DITC/TAB/2019/1, p. 2.

российские внешнеторговые потоки как таковые, с другой — влияние на проводимую Россией торговую политику, в частности отношение нашей страны к многостороннему регулированию международной торговли.

Воздействие на торговые потоки

Начать в данном случае, как представляется, следует с нескольких гипотетических утверждений общего характера, которые в ходе дальнейшего анализа будут либо подтверждены, либо опровергнуты. Итак, любая торговая война влечет за собой возрастание степени неопределенности в отношении состояния глобальной хозяйственной среды, увеличивает как коммерческие, так и политические риски ведения бизнеса и тем самым создает дополнительные барьеры для международной торговли. Если последняя — как это в общем и целом вытекает из господствующих на сегодняшний день среди экономистов-международников воззрений — рассматривается как взаимовыгодная деятельность (модель win-win game), то любая и каждая торговая война должна приводить к негативным последствиям и для непосредственных участников, и для «третьих стран» (модель lose-lose game).

Альтернативный изложенному выше взгляд на внешнюю торговлю предполагает, что она интерпретируется как совокупность сделок, в рамках которых выгоды, получаемые одним партнером, достигаются за счет ухудшения положения другого партнера (модель zero-sum-game). В этой ситуации любая и каждая торговая война в лучшем случае обеспечивает определенные выгоды победителю конфликта, неизбежно сопровождаемые потерями для проигравшей стороны. В худшем случае уровень экономического благосостояния снижается у обоих участников противоборства.

Что же касается «третьих стран», то они, как минимум, могут получить за счет конфликтующих сторон определенные прямые и/или косвенные выгоды. Здесь вполне уместна параллель с известной китайской поговоркой об умной обе-

зьяне, наблюдающей за схваткой между двумя тиграми. Отметим, кстати, что именно эту поговорку упомянул В.В. Путин, отвечая на вопросы в ходе пленарной сессии Санкт-Петербургского экономического форума в июне 2019 г.

Видимо, нет нужды подробно доказывать, что ни одна из названных выше альтернативных моделей торгового взаимодействия между странами — ни win-win game, ни zero-sum game — не могут охарактеризовать с достаточной мерой адекватности сложную и противоречивую природу современных мирохозяйственных связей. Скорее в реальной действительности обе внешнеэкономические стратегии, отражением которых и являются эти модели, а именно стратегия сотрудничества и стратегия конкуренции, сосуществуют, тесно переплетаясь друг с другом. В этих условиях применительно к воздействию, оказываемому торговой войной на «третьи страны», можно — по аналогии с эффектами, возникающими в результате присоединения страны к региональной интеграционной группировке — выделить: а) «потокосокращающий эффект» и б) «потокотклоняющий эффект».

В первом случае имеется в виду, что торговая война между странами «А» и «Б» при прочих равных условиях оказывает негативное воздействие на функционирование их экономик, вызывая снижение темпов роста ВВП. В свою очередь, это приводит к уменьшению спроса со стороны «А» и «Б» на импортные поставки из «третьих стран», сдерживая их экспорт. Соответственно, сокращение экспорта может порождать ухудшение экономических показателей «третьих стран». В этой связи, правда, необходимо обратить внимание на то, что на протяжении последних десяти лет темпы роста мирового ВВП и международной торговли товарами по существу совпадали, в отличие от ряда предшествующих десятилетий, когда торговля развивалась существенно более динамично⁷. Это означает, что указанное негативное влияние торговой войны может быть не столь значительным по срав-

7. WTO (2019). World Trade Statistical Review 2019. Geneva.

нению с гипотетическим сценарием опережающего роста международной торговли.

Во втором случае речь идет о том, что санкционные ограничительные меры, вводимые участниками конфликта, создают дополнительные стимулы и возможности для «третьих стран». Последние могут попытаться использовать так называемую тактику «черных рыцарей»⁸. Подобная тактика доступна прежде всего для торговых партнеров «А» и «Б». Противостояние между ними способно позволить «черным рыцарям» либо выйти на рынок, где ранее, безусловно, доминировали основные поставщики, либо увеличить свою долю этого рынка за счет перераспределения в свою пользу торговых потоков, ранее связывавших противоборствующие стороны.

И последнее предварительное замечание. Дело в том, что и по своей сути, и по масштабам, и по динамике российско-китайские и российско-американские отношения принципиально отличаются. В этой связи применимость к изучению рассматриваемой ситуации параллели с умной обезьяной и двумя дерущимися тиграми выглядит несколько проблематично. В любом случае, авторы считают целесообразным анализировать ниже российско-американский и российско-китайский векторы по отдельности.

Российско-американские отношения: «потокосокращающий эффект»

В российском экспорте в США преобладают энергетические ресурсы. На уровне четырех знаков товарной номенклатуры ВЭД две основных товарных группы это 2710 (нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых) и 2709 (нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород). В 2018 году на первую из них приходилось 39,6% всего экспорта России в США и 11% всего российского экспорта по данной товар-

8. McLean E.V., Whang T. (2010). Friends or Foes? Major Trading Partners and the Success of Economic Sanctions. *International Studies Quarterly*, № 54, p.431.

ной группе. На долю второй приходилось 9,7% и 1,6% соответственно⁹.

Хорошо известно, что цены на нефть характеризуются высокой степенью волатильности. В этих условиях динамика российского экспорта в существенной степени зависит от того, в каких показателях он оценивается – как стоимостной или физический объем. Таблица 1.1. наглядно иллюстрирует это. Вместе с тем, в любом случае имеющиеся данные не подтверждают первоначальную гипотезу о наличии значимого «потокосокращающего эффекта». Более того, в 2019 г. Россия впервые стала вторым крупнейшим (после Канады) экспортером нефти и продуктов нефтепереработки на рынок США. Интересно отметить, что увеличение российского присутствия во многом явилось результатом введения Соединенными Штатами санкций против Венесуэлы. Импорт из этой страны был полностью прекращен летом 2019 г.¹⁰

Таблица 1.1. Экспорт РФ нефти и нефтепродуктов в США, ежегодный прирост, %

Код ТН ВЭД	2017	2018	2019
В стоимостном выражении			
2710	-0,1	+22,1	+19,2
2709	+42,7	+113,8	+66,6
Физический объем			
2710	-20,7	-6,9	+31,0
2709	+21,6	+55,6	+86,0

Источник: Международный торговый центр, or.cit; Российская газета, or.cit.

9. Во всех случаях, если иное не указано, статистические показатели либо взяты из базы данных Международного торгового центра (URL: <https://www.trademap.org/>), либо рассчитаны на основе этих данных за 2018 г. Это сделано с целью минимизировать расхождения, почти неизбежно возникающие в случае использования данных, предоставляемых разными источниками. Более того, данные за 2018 г. (в январе этого года американо-китайское противостояние как раз и началось) в сравнении с предшествующим периодом могут служить приемлемым основанием для выводов. Здесь уместно отметить, что, по обоснованному мнению целого ряда экспертов, в отличие от мер по либерализации торговли, которые оказывают воздействие на торговые потоки скорее в среднесрочном и долгосрочном плане, дополнительные тарифы и другие ограничительные меры сказываются на объемах экспортно-импортных операций достаточно быстро.
10. Die Welt: Россия воспользовалась санкционной политикой США. – URL: https://rg.ru/2020/02/11/die-welt-rossiia-vospolzovalas-sankcionnoj-politikoj-ssha.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения : April 11, 2020). Аналогичным образом российские экспортеры нефти оказались в выигрыше от санкций США в отношении Ирана. В данном случае резко возросли поставки из России в Турцию.

Российско-китайские отношения: «потокосокращающий эффект»

Как и во многих других случаях, основная часть российского экспорта в КНР представлена весьма ограниченным числом товарных позиций. Крупнейшая из них – 2709 (нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород) – в 2018 г. обеспечивала 64,3% всего экспорта по сравнению с 57,7% в 2017 г.¹¹ В десятку основных экспортных товарных групп входили еще две – 2710 (нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых) и 2701 (уголь каменный; брикеты, окатыши и аналогичные виды твердого топлива, полученные из каменного угля). Всего на долю трех названных выше товарных групп приходилось почти 75% российского экспорта в КНР¹². В стоимостном выражении в 2018 г. их поставки увеличились на 58,6%, 12,1% и 24% соответственно¹³.

Применительно к рассмотрению «потокосокращающего эффекта» изменение совокупного объема экспорта, как представляется, может служить более надежным основанием для тех или иных выводов, нежели динамика поставок по отдельным товарным позициям. Соответствующие данные официальной российской статистики¹⁴ отражены в табл. 1.2.

Как свидетельствуют приведенные данные, в 2018 г. наиболее высокие темпы роста демонстрировал экспорт в КНР, а показатель поставок на американский рынок был самым низким из выделенных направлений. Аналогичная ситуация была характерна и для 2017 г. Вместе с тем, можно вполне резонно утверждать, что фактическая динамика торговых по-

11. Стоит заметить, что в 2018 г. на долю поставок в КНР приходилось 29,4% совокупного российского экспорта данной товарной группы, по сравнению с 25,6% годом раньше.
12. Важно подчеркнуть, что доля этих товарных групп в совокупном импорте КНР была достаточно высока, варьируясь в пределах от 9,5 до 17,9%.
13. В натурально-вещественных показателях данные выглядят не столь впечатляюще: + 20,1% для группы 2709 и +3,6% для группы 2709. Что же касается экспорта товарной группы 2710, то он сократился на 2,5%. Тем не менее это относительно небольшое снижение не изменило общий положительный тренд.
14. Федеральная служба государственной статистики – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm

токов складывалась под влиянием достаточно большого количества факторов. Действие некоторых из них могло частично нейтрализовать друг друга. Другие могли оказывать комплементарное воздействие. В любом случае, для России американо-китайская торговая война – всего лишь один из таких факторов, и притом не самый важный.

Таблица 1.2. **Российский товарный экспорт, ежегодный прирост, %**

Показатель	2017	2018
Экспорт в США	+15,1	+17,8
Экспорт в КНР	+38,9	+44,1
Совокупный экспорт за вычетом поставок в США и КНР	+24,1	+23,7
Совокупный экспорт	+25,2	+25,8

Источник: Международный торговый центр, op.cit.

***Российско-американские отношения:
«потокоотклоняющий эффект»***

Как в части российского экспорта в США, так и американского экспорта в Россию рассматриваемая торговая война, как представляется, не способна вызвать сколько-нибудь существенную переориентацию торговых потоков. Товарная структура поставок из России и из Китая на американский рынок различается принципиальным образом. С сожалением приходится признавать, что Российская Федерация просто не производит на достаточно конкурентоспособном уровне ту продукцию, которую КНР экспортирует в США.

Что же касается отраслевой структуры экспорта, направляемого из Соединенных Штатов в Россию и Китай, то, на первый взгляд, они характеризуются определенным сходством. На уровне двух знаков товарной номенклатуры ВЭД товарные группы 87 (средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности) и 84 (реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части) в обоих случаях входят в первую пятерку.

Вместе с тем, упомянутое выше сходство исчезает в случае конкретизации американских экспортных поставок до

уровня четырех знаков товарной номенклатуры ВЭД. Кроме того, объем российского импорта из США примерно в 20 раз меньше аналогичного показателя КНР. И тот и другой в 2018 г. сократились. Вместе с тем, величина снижения американского экспорта в Китай в стоимостном выражении в полтора раза превысила весь экспорт США в Россию.

***Российско-китайские отношения:
«потокоотклоняющий эффект»***

Как представляется авторам, этот эффект в случае экспорта из Китая в Российскую Федерацию практически не прослеживается. Конечно, с одной стороны, две основные товарные группы китайского экспорта в США, а именно 8517 (аппараты телефонные, включая аппараты телефонные для сотовой связи или других беспроводных сетей связи) и 8471 (вычислительные машины и их блоки), одновременно являются первой и третьей по значимости товарными группами поставок из КНР в Россию.

С другой стороны, переключение значимых потоков этой продукции с американского рынка на российский не представляется возможным. Наша страна просто не в состоянии их поглотить. Действительно, США импортировали из Китая телефонов на сумму 55 млрд долл.¹⁵ Соответствующий показатель для России составил всего 4 млрд долл. Более того, суммарный импорт РФ по данной товарной группе равнялся 9,4 млрд долл. Аналогичная ситуация и в случае вычислительных машин. Американский импорт из КНР достиг 44,5 млрд долл. по сравнению с российскими 2,2 млрд долл. При этом весь импорт Российской Федерации был 5,9 млрд долл.

Ожидать значительного «потокоотклоняющего эффекта» применительно к экспорту России в Китай также не приходится. В подтверждение этого суждения можно привести следующие аргументы. Товарная структура поставок из США на китайский рынок: а) радикально отличается от

15. Здесь и далее в монографии долл. означают доллары США.

российской; б) характеризуется высокой степенью диверсификации. Основной товарной группой является 9999 (прочие товары)¹⁶, на долю которой приходится 16,1% экспорта. Другие значимые группы – 8703 (автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства, предназначенные главным образом для перевозки людей), 8542 (схемы электронные интегральные) и 8486 (машины и аппаратура, используемые исключительно или в основном для производства полупроводниковых булей или пластин, полупроводниковых приборов, электронных интегральных схем или плоских дисплейных панелей). Их доля составляет соответственно 5,6, 5,1 и 3,1%. Во всех этих трех случаях шансы российских экспортеров по замещению американской продукции американских поставщиков выглядят весьма проблематичными¹⁷.

Что касается сельскохозяйственной продукции, то ситуация на этом рынке, в частности применительно к торговле соей, заслуживает отдельного рассмотрения. В течение 2014–2017 гг. это был основной товар, экспортировавшийся США в Китай¹⁸. В 2017 г. на долю американских поставок приходилось 30,5% всего китайского импорта соевых бобов. Однако в 2018 г. принес с собой резкие изменения – примерно четырехкратное сокращение экспорта США и снижение его доли в совокупном импорте КНР до 8,2%¹⁹.

Российские фермеры попытались воспользоваться предоставленной возможностью. Им удалось на 57% увеличить поставки в Китай, на который пришлось почти 90% суммарного экспорта соевых бобов Россией. Впечатляющий результат? На первый взгляд, безусловно. Вместе с тем, зарубежные

-
16. В отличие от классификации, используемой Международным торговым центром, в товарной номенклатуре ВЭД ЕАЭС товарная группа, имеющая код 99, отсутствует.
 17. Следует отметить, что в 2018 г. экспортные поставки американских автомобилей упали до уровня в 6,7 млрд долл., по сравнению с 10,3 млрд долл. годом ранее. Вместе с тем, и в случае интегральных схем, и в случае машин и аппаратуры, используемых для производства полупроводников, экспорт США, несмотря на торговую войну, вырос в 2018 г. на 15 и 42% соответственно.
 18. За исключением так называемых «прочих товаров».
 19. Суммарный импорт соевых бобов Китаем в 2018 г. также снизился, но в значительно меньшей мере – до 38,1 млрд долл., по сравнению с 40 млрд долл. годом ранее.

конкуренты смогли достичь еще большего. В итоге, доля нашей страны в совокупном китайском импорте возросла с 0,4% в 2017 г. всего лишь до 0,7% в 2018 г. Тем не менее не стоит забывать, что отечественное сельское хозяйство в течение последних нескольких лет развивалось достаточно динамично. Это позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Целесообразно обратить внимание еще на одно проявление «потокоотклоняющего эффекта». Дело в том, что китайские товары в условиях введения дополнительных импортных пошлин могут переориентироваться на рынки третьих стран, где вступят в конкуренцию с аналогичной российской продукцией. Так, как известно, в марте 2018 г. США ввели пошлину в размере 25% на импорт стали. В числе основных целевых рынков ее экспорта Китаем входят Вьетнам и Филиппины. Между тем, отечественные производители активно наращивают свои поставки в эти страны – на 63 и 405% соответственно²⁰. Аналогичным образом, введение США 10%-ной пошлины на китайский алюминий может привести к обострению конкуренции между нашей страной и КНР на рынке Японии. В ее импорте алюминия на долю России и Китая приходится соответственно 19 и 12%. Вместе с тем, в целом указанное проявление «потокоотклоняющего эффекта» едва ли достигнет значительных масштабов.

1.1.3. Воздействие на торговую политику

Как представляется, именно в части торговой политики конфликт между США и КНР может иметь для Российской Федерации наиболее существенные последствия, особенно в долгосрочной перспективе. Как известно, пытаясь снизить уровень напряженности, Соединенные Штаты и Китай вышли на так называемую первую фазу торговой сделки. Ее основным содержанием прежде всего стало обещание китайской стороны приобрести американских товаров и услуг дополни-

20. International Trade Administration (n.d.) – URL: <https://www.trade.gov>

тельно на 200 млрд долл. в течение ближайших двух лет. По сравнению с уровнем 2017 г. экспорт сельскохозяйственной продукции должен к 2021 г. увеличиться на 60%, а промышленных изделий — на 65%. Это позволит не только уменьшить дефицит торгового баланса США, но и снизить уровень недоверия в отношении обеспечения реального доступа на рынок КНР. Вместе с тем, по мнению ряда экспертов, планируемый рост американского экспорта не просто очень масштабен, но и должен быть достигнут в короткий срок вне зависимости от состояния экономики Китая²¹.

В этой связи возникает определенное количество новых рисков. В частности, КНР может быть вынуждена покупать продукцию, которая, в противном случае, либо вообще не приобреталась, либо приобреталась у других поставщиков. Кроме того, американские экспортеры, привлеченные созданными соглашением привилегированными условиями, могут сократить или даже полностью прервать устойчивые коммерческие отношения со своими традиционными партнерами. Возможность восстановить их — в случае, если по истечении срока первой фазы доходность операций на китайском рынке снизится — не столь очевидна.

Нельзя полностью исключить и вероятность определенных шагов со стороны КНР, которые, не меняя принципиально сути дела как таковой, повлияли бы соответствующим образом на отражение экспортно-импортных операций в официальной статистике. Так, поставки продукции в Китай из третьих стран могут осуществляться через территорию США. Аналогичным образом, американские товары, которые в настоящее время поступают на основную территорию Поднебесной транзитом через Гонконг, возможно направлять в порты материкового Китая.

В конечном счете, избранный американской стороной вариант разрешения торгового конфликта с Китаем создает

21. The Economist (2020). The costs of America's lurch towards managed trade. January 25th — URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/01/25/the-costs-of-americas-lurch-towards-managed-trade> (дата обращения : April 11, 2020).

весомые предпосылки подрыва всей международной торговой системы. Уместно в этой связи обратить внимание на тот факт, что, по иронии судьбы, сама эта система в значительной мере возникла в результате стремления Соединенных Штатов уйти от угрозы широкого распространения практики так называемой управляемой торговли. Едва ли можно оспаривать, что в свое время именно США активно продвигали идею создания Всемирной торговой организации, существенно расширившей, по сравнению с ГАТТ, сферу действия согласованных на многостороннем уровне универсальных международных норм и практик. Администрация Д. Трампа не просто их неоднократно игнорировала. Первая фаза торговой сделки, представляющая собой в первую очередь соглашение об объемах продаж, а не о правилах торговли, знаменует фундаментальный поворот в американской торговой политике.

Интересно отметить, что в ряде последних публикаций, посвященных текущему состоянию и перспективам развития международной торговой системы, высказывается мнение о том, что резкое усиление протекционистской составляющей в торговой политике США соответствует некоему более общему тренду. Его, как считает известный исследователь Б. Хекман, формируют действия Бразилии, Индии, России, Германии²². Более того, он утверждает: «**Неспособность ВТО** обеспечить принятие новых правил в области инструментов торговой политики, влияющих на состояние рыночной конкуренции, является **основополагающей причиной торговой войны** (Выделено нами. — С.С., Н.Л.)»²³. Как нам представляется, не стоит поддаваться соблазну увидеть в подобной позиции чуть ли не попытку, как принято говорить, свалить с больной головы на здоровую. Скорее Б. Хекман своим в известной мере провокационным высказыванием стремится еще более актуализировать проблему реформирования ВТО. Тем более, что в цитируемой статье он пред-

22. *Hoekman B.* (2020). Trade Wars and the World Trade Organization: Causes, Consequences, and Change. *Asian Economic Policy Review*. № 15, pp. 100-101.

23. *Ibid.*, p.99.

лагает конкретный вариант, реализация которого способна, по крайней мере частично, повысить действенность в работе организации.

Долгосрочные угрозы и вызовы, с которыми Россия сталкивается в этой ситуации, по существу, касаются всей системы глобального управления. Ведь действия Вашингтона направлены не только на дискредитацию одной из ее опор – ВТО. США недовольны и Организацией Объединенных Наций, и ее учреждениями, такими как ЮНЕСКО и ВОЗ. Отдельно отметим отношение Соединенных Штатов к Совету Безопасности ООН. Этот ключевой институт современного мироустройства зачастую полностью игнорируется американской стороной. В качестве наиболее ярких примеров можно привести и односторонние санкции, вводимые против Ирана и России, или игнорирование целого ряда резолюций Совбеза по поводу арабо-израильского конфликта.

Стоит отметить, что желание США стать «снова великими» за счет других, включая традиционных союзников и партнеров, вызывает негативную реакцию со стороны многих государств. Показательна в этом плане точка зрения Президента Германии В. Штайнмаера. Открывая 14 февраля 2020 г. 56-ю Мюнхенскую конференцию по безопасности, он с сожалением констатировал: «Наш ближайший союзник – Соединенные Штаты Америки – при нынешней администрации отрицает саму концепцию международного сообщества»²⁴.

В этой ситуации в Азии явно проявляется тенденция формирования региональных институтов и разработки проектов, в частности ориентированных на то, чтобы минимизировать американское влияние. Так, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития, созданный странами БРИКС, становятся все более привлекательными для развивающихся экономик. Со своей стороны, администрация Трампа вслед за администрацией Обамы проводит –

24. CNBC (2020). Trump's America First Ethos Under Fire As Leaders Gather In Munich. – URL: <https://www.cnbc.com/2020/02/14/trumps-america-first-ethos-under-fire-as-leaders-gather-in-munich.html> (дата обращения : April 11, 2020).

в отличие от других членов «Большой семерки» — курс на ограничение своего участия в деятельности этих учреждений.

Аналогичным образом, Вашингтон дистанцируется и от инициированного Китаем проекта «Один пояс — один путь». Президент Трамп даже назвал его «оскорбительным» (“insulting”²⁵). Между тем, реализация проекта предусматривает суммарные инвестиции в объеме от 4 до 8 трлн долл. Примечательно, что это многократно превышает размеры знаменитого «плана Маршалла», оцениваемого в пересчете на текущий курс американской валюты в 180 млрд долл. Есть все основания согласиться с мнением Д. Стейнбека, который пишет: «...То, в чем Азия сейчас нуждается, это не новые геополитические размежевания, а устойчивый долгосрочный план ускорения экономической интеграции и развития. Об этом свидетельствует практически полное единодушие среди азиатских стран в желании работать над созданием зоны свободной торговли в азиатско-тихоокеанском регионе... с участием Соединенных Штатов. Однако это не то, чего хочет администрация Трампа»²⁶.

Что касается России, то она заинтересована в своем активном участии в указанном проекте. В ходе Второго форума «Пояс и путь» в апреле 2019 г. Президент Путин официально анонсировал план связать Северный морской путь с китайским Морским шелковым путем²⁷. Что касается КНР, то ее заинтересованность в «Полярном шелковом пути» связана не только с возможностью сокращения примерно на 10 дней/5000 морских миль времени/протяженности доставки морем грузов из Китая в Европу. Кроме того, на этой основе дополнительный стимул может получить сотрудничество с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). С мая 2015 г.

-
25. *Karni A.* (2018). Trump Rants Behind Closed Doors With CEOs. Politico, August 8 — URL: <https://www.politico.com/story/2018/08/08/trump-executive-dinner-bedminster-china766609>. (дата обращения : April 11, 2020).
 26. *Steinbock, A.* (2018). Rising U.S.-China Tensions and Waning Globalization. *China Quarterly of International Strategic Studies*, Vol. 4, No. 4, p. 517.
 27. Заседание круглого стола форума «Один пояс, один путь». 27 апреля 2019 г. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60393> (дата обращения : April 12, 2020).

ЕАЭС совместно с КНР работает над совмещением интеграционного проекта на постсоветском пространстве с инициативой «Один пояс — один путь». Это позволит создать на основе долгосрочного развития инфраструктуры новый экономический блок. По словам В.В. Путина, члены ЕАЭС единодушны в своей поддержке формирования Евразийского экономического сообщества²⁸.

Таким образом, есть основания утверждать, что политика администрации Трампа в отношении Китая, по существу, создает дополнительные стимулы для развития российско-китайского сотрудничества. Последнее выходит за рамки экономической сферы и приобретает характер полномасштабного стратегического партнерства.

1.1.4. Заключение: какая торговая политика нужна России?

Тот факт, что Россия как таковая не является объектом предпринимаемых обеими сторонами американо-китайского торгового конфликта действий, придает особое значение данному внешнему шоку.

Во-первых, проведенный анализ еще раз подчеркивает, насколько тесно в современных условиях интегрированы между собой экономики стран мира. Практически в любых моментах и проявлениях своего функционирования они, с одной стороны, зависят от решений, принимаемых зачастую далеко за пределами их собственных границ, с другой — оказывают воздействие на текущее состояние и перспективы развития остальных членов международного сообщества.

Во-вторых, приходится еще раз всерьез задуматься о разумных пределах участия нашей страны в международной торговле. Один из авторов настоящей работы уже приводил расчеты, свидетельствующие о том, что по целому ряду показателей степень функциональной торговой открытости

28. Ibid.

России существенно превышает показатели подавляющего большинства сопоставимых с ней зарубежных экономик²⁹. Информация, ставшая доступной в последнее время, говорит о том, что положение не изменилось. Таблица 1.3 позволяет судить об этом применительно к функциональной внешне-торговой открытости нашей стран.

Таблица 1.3. **Внешнеторговая квота (экспорт + импорт / ВВП) ведущих участников международной торговли, %**

Страны	2015	2017	2018
Мексика	68,7	73,2	75,9
Германия	70,9	71,0	71,2
Республика Корея	70,0	68,5	70,4
Канада	54,2	52,2	53,7
Россия	40,3	30,7	42,5
Индонезия	34,0	32,1	36,1
Китай	36,4	34,2	34,5
Индия	31,8	28,6	30,8
Япония	30,9	28,1	30,0
ЕС-28	23,9	24,4	24,8
Бразилия	20,8	18,3	23,0
США	21,2	20,4	20,9

Источник: рассчитано авторами на основе WTO Trade Profile, 2016, 2018, 2019.

Среди тех четырех стран, которые находятся по состоянию на 2018 год впереди России, в данном рейтинге Германия и Республика Корея хорошо известны тем, что на протяжении нескольких последних десятилетий в целом успешно реализовывали ориентированную на экспорт стратегию развития. Что касается Мексики и Канады, то функционирование их национальных хозяйственных систем не просто находится под влиянием, но в очень большой степени зависит от масштабного взаимодействия с граничащими с ними Соединенными Штатами Америки. Более того, по крайней мере по отношению к Канаде, есть все основания согласиться с авторитетным канадским исследователем М. Хартом, утверждающим, что его страна всегда была и продолжает сегодня видеть во внешней торговле важнейший источник экономического роста³⁰.

29. Russian Trade Policy: achievements, challenges and prospects / edited by Sutyryn, S., Trofimenko, O. and Koval, A. Routledge, 2019. Pp. 306-311.

30. Hart, M. (2002). Trading Nation: Canadian Trade Policy: From Colonialism to Globalization, UBC Press, Vancouver.

Если же говорить о России, то целый ряд факторов, включая географические особенности, характер размещения основных промышленных центров по территории страны, относительно слабо развитую транспортную инфраструктуру и др., традиционно сдерживают внешнеторговую деятельность. При этом ряд экспертов обращает особое внимание на удаленность России от основных морских торговых путей³¹. Принимая все это во внимание, можно утверждать, что наша страна имеет больше оснований, нежели многие другие сопоставимые с нею или превышающие ее по размерам экономики, называться торгующей нацией.

Представляется целесообразным отдельно обратить внимание на существенную разбалансированность российских внешнеторговых потоков. Безусловно, положительное сальдо торгового баланса, характерное для всего постсоветского периода развития, может рассматриваться в качестве достижения, особенно в сравнении с гипотетическим вариантом аналогичного по величине дефицита. Вместе с тем, относительные размеры превышения экспорта над импортом выглядят избыточными на фоне общемировых трендов, о чем свидетельствует табл. 1.4.

Таблица 1.4. **Относительная величина торгового баланса (экспорт — импорт / ВВП) ведущих участников международной торговли, %**

Страны	2015	2017	2018
Мексика	2,1	2,0	2,1
Германия	8,3	7,6	6,9
Республика Корея	6,5	6,2	4,3
Канада	1,8	1,3	1,1
Россия	11,0	7,5	12,0
Индонезия	0,9	1,1	0,1
Китай	5,5	3,5	2,6
Индия	6,0	5,7	6,8
Япония	0,1	0,1	0,2
ЕС-28	0,004	0,01	0,2
Бразилия	0,7	2,9	2,7
США	4,5	4,4	4,6

Источник: рассчитано авторами на основе WTO Trade Profile, 2016, 2018, 2019.

31. Friedman, G. (2018). Putin's Russia, Geopolitical Futures, March 19 – URL: <https://geopoliticalfutures.com/putins-russia/> (дата обращения : April 12, 2020).

Оценивая приведенные в ней данные, важно иметь в виду, что в период 1999–2004 гг. профицит торгового баланса Российской Федерации находился в пределах 12,3 – 22,0% ВВП.

В данных обстоятельствах проводимая Россией торговая политика имеет очень большое значение не только сама по себе как таковая, но и в общем контексте развития национальной экономики. Как известно, в течение последних полутора десятков лет оно характеризуется непосредственным активным участием государства. В свою очередь, это (наряду с другими аспектами) требует соответствующих финансовых ресурсов. С этой точки зрения российская торговая политика – по сравнению с аналогичной политикой, реализуемой другими странами, – оказывается чрезвычайно важным фискальным инструментом (табл. 1.5).

Таблица 1.5. Доля налогов на внешнеторговые операции в доходах бюджета ведущих участников международной торговли, %

Страна и весь мир	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	25,1	25,5	25,6	25,6	26,5	25,4	25,1	13,2	10,1	9,2	10,8
Бразилия	2,1	2,0	1,9	2,2	2,3	2,5	2,4	2,3	1,8	1,8	n.a.
Канада	1,4	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,5	1,5	1,5	1,7
КНР	4,8	3,7	4,4	4,7	4,7	4,2	2,8	2,4	2,3	n.a.	n.a.
Япония	1,6	1,5	1,6	1,7	1,6	1,7	1,6	1,5	1,4	1,4	n.a.
Индия	14,1	11,4	13,5	14,8	14,9	13,2	13,0	12,3	10,7	11,1	n.a.
Индонезия	3,8	2,2	2,9	4,5	3,7	3,3	2,8	2,3	2,2	2,3	n.a.
Республика Корея	3,6	3,7	4,0	3,8	2,5	2,8	2,2	2,1	1,8	1,8	n.a.
Мексика	1,5	1,5	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,2	1,5
США	1,1	1,0	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,1	1,0	1,5
Весь мир	4,6	4,3	4,1	4,4	4,2	4,0	3,8	4,1	3,8	3,6	n.a.

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank (n.d.) - URL: www.worldbank.org

Уместно задаться вопросом, насколько столь высокий уровень фискальной направленности в действительности совместим с другими целями, на достижение которых обычно ориентирована торговая политика. Табл. 1.6 содержит определенную информацию, которая может способствовать поиску ответа на этот вопрос. Обратим внимание на то, что Россия – единственная из представленных в табл. 1.5 и 1.6

стран, в которой доля налогов на внешнеторговые операции в бюджетных доходах превышает долю пошлин и других налогов на импорт в налоговых поступлениях. Это связано с активным использованием вывозных пошлин на углеводороды, являющиеся основным предметом российского экспорта, и ряд других природных ресурсов.

Таблица 1.6. Доля таможенных пошлин и других налогов на импорт в налоговых поступлениях ведущих участников международной торговли, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	9,8	9,5	9,3	9,4	9,7	8,9	7,6	6,5	7,3	6,2	5,7
Бразилия	3,6	3,3	4,0	4,3	4,7	5,0	5,0	5,1	3,9	3,9	п.а.
КНР	5,6	4,2	4,9	5,2	5,1	4,6	4,6	4,0	3,9	п.а.	п.а.
Япония	1,9	1,8	1,8	1,9	1,9	2,0	1,8	1,7	1,6	1,6	п.а.
Индия	16,2	13,3	17,1	16,8	17,3	15,2	15,1	14,4	12,7	12,8	п.а.
Индонезия	3,5	2,9	2,8	2,9	2,9	2,9	2,8	2,5	2,5	2,6	п.а.
Республика Корея	5,3	5,6	6,0	5,7	4,7	5,3	4,2	3,9	3,4	3,2	п.а.
Мексика	3,1	2,7	2,0	2,0	2,0	1,9	2,0	1,9	1,9	1,9	2,2
США	1,9	2,0	2,2	2,1	2,1	2,0	1,9	1,9	1,8	1,7	2,7

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank, op.cit.

Каждый из перечисленных выше моментов, взятый в отдельности, возможно, и не столь уж значим. Однако, рассматриваемые в совокупности, они, даже с учетом проявляющейся в последние несколько лет тенденции к снижению фискальной направленности российской торговой политики³², дают основания говорить об избыточной уязвимости Российской Федерации по отношению к внешним шокам.

Показательно в этом плане мнение Председателя Центрального банка РФ Э.С. Набиуллиной, которая назвала сокращение российского экспорта одним из основных внешних факторов, способствующих снижению темпов роста российской экономики. Оценивая американо-китайский торговый конфликт, она сказала, что если он будет быстро разрешен в конструктивном ключе, то рынки оценят соответствующее сокращение как циклическое. В свою очередь, чем дольше противостояние будет продолжаться, тем выше шансы на его

32. Подобное снижение, как явствует из приведенных выше данных, в той или иной мере характерно и для подавляющего большинства других стран.

превращение в одну из структурных проблем глобальной экономики³³.

Анализ ситуации, складывающейся в связи с пандемией коронавируса COVID-19, дает дополнительные аргументы в пользу приведенной выше оценки. Общеизвестно, что распространение этого заболевания и вызванные им ограничительные меры уже оказали и продолжают в ближайшем будущем оказывать существенное негативное воздействие на мировую экономику в целом и в той или иной мере на развитие национальных хозяйственных комплексов. По оценке экспертов ОЭСР, прямые потери от сокращения производства в ряде крупнейших экономик могут варьироваться в пределах от 1,5% (в случае Китая) до 2,5% (в случае Японии) ВВП за каждый месяц действия ограничений³⁴.

Вместе с тем, к этим потерям следует добавить негативные последствия, связанные с сопряженным сокращением внешнеторговых – прежде всего экспортных – операций. Проведенные рядом экспертов расчеты размеров так называемого «эффекта международного перелива» (international spillover effect) говорят о том, что для России повышающий коэффициент для пересчета величины снижения ВВП равняется 1,3 и превышает соответствующие значения, полученные для Китая, США, Японии, Германии и Франции³⁵.

По крайней мере, одной из причин сложившегося неблагоприятного положения следует считать во многом, к сожалению, сохраняющуюся и до сегодняшнего дня приверженность национальной хозяйственной системы сформулированной еще в начале 1990-х годов цели – интеграции России в мировую экономику. При всей своей внешней яркости и привлекательности данная формулировка вольно или

33. Russian Business Today (2019). “Nabiullina: Trade Wars Threaten to Turn into Structural Problem in Global Economy.” October 19. – URL: <https://russiabusinesstoday.com/economy/nabiullina-trade-wars-threaten-to-turn-into-structural-problem-in-global-economy/>

34. OECD (2020). Evaluating the initial impact of COVID-19 containment measures on economic activity.

35. Simola, H., Solanko, I (2020). Domestic and global economic effects of corona containment measures - Russia in international comparison. BOFIT Policy Brief, № 6. P. 6.

невольно способствовала формированию упрощенной (если не сказать, просто ошибочной) установки на максимизацию внешнеторговых потоков. В результате, торговля превращается в некую ценность саму по себе, становится не средством, обеспечивающим поступательное развитие экономики и рост общественного благосостояния, а самостоятельной целью. Но, по нашему глубокому убеждению, так быть не должно. Нужна разумная (а в идеале — оптимальная) мера участия российской экономики в системе международной торговли. Определить эту меру еще предстоит. Но уже сегодня можно с определенностью утверждать, что торговая политика должна однозначно и последовательно ориентироваться на ее достижение и последующее поддержание.

Глава 1.2

ТОРГОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИНДИИ И США: ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ

Мировая экономика сейчас находится в глубочайшем кризисе, начало которого обозначилось задолго до наступления пандемии COVID-19. К концу предыдущего десятилетия в мире сложилась непростая ситуация, которая стала тревожным звонком, предупреждающим о начале нового этапа развития мирового хозяйства. После довольно длительного периода либерализации экономик мир столкнулся с нарастанием волны протекционизма в отдельно взятых странах и во всей мировой экономике. С приходом ко власти Д. Трампа США развязали торговое противостояние практически со всеми своими ключевыми торговыми партнерами. Исключением не стала и Индия, для которой внешнеторговые связи с США имеют стратегическое значение.

Целью данного раздела является рассмотрение внешне-торговой политики Индии на современном этапе в контексте торгового противостояния страны с США.

1.2.1. Эволюция внешней торговли Индии

Со времени обретения независимости от Великобритании структура внешней торговли Индии претерпела серьезные изменения. Долгие десятилетия до 1947 г. торговые отношения страны были ориентированы в первую очередь на метрополию и другие британские колонии. На долю Великобритании в 1937/38–1938/39 финансовом году приходилось 34,2% индийского экспорта и 30,2% импорта. В начале становления независимой Индии еще одним значимым партнером становятся США. Экспорт в Великобританию и США в

1946/47 финансовом году практически сравнивается (23,6 и 25%), в импорте же по-прежнему доминирует именно Великобритания (36,7%), доля США почти в два раза меньше (19%)³⁶.

Вместе с тем, Великобритания постепенно утрачивала позиции ведущего торгового партнера Индии. На первый план выходят страны социалистического блока (к 1982 г. на долю указанных стран приходилось 25% индийского экспорта и 13% индийского импорта). Начиная с 1970-х гг. ведущим партнером почти на два десятилетия становится СССР. Его доля в индийском экспорте в 1980/81 финансовом году составляет 18,3%, в то время как США с долей в 11% занимают вторую строчку, а Великобритания пока еще занимает третью строчку с долей 5,9%, но в последующие десятилетия окончательно покинет тройку стран, куда направляется индийская продукция, оставшись при этом одним из ведущих поставщиков в Индию еще на два десятилетия³⁷.

В 1990/91 финансовом году Советский Союз остается основным потребителем индийской продукции (16,2%). Однако 1990-е гг. стали непростым периодом для России и Индии. Крушение СССР, либеральные экономические реформы, тяжелый экономический кризис, последовавший за этими событиями, — все это привело к нарушению налаженных в течение нескольких десятилетий торговых отношений между двумя странами³⁸. С тех пор Индия и Россия так и не смогли вернуться к существенному торговому сотрудничеству. На современном этапе на Россию приходится всего 0,7% индийского экспорта и 1,4% импорта³⁹.

36. *Маляр О.В.* Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. В 2 т. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2010.

37. *Галищева Н.В.* Внешняя торговля России и Индии в 1950–2000-х гг. //Вестник МГИМО Университета. 2012, №3.

38. *Губина М.А.* Российско-индийские экономические отношения: современные тенденции и перспективы. // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы -2018». СПб: Изд-во СПбГУ. 2019.

39. ITC Trade Map — URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 20.05.2020)

После стремительного сокращения внешнеторговых связей Индии с постсоветской Россией главным игроком во внешней торговле страны становятся США. В 2000/01 финансовом году 13% внешней торговли приходится на США. На экспорт в эту страну идет 20,9% индийских товаров, а импортируется, в свою очередь, 6,0% (рис. 1.1). Вторую и третью строчку в индийской внешней торговле занимают Великобритания (5,8%) и ОАЭ, с которыми с начала 1990-х гг. начинается довольно интенсивное взаимодействие (5,1%). Индо-китайские торговые связи на тот момент были не сильно развиты – 2,5% внешнеторгового оборота приходилось на эту страну.

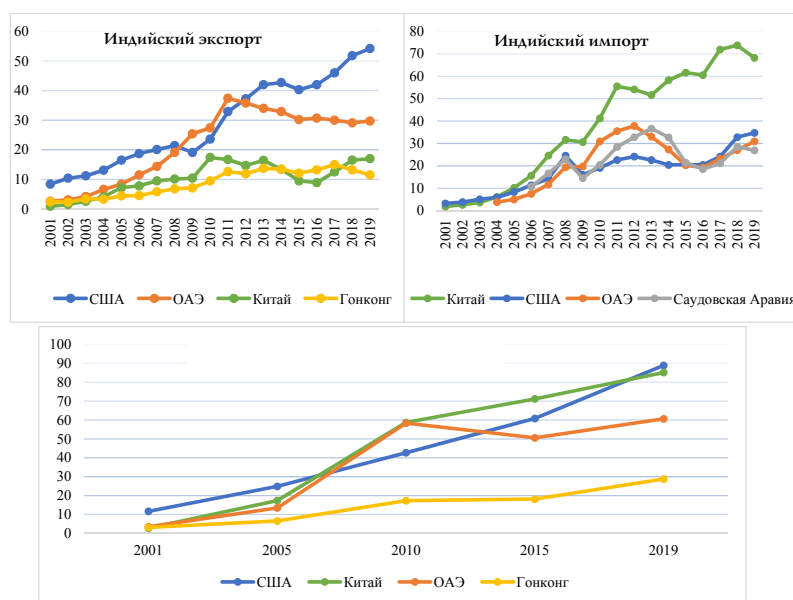

Рис. 1.1. Географическая структура внешней торговли Индии с ее ключевыми партнерами с 2001 по 2019 г., млрд долл.

Источник: составлено по ITC Trade Map – URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 20.05.2020).

США оставались ведущим индийским внешнеторговым партнером вплоть до 2008 г. Однако затем произошли некоторые изменения в географической структуре внешней тор-

говли Индии. За последнее десятилетие Штаты сместились сначала на третью (с 2009 по 2013 г.), а затем на вторую позицию (с 2014 по 2018 г.), пропустив вперед Китай и ОАЭ.

Интенсивный экономический рост в Китае, а также активная экспансия на внешние рынки, в том числе индийский, привели к тому, что Китай с 2013 г. занял центральное место во внешней торговле Индии. Данные показывают, что Китай в первую очередь является основным импортером для индийской экономики (см. рис. 1.1). Тогда как основным экспортным рынком для Индии остаются США.

В 2019 г. США вернули себе первое место среди индийских внешнеторговых партнеров (см. рис. 1.1). На долю Штатов приходится 11% внешней торговли Индии, тогда как удельный вес Китая составляет немного меньше – 10,6%. Таким образом, несмотря на обозначившиеся в последние годы торговые противоречия между странами, сотрудничество не только не сворачивается, но и продолжает довольно интенсивно развиваться.

1.2.2. Внешнеторговая политика Индии

С момента получения независимости индийская торговая политика претерпела значительные изменения. Сначала в стране последовательно реализовывалась концепция форсированной индустриализации, в основе которой лежала жесткая протекционистская политика. Затем в начале 1990-х гг. Индия так же последовательно проводила либерализацию экономики, поэтапно открывая отдельные отрасли для торговли и зарубежных инвестиций. За 10 лет страна отменила практически все ограничения на импорт, за исключением нескольких позиций, для которых по стратегическим соображениям сохранялся режим лицензирования⁴⁰.

Постепенно сокращались средневзвешенные таможенные пошлины, применяемые в Индии: 49,6 в 1990 г.; 23,3 в

40. WTO (2002) Trade Policy Review: India. PRESS RELEASE. PRESS/TPRB/195.

2000 г.; 11,7% в 2018 г.⁴¹ При этом у страны осталось значительное поле для маневра, поскольку средний уровень связанных (консолидированных) в рамках ВТО ставок таможенных пошлин составляет 50,8%⁴².

Вместе с тем, произошло некоторое замещение использования традиционных таможенных пошлин мерами защиты внутреннего рынка. В частности, Индия стала лидером по части использования антидемпинговых и специальных защитных мер (табл. 1.7).

Таблица 1.7. Топ-5 стран, использующих механизм защиты внутреннего рынка* (антидемпинговые пошлины и специальные защитные меры), 1995–2019 гг.

АД расследования	АД меры	Расследования о СЗМ	Введенные СЗМ
Индия (938)	Индия (703)	Индия (46)	Индия (22)
США (715)	США (484)	Индонезия (34)	Индонезия (20)
ЕС (515)	ЕС (329)	Турция (25)	Турция (17)
Бразилия (417)	Бразилия (260)	Чили (20)	Чили (9)
Аргентина (381)	Аргентина (259)	Иордания (19)	Иордания (9)
МИР (5833)	МИР (3887)	МИР (377)	МИР (185)

* Меры защиты внутреннего рынка включают в себя антидемпинговые и компенсационные пошлины, а также специальные защитные меры. В Индии компенсационные пошлины не получили большого распространения, поэтому они остались за пределами рассмотрения в данной таблице.

Источник: составлено по WTO (n.d.) Statistics on Antidumping and Safeguard Measures – URL: www.wto.org

С целью реализации антидемпинговой политики в Индии в 1998 г. на базе Минпромторга был создан Директорат по антидемпинговым и сопутствующим пошлинам (the Directorate-General of Anti-dumping and Allied Duties, DGAD). Ответственным за реализацию механизма специальных защитных мер в Индии является Генеральный директорат по защитным мерам при Министерстве финансов (Directorate General of Safeguards), созданный, так же как и Директорат по антидемпинговым и сопутствующим пошли-

41. Reserve Bank of India, 2020.

42. WTO (2020) Tariff Profiles India 2019 – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles19_e.htm (дата обращения 23.04.2020)

нам, в 1998 г.⁴³ Таким образом, во многом благодаря кропотливой деятельности указанных директоров с начала 2000-х гг. Индия становится абсолютным лидером по части использования антидемпинговых и специальных защитных мер.

С приходом к власти в стране премьер-министра Н. Моди в 2014 г. наметилось еще более заметное отступление от либеральной политики 1990-х гг. Была запущена программа Make in India, основная цель которой — «сделать Индию глобальным центром производства, исследований и инноваций и неотъемлемой частью глобальной цепочки поставок»⁴⁴. В ходе реализации этой политики в 2017–2018 гг. были повышены таможенные пошлины в рамках уровня связывания на электронные товары, такие как мобильные телефоны и телевизоры, и еще на 40 наименований. Кроме того, был разработан комплекс мер по поддержке таких отраслей, как производство автомобилей и автокомпонентов, биотехнологий, фармацевтической и медицинской промышленности, проектирования и производства электронных систем, химикатов, кожи и обуви, текстиля и одежды, обработки пищевых продуктов, драгоценных камней и ювелирных изделий, новых и возобновляемых источников энергии, строительство, судоходство и железные дороги, а также инфраструктура, связанная с торговой логистикой. По сути, речь идет о возвращении Индии к активной промышленной политике (некий симбиоз импортозамещения с экспортной ориентацией), которая на протяжении многих десятилетий после обретения страной независимости господствовала в Индии ⁴⁵.

-
43. Губина М.А., Малова А.С. (2015). Либерализация или протекционизм: индийский опыт использования мер защиты внутреннего рынка // *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2015»*. СПб: Гамма.
 44. Make in India Initiative. September 25, 2014. – URL: <https://www.makeinindia.com/article/-/v/make-in-india-reason-vision-for-the-initiative>
 45. Губина М.А. (2019). Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. №2.

1.2.3. Истоки торговых противоречий между США и Индией

В США после того, как Д. Трамп обосновался в Белом доме, обозначилась резкая смена парадигмы внешнеэкономической политики. Бреттон-Вудские финансовые организации, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем и Всемирная торговая организация – все указанные институты были нацелены на поддержание либерального экономического порядка, во главе которого стояли США. Десятилетия либерализации экономики, по сути, оказались перечеркнутыми. События, происходящие в эпоху Трампа, можно обобщить ключевой фразой, которую американский президент произнес на 74 сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Будущее не принадлежит глобалистам. Будущее принадлежит патриотам»⁴⁶.

Одной из основных задач Трампа стало сокращение отрицательного сальдо во внешней торговле США. В 2018 г. торговый дефицит составлял 626 млрд долл., или 3% от ВВП. В торговых отношениях с Индией дефицит в торговле только товарами составлял в указанный период 19 млрд долл.⁴⁷ Основным механизмом достижения сбалансированного бюджета в США стал пересмотр прежних договоренностей.

Внешнеторговая политика Индии уже давно вызывала недовольство со стороны Белого дома, о чем свидетельствуют многочисленные иски, заявленные в Орган по разрешению споров ВТО (ОРС ВТО). Индия неоднократно называлась Трампом «королем» импортных пошлин, поскольку в этой стране наблюдаются относительно высокие тарифные пики (табл. 1.8) на ряд товаров, и это является предметом беспокойства для американских производителей.

46. *Trump D.* Remarks by President Trump to the 74th Session of the United Nations General Assembly. The White House – Donald J. Trump administration, 25 September 2019.

47. ITC Trade Map Op.cit.

Таблица 1.8. **Тарифные пики на импортную продукцию в Индии, %**

Наименование товара	Ставка таможенной пошлины
22. Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	11,8
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	86,2
21. Разные пищевые продукты	72,6
87. Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	63,5
17. Сахар и кондитерские изделия из сахара	58,9
И еще 28 групп товаров (пищевой промышленности) с ТП от 60 до 13	

Источник: ITC Trade Map, op.cit.

Вместе с тем, необходимо понимать, что указанные таможенные пошлины находятся в пределах связывания и, соответственно, не противоречат принятым в рамках ВТО нормам. Более того, Индия в большинстве случаев использует ставки таможенных пошлин на гораздо более низком уровне, чем согласованный связный уровень (50,8%). Средневзвешенная применяемая ставка импортной таможенной пошлины составляет 11,7%. Однако по сравнению с другими странами, в частности партнерами по БРИКС, в Индии этот показатель все же находится на более высоком уровне (табл. 1.9).

Таблица 1.9. **Средневзвешенный уровень применяемых ставок импортных таможенных пошлин в БРИКС, %**

Страна	Средневзвешенный уровень применяемых ИТП	Тарифные пики
Бразилия	11,8	33,5 (ковры)
Россия	4,3	30,2 (мясо)
Индия	11,7	118 (алкогольные и безалкогольные напитки)
Китай	8,7	53,5 (злаки)
ЮАР	6,5	82,6 (табак и заменители)

Источник: составлено по ITC Trade Map, op.cit.

Хрестоматийным является пример упоминания Трампом его телефонного разговора с премьер-министром Индии Н. Моди, в котором Моди сообщил американскому президенту, что Индия готова снизить 100%-ную таможенную пошлину на импорт мотоциклов в два раза. Трамп в своем ком-

ментарии разговора отметил, что это «хорошо, но пока мы ничего от этого не получаем. Таким образом, мы ничего не получаем, он (Моди) получает 50%, и они думают, что делают нам одолжение. Это не одолжение»⁴⁸.

Еще одним фактором, который называют в качестве причин торгового противостояния между США и Индией (наряду с американским торговым дефицитом и высокими таможенными пошлинами в Индии), является столкновение интересов двух экономик по части реализации политик *America First* и *Make in India*.

Недовольство используемыми в рамках реализации программы *Make in India* инструментами привело к тому, что США инициировали в отношении Индии торговый спор. Претензия США касалась использования индийской стороной экспортных субсидий. Этот инструмент запрещен правилами ВТО⁴⁹.

14 марта 2019 г. торговый представитель США обратился в ОРС ВТО с просьбой о консультациях с правительством Индии по экспортным субсидиям. США обвиняли Индию в том, что она предоставляет запрещенные субсидии производителям стальной продукции, фармацевтических препаратов, химикатов, продукции информационных технологий, текстиля и одежды на сумму более 7 млрд долл. в год в ущерб американским рабочим и производителям⁵⁰. Индия реализует целый ряд программ, нарушающих правила ВТО: Схема экспорта товаров из Индии (MEIS); Схема экспортно-ориентированных единиц и схемы для конкретных секторов (EOU); Особые экономические зоны (SEZ); Схема поощрения экспорта капитальных товаров (EPCG) и Программа беспошлинного ввоза для экспортеров (DFIS). Экспорт в рамках ОЭЗ увеличился более чем на 6000% с 2000 по 2017 г., и в

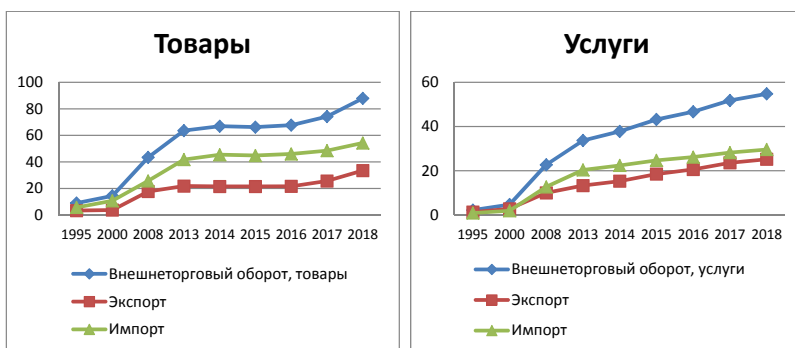
48. *Choudbury S.* (2018). Donald Trump mocks India's import duty cut on Harley Davidson bikes. *Business Today*. February 27.

49. Коваль А.Г., Трофименко О.Ю., Сутырин С.Ф. (2014). Защита национальных производителей в рамках ВТО // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, № 1.

50. WTO. DSM DS541: India — Export Related Measures - URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds541_e.htm (дата обращения 12.04.2020)

2016 г. на него приходилось 30% от объема совокупного индийского экспорта. Вывоз экспортно-ориентированных единиц (ЕОУ) увеличился более чем на 160% с 2000 по 2016 г. В конечном счете иск США был удовлетворен, и индийской стороне было предписано в течение 6 месяцев снять экспортные субсидии⁵¹.

Анализ статистических данных показывает, что, несмотря на опасения США, связанные с реализацией программы Make in India, американский экспорт в Индию продолжает увеличиваться (рис. 1.2). Позитивным фактом для США является то, что наблюдается сокращение дефицита торгового баланса между США и Индией. Если в 2014 г. он составлял 23,9 млрд долл. по товарам и 7,1 млрд долл. по услугам, то в 2018 г. дефицит по товарам сократился до 20,8 млрд долл., а по услугам — до 4,4 млрд долл. С точки зрения торгового баланса с Индией 2013–2014 гг. были наиболее нелицеприятными годами для США.

Источник: USTR (2019). US Trade Representative – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2019/march/united-states-will-terminate-gsp> (дата обращения 06.05.2020)

Рис. 1.2. Внешнеторговый оборот США с Индией с 1995 по 2018 г., млрд долл.

Еще одним предметом беспокойства для США стало принятое в 2018 г. решение Индии отказаться от продол-

51. Ibid.

жающихся в рамках ВТО переговоров по расширению охвата Соглашения по информационным технологиям (ИТА-1). В коммюнике Министерства торговли и промышленности, в котором было объявлено о решении правительства страны отказаться от участия в ИТА-2, сообщается, что опыт участия Индии в ИТА-1 был скорее негативным, поскольку индустрия информационных технологий в Индии была существенно притеснена конкурентами. Реальным бенефициаром Соглашения стал Китай, который увеличил свою долю на мировом рынке с 2 до 14% в период с 2000 по 2011 г.⁵² В качестве меры противодействия Индия ввела таможенные пошлины на некоторые продукты, охватываемые ИТА-1. В этой связи на заседании Совета ВТО (3-4 июля 2018 г.) США, Китай, ЕС, Япония и Норвегия выразили обеспокоенность по поводу повышения пошлин на информационно-коммуникационные технологии.

1.2.4. Инструменты торгового противостояния между Индией и США

Первым шагом на пути к снижению отрицательного сальдо торгового баланса США стало провозглашение об установлении защитных таможенных пошлин на солнечные батареи и панели, а также стиральные машины и детали в соответствии с разделом 201 Закона о торговле 1974 г.⁵³ Положения раздела 201 разрешают президенту США вводить временные ограничения на импорт в случае, если возросшие объемы импорта наносят или создают угрозу нанесения ущерба отечественным производителям, что в полной мере соответствует нормам Всемирной торговой организации, в частности ее Соглашению о защитных мерах. Указанная мера вступила

52. India Ministry of Commerce and Industry (n.d.) – URL: <https://www.commerce.gov.in> (дата обращения 22.04.2020).

53. *Brown Ch.P., Kolb M.* Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide. Trade and Investment Policy Watch, Peterson Institute of International Economics, 1 December 2018, <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/trump-trade-war-china-date-guide>

в силу 23 января 2018 г. Согласно Соглашению о защитных мерах ВТО, импорт из развивающейся страны не может быть объектом защитных мер, если его доля в общем импорте рассматриваемого товара в страну, использующую эту меру, меньше 3%. Это освобождение не применяется, если импорт из развивающихся стран с индивидуальной долей импорта менее 3% в общем составляет более 9% импорта⁵⁴. Индийский импорт в США не превышал указанные доли.

Следующим шагом, уже непосредственно затронувшим интересы Индии, стало введение 25%-ной пошлины на весь импорт стали и 10%-ной пошлины на импорт алюминия в США в соответствии со статьей 232 Закона о расширении торговли от 1962 г. (по вопросам национальной безопасности), вступившей в силу 23 марта 2018 г. В отличие от специальных защитных мер, эти тарифы применяются ко всем странам, кроме случаев, предусмотренных президентским указом. Указанная мера, как и предыдущие, в первую очередь была направлена на избыточное предложение на мировом рынке дешевой стали и алюминия из Китая. Вместе с тем, поставки указанных товаров из Индии, несмотря на весьма незначительную долю в совокупном американском импорте (1,3% стали и 3,4% алюминия)⁵⁵, также оказалась под воздействием повышенных тарифов. Если рассматривать ситуацию с позиций индийских экспортеров стали и алюминия, то американский рынок не является ключевым – в США идет 14% стали (0,7 млрд долл.) и 2% алюминия (0,2 млрд долл.). В этой связи стоит отметить, что для тех категорий товаров, для которых экспорт в США имеет принципиальное значение, доступ на американский рынок не усложнился. Речь идет, в частности, о продуктах из мяса, рыбы и ракообразных (76% индийского экспорта идет в США); о коврах (53%); о готовых текстильных изделиях (48%); о мехе натуральном

54. Губина М.А., Коваль А.Г., Трофименко О.Ю. Специальные защитные меры как инструмент политики импортозамещения: зарубежный опыт и перспективы России // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 2 (449).

55. ITC Trade Map, Orcit.

и искусственном (47%); о фармацевтической продукции (40%)⁵⁶.

Серьезным вызовом для Индии стал следующий шаг торговой войны – исключение Индии из списка стран, в отношении которых применяется Генеральная система преференций (ГСП), предусматривающая возможность предоставления развитыми странами преференций развивающимся и наименее развитым странам сниженных или нулевых ставок таможенных пошлин на ряд товаров. Решение было озвучено 3 апреля 2019 г. и коснулось Индии и Турции⁵⁷. Более 12% (на сумму 5,58 млрд долл.) товаров индийского экспорта в США в 2017 г. получили выгоду в рамках ГСП⁵⁸.

Индийская сторона болезненно восприняла инициированные США меры (в первую очередь исключение страны из списка стран, на которые распространяется ГСП), и 15 июня 2019 г. были введены ответные меры на 28 товаров, включая грецкие орехи, миндаль, нут, чечевицу, яблоки, борную кислоту и диагностические реагенты, импортируемые из США. Импортная пошлина на грецкие орехи возросла с 30 до 120%, на нут и чечевицу – с 30 до 60%.⁵⁹ Необходимо отметить, что США являются крупнейшим поставщиком бобовых культур на мировой рынок (11% мирового экспорта). Индия с ее традициями к приготовлению различных вегетарианских блюд с использованием нута и чечевицы была ключевым рынком для США в этом сегменте. Таким образом, введение повышенных таможенных пошлин в Индии стало серьезным предупреждением в ответ на лишение страны преференциального доступа на американский рынок.

56. Ibid.

57. USTR, Op.cit.

58. Sasi A. (2019). Explained: Issues in India-US trade //The Indian Express, 9 May 2019.

59. Central Board of Indirect Taxes and Customs. Department of Revenue, Ministry of Finance, Government of India – URL: <https://www.cbic.gov.in/resources/htdocs-cbec/customs/cst1920-310320/Chap%207.pdf> (дата обращения 12.04.2020)

1.2.5. Перспективы разрешения торгового противостояния между Индией и США

Стоит отметить, США рассматривает Индию в качестве стратегического партнера, о чем неоднократно упоминалось в ходе личных встреч президента Д. Трампа и премьер-министра Н. Моди (последние встречи состоялись 23 сентября 2019 г. в США и 24 февраля 2020 г. в Индии). Причин безусловного интереса США к Индии можно выделить несколько. Во-первых, военно-техническое сотрудничество Индии и США. В ноябре 2019 г. страны провели первые военные учения вооруженных сил США и Индии под названием «Триумф тигра». Для США важно удерживать Индию как партнера в военно-технической сфере, поскольку разногласия стран могут привести к созданию коалиции без участия Штатов (Китай—Россия—Индия). Во-вторых, индийская диаспора в США насчитывает около 4 млн человек, которую Трамп не может игнорировать как потенциальных избирателей⁶⁰.

Для укрепления партнерства США и Индии, а также для устранения накопившихся с 2018 г. противоречий, страны ведут кропотливую работу над большой торговой сделкой. Премьер-министр Индии выразил готовность страны увеличить закупки, как минимум, в трех секторах. Во-первых, Индия планирует увеличить импорт американского вооружения. Страна является крупнейшим импортером оружия в мире (2 место после Саудовской Аравии в мире с 2015 по 2019 г.), и тесное сотрудничество Индии и России в оборонно-промышленном комплексе всегда вызывало обеспокоенность Запада (хотя доля поставок из России в последние годы сократилась с 72 до 56%)⁶¹. В этой связи, чтобы сгладить конфликт, Индия готова взять на себя дополнительные обя-

60. Times of India. In numbers: Indian diaspora in America – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/in-numbers-indian-diaspora-in-america/articleshow/71240270.cms> (дата обращения 15.05.2020).

61. SIPRI Trends in international arms transfers 2019 https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (дата обращения 02.05.2020).

зательства. Во-вторых, страна намерена увеличить закупки в секторе гражданской авиации. Авиаперевозки в Индии до наступления пандемии COVID-19 росли бурными темпами. В этой связи в следующие 20 лет страна намеревалась приобрести 2300 самолетов, в первую очередь американских Boeing. В-третьих, Индия намеревается нарастить импорт американской нефти. Индийский рынок сбыта чрезвычайно важен для США, т.к. в эту страну шло 9% американского экспорта нефти (4 место после Канады, Р. Кореи и Нидерландов)⁶², и в целом Индия является одним из крупнейших мировых импортеров нефти (4 место среди стран-импортеров)⁶³.

Принципиальным вопросом для Индии является включение страны в Генеральную систему преференций, а для американской стороны – снижение таможенных пошлин на некоторые виды товаров (мотоциклы и сельхозтовары), а также пересмотр правил электронной торговли в Индии⁶⁴. Последний аспект нуждается в более внимательном рассмотрении.

В соответствии с изменениями правил, принятыми в декабре 2018 г. и феврале 2019 г., участникам электронной торговли не разрешается продавать товары подконтрольных компаний, т.е. принадлежащим ритейлеру более чем на 25%. Также запрещено использование ценовых и неценовых факторов, вынуждающих продавцов реализовывать свои товары в Индии эксклюзивно через интернет-ритейлеры⁶⁵. Такие соглашения возможны только на равных для всех участников условиях (например, равные условия доставки).

Новые правила были приняты, чтобы защитить местных производителей и традиционные магазины. Электронная

62. US Energy Information Administration – URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/oil-and-petroleum-products/imports-and-exports.php> (дата обращения 05.05.2020).

63. ITC Trade Map, Op.Cit.

64. *Dobush G.* It Looks Like Trump has new trade war foes: India and Turkey. *Fortune*, 5 March 2019. – URL: <http://fortune.com/2019/03/05/trump-trade-war-india-turkey/>

65. *Kass, E.* (n.d.). India's New E-Commerce Regulations Challenge Big E-Retailers <https://www.americanexpress.com/us/foreign-exchange/articles/e-commerce-regulations-in-india-challenge-for-retailers/> (дата обращения 05.05.2020).

коммерция в Индии находится на начальной стадии своего развития (только 3% от объема розничной торговли в 2017 г.). Неиспользованный потенциал электронной коммерции оценили американские Amazon и Walmart, которые начали осуществлять крупномасштабную экспансию на индийский рынок. По мнению локального бизнеса, компании-гиганты предлагали особые условия производителям, чтобы те продавали товары через них, а не через небольшие магазины, а также поглощали индийские компании и оказывали влияние на их цены.⁶⁶ Изменения правил торговли были приняты, поскольку сектор розничной торговли важен для Индии, он обеспечивает около 8% рабочих мест и 10% ВВП страны⁶⁷.

Кроме того, в декабре 2019 г. в Парламент Индии был внесен законопроект о защите личных данных. Согласно этому законопроекту, предусматривается локализация конфиденциальных личных данных⁶⁸, поставщики платежных услуг должны будут установить центры обработки данных или хранить свои данные у поставщиков облачных услуг, которые используют центры обработки данных в Индии.

Вопросы изменения правил регулирования электронной торговли существенным образом затронули интересы американских компаний. А законопроект о локализации личных данных уже поднял волну негодования в США, несмотря на то, что похожие законы действуют в КНР, России и целом ряде стран. Поэтому, помимо пересмотра ставок таможенных пошлин, указанные сюжеты также могут выйти на первый план при обсуждении повестки большой торговой сделки между США и Индией.

В совместных коммюнике говорится, что сделка будет иметь большое значение для обеих стран. Какими будет ре-

66. *Talukdar S.* (2019). India-US trade deal: Legacy issues, political compulsions, complexity in policies prevent striking of even a 'limited' deal // Firstpost, October 6.

67. IBEF (India Brand Equity Foundation). Infographic. – URL: www.ibef.org/industry/retail-india/infographic (дата обращения 15.05.2020).

68. *Economic Times* (2010). Prime Minister's Office stand on data localisation soon, – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/internet/pmo-stand-on-data-localisation-soon/articleshow/70580076.cms> (дата обращения 04.05.2020).

зультаты торговой сделки между США и Индией, будет известно не ранее чем к концу 2020 года. Также стоит учесть глобальную борьбу с пандемией COVID-19 и неясные пока перспективы выхода из кризиса всей мировой экономики. Эти факторы могут скорректировать планы лидеров государств и сдвинуть сроки подписания торговой сделки на еще более неопределенный период времени.

1.2.6. Заключение

Подводя итог, отметим, что торговое противостояние между США и Индией не приобрело характер полномасштабной торговой войны, поскольку страны рассматривают друг друга в качестве стратегических союзников. Об этом свидетельствуют регулярные визиты глав государств друг к другу и их заявления.

Однако, несмотря на партнерство стран, 2018–2019 гг. были омрачены волной обоюдного протекционизма. Одним из первых шагов, затронувших индийские интересы, стало повышение пошлин на импорт стали и алюминия. Эта мера коснулась всех поставщиков указанной товарной номенклатуры в США. Но в большей мере индийская сторона пострадала от исключения из списка стран, на которые распространяются льготы в рамках Генеральной системы преференций.

Ответом стало введение повышенных ставок таможенных пошлин на 28 товаров из США. Дальнейшей эскалации торгового конфликта не происходило. Более того, страны, прекрасно осознавая значимость взаимной торговли, начали обсуждение большой торговой сделки и ее деталей. Принципиальным для Индии является возможность повторного распространения на страну ГСП. США же настаивают на снижении импортных пошлин «короля» тарифов на целый ряд товаров, а также обсуждение и последующую отмену ограничений в сфере электронной коммерции.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ТОРГОВОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ

Экспорт рыбы и других водных биоресурсов составляет сравнительно небольшую часть общих зарубежных поставок (4,2 млрд долл., или 0,6% совокупного экспорта в 2018 г.). Однако в сотрудничестве России со странами Азии значение рыбного хозяйства не исчерпывается этими цифрами, поскольку отрасль дает пример расширения взаимной торговли и улучшения охраны природных ресурсов. Во второй половине 2010-х гг. усиление национального контроля и развитие международного сотрудничества позволили сократить незаконный промысел рыбы и ценных морепродуктов, который на протяжении нескольких десятилетий представлял сложную экономическую, социальную и экологическую проблему. На смену этому вызову для торговой дипломатии и международного сотрудничества пришли еще более сложные задачи, связанные с повышением добавленной стоимости экспортируемой продукции, обновлением производственной базы, поиском новых рынков сбыта. Страны Азии могут внести большой вклад в решение этих проблем, поскольку являются основными потребителями российского рыбного экспорта, заинтересованы в его расширении и обладают соответствующими технологическим, финансовым и институциональным потенциалами. С этой точки зрения международное взаимодействие России с азиатскими государствами в рыбной отрасли может представлять большой интерес как полигон испытания эффективных инструментов

внутреннего развития и использования возможностей стран-партнеров.

Интересы России в торговле водными биоресурсами (ВБР) сформулированы в принятой в 2019 г. Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса на период до 2030 г. и включают обеспечение устойчивости ресурсной базы, расширение поставок рыбы и морепродуктов на внутренний рынок, развитие экспортной деятельности, повышение добавленной стоимости вывозимой за рубеж продукции и увеличение отраслевого вклада в развитие национальной экономики⁶⁹. На протяжении нескольких десятилетий в рыбном хозяйстве складывалась сложная ситуация, связанная с распространением незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла, неуплатой налогов и нехваткой инвестиций. Неудивительно, что, по мнению российских специалистов, сложившаяся 1990–2000 гг. система использования воспроизводимых природных ресурсов не соответствовала интересам страны⁷⁰.

По-видимому, наибольших размеров теневой сектор достиг в торговле самыми дорогими видами ВБР, такими как крабы, креветки и рыбы лососевых пород. Именно их промысел стал ареной борьбы за перемены в отрасли. В 2011–2015 гг. Россия заключила соглашения о предотвращении незаконной торговли крабом с основными потребителями, такими как Китай, Республика Корея, Япония и США. С 2016 г. введен запрет на промысел лосося дрейфтерными сетями в экономической зоне России, которым занимались японские рыбаки. Эти меры позволили сократить объемы ННН-промысла и улучшить состояние ресурсной базы.

Тем не менее, внимательный анализ показывает, что несмотря на первые успехи в борьбе с теневым сектором возможно-

69. Правительство РФ (2019). Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/hgCKyGOXzZeAiRsLTtMgVIJh5vQLsMpg.pdf> (дата обращения: 29.04.2020).

70. Богатуров А. (2004). Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 53–64.

сти для незаконной деятельности по-прежнему сохраняются. Кроме того, медленно улучшается ситуация с реализацией других интересов России, связанных с развитием экспорта, повышением добавленной стоимости вывозимой продукции, увеличением поставок на внутренний рынок и расширением налоговых поступлений, инвестиций, заказов для российской судостроительной промышленности. Следовательно, в этих областях требуются настойчивые усилия, осуществляемые как внутри страны, так и за рубежом.

Попытаемся проанализировать взаимодействие России со странами Азии в сфере рыбного хозяйства с точки зрения реализации долгосрочных национальных интересов. С этой целью, во-первых, рассмотрим ситуацию в рыбопромышленности России и дальневосточного промыслового бассейна, во-вторых, определим направления международной кооперации в борьбе с ННН промыслом крабов и, в-третьих, выделим элементы лучшей практики в странах-партнерах, которые могут представлять интерес для развития российской рыбной отрасли.

1.3.1. Рыбное хозяйство России и направления его развития

Основными элементами российского рыбохозяйственного комплекса является рыболовство (промысел), рыбоводство (разведение рыбы), а также переработка и производство рыбной продукции. В 2017 г. этими видами деятельности занимались 7,9 тыс. организаций⁷¹. Их доля в структуре добавленной стоимости составляла 0,26%, в налоговых поступлениях в бюджетную систему — 0,15%, в сумме взносов на социальное страхование — 0,3%. В девяти субъектах Российской Федерации удельный вес рыболовства и рыбоводства превышал 1%. В Камчатском крае рыбное хозяйство являлось ведущей отраслью экономики (18,7% ВРП), высокая доля его

71. Здесь и далее — по данным Росстата РФ, если не указан иной источник.

отмечалась в Мурманской области (11,3%), а в Приморском крае, Магаданской и Сахалинской областях удельный вес колебался в пределах 5,2–5,4%.

Рыбное хозяйство является важным поставщиком сырья для пищевой промышленности и крупным потребителем продукции машиностроения, судостроения, нефтепереработки и других отраслей. По некоторым оценкам, добыча и переработка рыбы может обеспечивать занятость до 3 млн человек в смежных секторах экономики⁷². Общая численность занятых в рыбном хозяйстве в 2017 г. составляла 135,1 тыс. человек, или 0,2% от работающих в экономике страны. Из этого числа 60,9 тыс. человек занимались рыболовством и рыбоводством, а 74,2 тыс. человек – переработкой рыбы и морепродуктов. 72% занятых находились на территории Дальневосточного, 17,5% – Северо-Западного и 16,2% – Южного ФО.

К особенностям занятости в рыбном хозяйстве относилась большая доля неформального сектора, достигавшая 54,9%. На крупных, средних и малых предприятиях отрасли работали оставшиеся 45,1% занятых. При этом малые и средние предприятия значительную часть работников привлекали лишь на период промысловой путины, а после ее завершения переводили работников на береговые перерабатывающие заводы или увольняли. Сравнительно небольшая доля молодежи до 25 лет (15,7%) и малое число занятых женщин (33%) указывали на то, что работа в отрасли, как правило, связывалась с повышенными физическими нагрузками, подразумевала сложные условия труда и в этом смысле являлась малопривлекательным видом деятельности. Тем не менее заработная плата (73,9 тыс. руб. в 2018 г.) в 1,7 раза превышала средние показатели по стране (43,4 тыс. руб.). Причем с 2013 г. на фоне общероссийского падения реальных доходов оплата труда в отрасли выросла в 2,3 раза, или на 48,3 тыс. руб.

72. ВНИИ Труда (2019) Рыбоводство и рыболовство. Аналитическая справка. – URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Pebolovctvo_2019.pdf (дата обращения 29.04.2020).

Отметим также, что на территориях Дальневосточного и Северо-Западного ФО действовали северные надбавки, которые позволяли рыбакам получать в месяц в среднем 188,6 тыс. руб. в Магаданской и 151,1 тыс. руб. в Мурманской областях.

Уловы рыбы и добыча других ВБР на протяжении истекшего десятилетия увеличились с 4,0 млн т в 2010 г. до 5,1 млн т в 2018 г. В этот же период предприятия отрасли получили существенные налоговые льготы. Все это позволило им повысить рентабельность с 5,2% в 2005 г. до 43,8% в 2017 г. Тем не менее розничные продажи рыбы в 2014–2016 гг. сокращались на 10–15% ежегодно, в основном за счет снижения импорта после введения продуктового эмбарго. В итоге, потребление рыбы на душу населения, достигшее пика в 24,8 кг в 2013 г., понизилось до 19,6 кг в 2017 г., при рекомендованной норме 23,7 кг в год.

Одной из сложных проблем развития отрасли являлось плохое состояние добывающих, перерабатывающих и транспортных судов, средний возраст которых приближался к 30 годам, а износ превышал 80%. В 2016 г. правительство России начало стимулировать строительство новых судов путем субсидирования 25% их стоимости. Кроме того, четверть всех рыбопромысловых квот были изъяты из обычного распределения и начали выдаваться компаниям, занимающимся обновлением флота. В результате, в 2018 г. объемы инвестиций в отрасль увеличились в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, а на российских верфях Санкт-Петербурга, Калининградской области и в Приморском крае было заложено более 30 новых судов.

Значительная доля добытой рыбы и морепродуктов направлялась на экспорт. Стоимость его возросла с 1,4 млрд долл. в 2000 г. до 4,2 млрд долл. в 2018 г. Основными потребителями российских ВБР в 2018 г. являлись Китай (1,5 млрд долл., или 34,8%), Республика Корея (1,4 млрд долл., или 32%) и Япония (0,3 млрд долл., или 8,2%), на которые в сумме приходилось около 75% экспортных поставок. Следует отметить, что большая часть российской рыбы, поступающей в

Китай, перерабатывалась в филе и полуфабрикаты, которые затем поставлялись в Россию (0,3 млрд долл. в год) или на рынки стран Европы и США. В то же время, основная доля российского экспорта приходилась на мороженую рыбу низкой степени переработки, вывоз которой за рубеж увеличился с 0,8 млн т в 2000 г. до 1,8 млн т в 2017 г. Экспортные поставки рыбного филе или других готовых изделий за указанный период либо сократились, либо незначительно увеличились.

Стратегия развития российского рыбного хозяйства ориентирована на решение имеющихся проблем и предполагает достижение к 2030 г. следующих показателей: улов ВБР – 5,9 млн т, внутреннее потребление рыбы и морепродуктов – 25 кг на человека в год, экспорт – 10 млрд долл., доля рыбной продукции с высокой добавленной стоимостью в экспорте – 65%, средняя рентабельность по отрасли – 50%. Одновременное увеличение уловов на 15% по сравнению с 2018 г., повышение внутреннего потребления на 27,5% и удвоение экспорта требуют серьезного повышения эффективности использования морских ресурсов, значительного увеличения продаж на российском рынке и существенного расширения производства готовых рыбных изделий, поставляемых на экспорт. С учетом этого нетрудно сформулировать национальные интересы России в отраслевом международном сотрудничестве: во-первых, развитие ресурсной базы для увеличения добычи, во-вторых, привлечение зарубежных инвестиций для производства изделий с высокой добавленной стоимостью, в-третьих, расширение глобальной кооперации для сбыта российской продукции на зарубежных рынках.

Попытаемся проследить, как на практике реализуются российские интересы в сотрудничестве с азиатскими странами. При этом обратим особое внимание на устойчивое развитие ресурсной базы. Дело в том, что долгое время некоторые ценные виды российских ВБР подвергались интенсивной эксплуатации, которая представляла угрозу их

существованию. Решение проблемы потребовало создания широкой сети международной кооперации, требующей постоянного внимания и точной настройки.

1.3.2. ННН-промысел как международная проблема

Распространение ННН-промысла представляет собой не только российскую, но и международную проблему. Годовой объем промысла ВБР в мире в 2016 г. составил 90,9 млн т, из которых 79,3 добыто в морских (предмет нашего исследования) и 11,6 млн т во внутренних водоемах. Эти цифры практически не меняются с конца 1980-х гг., а рост потребления обеспечивает продукция аквакультуры (80,0 млн т). В морском рыболовстве на постоянной основе заняты 59,6 млн человек, из них 85% приходится на Азию, 10% на Африку и 4% на Центральную и Южную Америку. Всего в этих странах деятельность по добыче, переработке и продаже рыбы и морепродуктов дает источник существования для более чем 600 млн работников и членов их семей. В первую пятерку мировых рыбодобывающих государств входят Китай, Индонезия, США, Россия и Перу (43% уловов). Около 78% добытых ВБР экспортируется. Основными экспортерами являются Китай, Норвегия, Вьетнам, Таиланд и США (35%). Мировой экспорт достигает 152 млрд долл., 54% его осуществляют развивающиеся страны, для которых вывоз ВБР в денежном выражении превышает суммарные поставки сельскохозяйственных продуктов. В импорте более половины стоимостных объемов приходится на ЕС, США и Японию⁷³. Все это иллюстрирует концентрацию добычи в развивающихся, а потребления в развитых странах.

Из длинного перечня отраслей, в которых продукция добывается и потребляется в странах с разным уровнем развития, морское рыболовство выделяет высокая доля незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла.

73. FAO (2018) The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Rome: FAO. 2018. 210 p.

Этот термин (illegal, unreported, unregulated – IUU – fishing) появился в начале 1990-х гг. и первоначально подразумевал незаконные действия иностранных судов в чужих экономических зонах. В 2000-х гг. понятие ННН значительно расширилось и начало применяться не только в рыболовстве, но и в других отраслях для обозначения всех видов деятельности, не наблюдаемой традиционными статистическими методами. Незаконная часть ННН-промысла включает добычу ВБР с нарушением законодательства или обязательных решений регулирующих организаций (например, превышение квот), несообщаемая подразумевает все виды неверного информирования властей (в частности, с целью налоговых махинаций), нерегулируемая по определению не охвачена действующими нормативными актами (чаще всего промысел судами без флага, за пределами исключительных экономических зон и ареалов действия специальных организаций и соглашений).

Первая публикация с ключевым словом IUU fishing в библиометрической базе Web of Science появилась в 2001 г., а к 2018 г. в ней насчитывалось 186 соответствующих научных статей. Из них 150 (80%) были помещены в категориях экологических исследований, международных отношений и проблем рыболовства, 110 (59%) подготовлены авторами, аффилированными в Австралии, Канаде и США, а 93 работы (50%) написаны в последние 5 лет. Проведенный анализ текстов 86 источников открытого доступа показал, что большинство авторов (57% без учета статей с неопределенной позицией) считает ННН-промысел скорее международной, чем национальной проблемой, и предлагает соответствующие пути ее решения.

Причины распространения ННН-промысла делятся на 2 большие группы. Первая из них объединяет общие факторы существования теневой деятельности, включая рыболовство как частный случай. Установлено, например, что степень проникновения ННН-промысла напрямую коррелирует с уровнем ВРП и качеством социальной среды, измеряемы-

ми по индексу развития человеческого потенциала⁷⁴. Недостаток финансовых и институциональных возможностей противодействия, характерный для ряда переходных и развивающихся стран, приводит к снижению затрат и рисков промысловиков по сравнению с потенциальными выгодами. Это создает возможность извлечения прибыли и становится главным стимулом незаконной деятельности. Именно эта ситуация долгое время была характерна для крабовой отрасли в России.

Вторая группа причин связана со спецификой отрасли, и прежде всего с различиями национальных подходов к регулированию рыболовства, когда одни страны устанавливают и добиваются соблюдения множества правил (от сроков, объектов и районов до количества, размера и оборудования судов), а другие не видят в этом необходимости или чаще всего не имеют средств. В результате акватории некоторых государств де-факто превращаются в открытые зоны, а борьба с ННН-деятельностью ложится на плечи международных самоуправляемых рыболовных организаций⁷⁵. К этому добавляется длинный, и даже расширяющийся, перечень других причин: от избытка промысловых мощностей до существования удобных флагов и портов, от дороговизны морского наблюдения до мимикрии незаконной деятельности, от запутанности систем сбыта до несоответствия таможенных процедур экспортеров и импортеров⁷⁶.

Неудивительно, что, несмотря на серьезное финансирование, продвинутые технологии и тонкие методы, существующие оценки ННН-промысла носят приблизительный и фрагментарный характер. Наиболее цитируемые в научной литературе цифры мирового ННН-промысла составляют 11–26 млн т, или 10–23 млрд долл. и 13–31% от годовой до-

74. *Petrossian G.A.* (2015) Preventing illegal, unreported and unregulated (IUU) fishing: A situational approach // *Biology Conservation*. 2015. Vol.189. Pp. 39–48.

75. *Meere F.* (2014) The Challenge of Combatting IUU fishing. OECD TAD/FI Background Paper. 16 p.

76. APEC (2008) Assessment of Impacts of Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) Fishing in the Asia-Pacific. Australia: APEC. 2008. 107 p.

бычи⁷⁷. Эти данные относятся к 2003 г. и получены по заказу британского правительства путем экспертных оценок долей ННН-деятельности за счет интеграции примерно 300 кейсов из 54 исключительных и 15 дальних морских зон, дающих половину мировых уловов. Наилучшие на сегодняшний день результаты обеспечивает прямое наблюдение производственных и сбытовых цепочек крупнейших потребляющих стран, что позволяет определить долю ННН-поставок в рыбном импорте в пределах 20–32% для США в 2011 г. и 24–36% для Японии в 2015 г.⁷⁸

Чаще всего объектами теневой добычи становится атлантический тунец, тихоокеанский лосось и краб, антарктическая зубатка и другие коммерчески привлекательные или слабоохраняемые виды ВБР. Самая высокая доля ННН-промысла (более 30%) отмечается в акваториях у атлантического побережья Северной Африки и Южной Америки, а также Северо-Восточной Азии. В последней зоне, куда входит Дальневосточный промысловый бассейн России, до 45% лосося и до 25% краба и креветки добывается теневым сектором. Всего же, по заявлению МИД РФ, ежегодный прямой ущерб для России от незаконного промысла и нелегальных поставок рыбы и рыбопродукции в иностранные порты оценивается в 1,5 млрд долл.⁷⁹

Очевидно, что деятельность подобных масштабов приводит к серьезным последствиям. В сфере экономики к ним относятся высокие расходы на организацию контроля, поте-

77. Agnew D.J., Pearce J., Pramod G. (2009). Estimating the Worldwide Extent of Illegal Fishing. // PLoS ONE. 2009. № 4. e4570. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0004570> (дата обращения 29.04.2020).

78. Pramod G., Nakamura K., Pitcher T., Delagran L. (2014). Estimates of illegal and unreported fish in seafood imports to the USA // Marine Policy. № 2014. 48. Pp.102–113; Pramod, G., Pitcher, T. and Mantha G. (2017). Estimates of illegal and unreported seafood imports to Japan // Marine Policy. 2017. № 84. Pp. 42–51.

79. МИД РФ (2010). О подписании Российской Федерацией Соглашения о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла (ННН-промысла). Сообщение для СМИ. – URL: http://www.mid.ru/un_other/-/asset_publisher/nDzeK8hYBYQH/content/id/251914 (дата обращения 29.04.2020).

ри доходов от продаж, транспортировки, переработки, экспорта, продажи лицензий, портовых услуг, рекреационного туризма, подрыв ресурсной базы устойчивого рыболовства, сокращение валового выпуска местной промышленности, региона и страны в целом, снижение инвестиций и повышение потребности в субсидировании, рост зависимости от иностранной помощи. В экологии наблюдается снижение запасов, медленное восстановление и полное исчезновение отдельных видов ВБР, вред для экосистем и среды обитания человека. В социальной сфере происходит потеря рабочих мест, разрушение традиционных укладов жизни, нарушение питания, ухудшение условий труда, увеличение сопутствующей преступности (коррупция, подделка документов, контрабанда, нелегальная миграция, современное рабство, пиратство). Пожалуй, наиболее очевидным результатом незаконной добычи является истощение запасов (на треть за последние 40 лет) или исчезновение отдельных биологических видов. При этом в современном мире свыше 30% ВБР и так эксплуатируются в объемах, превышающих возможности естественного воспроизводства. Неудивительно, что в составе целей устойчивого развития ООН ННН-промысел назван опасной и деструктивной практикой, основные шаги по устранению которой намечено сделать до 2020 г. (цель 14.4).

В данном случае имеются в виду прежде всего международные меры, связанные с соблюдением действующих международных договоренностей. Главную роль среди них играет основополагающая Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.), а также специализированное Соглашение по рыбным запасам (1995). Важные документы приняты в рамках ФАО: Соглашение о соблюдении правил рыболовства (1993), Кодекс ведения ответственного рыболовства (1995), Международный план действий по предотвращению ННН-промысла (2001), Соглашение о мерах государства порта (2009), Добровольные руководящие принципы в отношении действий государства флага (2014) и Добровольные рекомендации по составлению схем документации улова (2017).

На региональном уровне основную роль в предотвращении ННН-промысла призваны играть самоуправляемые рыболовные организации (координационные Regional Fishery Bodies, RFB и управляющие Regional Fishery Management Organizations, RFMO), занимающиеся сбором информации и координацией промысла в разрезе охватываемых акваторий открытого моря или мигрирующих видов ВБР. Их создание началось в 1970-х гг., вместе с расширением промышленного лова в удаленных районах Мирового океана, и к 2018 г. насчитывалось 69 действующих RFB и 42 RFMO. Полномочия организаций постепенно расширяются и начинают включать широкий спектр контрольных и регулирующих функций — от регистрации судов и оценки рыбных запасов до распространения лучшей практики и анализа данных по заходам в порты.

В рамках отдельных государств, после принятия Международного плана действий по предотвращению ННН-промысла основные страны-производители и потребители ВБР разработали национальные конкретизирующие документы. К началу 2010-х гг. развитая система контроля законности импортируемых ресурсов появилась в ЕС и несколько позже — в США. Российские действия, в частности, включали усиление промыслового и таможенного контроля, упорядочение выделения квот, заключение двусторонних соглашений со странами-импортерами (Япония, Корея, Китай, США и др.), создание совместных рыболовных комиссий (Россия–Норвегия), и наконец, принятие в 2014 г. национального плана по борьбе с ННН-промыслом.

На первый взгляд, создана разветвленная и многоуровневая система регулирования. В реальности большинство принимаемых мер носят декларативный характер. Именно поэтому наибольшие надежды возлагаются на международное Соглашение о мерах государства порта (Agreement on Port State Measures, PSMA), которое является первым в мире обязывающим международным соглашением, специально предназначенным для борьбы с незаконным рыбным промыслом путем контроля за легальностью прибывающих судов и гру-

зов⁸⁰. PSMA вступило в силу 5 июня 2016 г. (эта дата даже была объявлена международным днем борьбы с ННН-промыслом), объединяет 54 страны и ратифицировано основными импортерами ВБР, такими как ЕС, США и Япония. Теоретически, при условии должного исполнения, Соглашение позволяет полностью закрыть доступ НН-продукции в национальную систему сбыта. При этом значительный экономический и институциональный потенциал стран—крупных потребителей позволяет надеяться на создание надежных барьеров для реализации незаконных ВБР на наиболее емких рынках. Тем не менее, как показывает практика, решение этой непростой задачи может потребовать применения более разнообразного набора инструментов. Попытаемся раскрыть этот тезис на примере торговли российским крабом, поскольку именно в этой области российских зарубежных поставок ВБР сформировался самый крупный теневой сектор. Опыт борьбы с ним может быть полезен для формирования торговой стратегии России в других сферах, где существуют подобные проблемы (например, поставки леса и лесоматериалов в Китай).

1.3.3. ННН-промысел и торговля российским крабом

Мировой экспорт крабов и креветок в 2015 г. достигал 327,2 тыс. т (2,9 млрд долл.), причем основная часть (73%) приходилась за замороженную продукцию, а оставшиеся 27% поставлялись в живом виде. Доля России в совокупных экспортных поставках по весу и по стоимости составляла 13,5% и 15,4% для мороженных и 15,0% и 20,6% для живых беспозвоночных. Основными импортерами мороженных морских деликатесов являлись США (41,3% стоимости), Япония (23,1%) и Китай (8,1%), а живые крабы импортировали, в основном, Китай (37,4%) и Республика Корея (22,6%)⁸¹.

80. FAO (2016) Illegal, Unreported and Unregulated Fishing. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i6069e.pdf> (дата обращения 29.04.2020).

81. По данным сайта comtrade.un.org для товаров с кодами ТН ВЭД 30614 и 30624 (мороженые и живые креветки, крабы и другие морские беспозвоночные).

В 1950–1960-х гг. Советский Союз добывал небольшое количество камчатского краба, используя устаревшее советское и японское оборудование. В 1970–1980-х гг. в водах Дальнего Востока появилось несколько современных рыболовецких судов и плавающих консервных заводов, начался крупномасштабный промысел широкого спектра ракообразных⁸². Добыча, переработка и экспорт краба были фактически монополизированы государственным предприятием «Дальморепродукт». Неудивительно, что в советский период крабовый промысел «был хорошо регламентирован и проводился под строгим контролем»⁸³.

Распад государственных монополий в начале 1990-х гг. привел к бурному росту частных компаний, расширению добычи и увеличению внешнеторговых поставок краба. Растущее российское предложение опиралось на устойчивый зарубежный спрос. Возникли, казалось бы, идеальные условия для формирования высокоприбыльного рынка с доминированием российских игроков. К сожалению, в условиях институционального хаоса России не удалось внятно сформулировать ни права собственности на ВБР, ни правила их использования. Параллельно с этим в странах-партнерах сформировались мощные группы влияния, заинтересованные в непрозрачном характере бизнеса. В результате значительная часть крабовой торговли оказалась спрятана в тени.

Теневой сектор достиг наибольших масштабов в отношениях России и Японии. Об этом говорят все существующие оценки крабового ННН-бизнеса: сопоставление зеркальной статистики двух стран, сравнение совокупного импорта российского краба основными потребителями с размерами общих допустимых уловов (ОДУ), а также прямое наблюдение производственных и сбытовых связей японских импорте-

82. Ассоциация добытчиков краба Дальнего Востока (2018) История промысла крабов на Дальнем Востоке. – URL: <http://crab-dv.ru/krabyi-dalnego-vostoka/istoriya-promyisla.html> (дата обращения 29.04.2020).

83. World Wildlife Fund (2014). Illegal Russian Crab: An Investigation of Trade Flow. USA: World Wildlife Fund. 2014. 38 p.

ров. В частности, разрывы в показателях таможенной статистики о российском экспорте и японском импорте краба и креветки за 1994–2002 гг. составляли почти 600 тыс. т, или 52,5 млрд долл.⁸⁴

По мере восстановления контроля и повышения ответственности промысловиков разрывы российских и японских данных постепенно сокращались с 30–188 раз в 1990–2000-х, 10–20 раз в 2010-х до 3–4 раз в 2015–2017 гг. Пик статистических расхождений был достигнут в 2000 г., когда японские таможенники сообщили о ввозе 78,1 тыс. т, а российские подтвердили вывоз 2,4 тыс. т крабов. Однако даже после десятилетий борьбы с ННН-промыслом разрывы в данных сохранялись, намного превышая неизбежные технические расхождения и последствия поставок через третьи страны. Это указывало на устойчивое стремление добытчиков и экспортеров занижить величину и стоимость улова или скрыть его часть от российских таможенных и природоохранных органов.

Разумеется, далеко не все статистические расхождения можно отнести на счет теневой активности. Технические детали объясняют значительную часть наблюдаемых дисбалансов. С учетом этого, при оценке ННН-деятельности более близкие к действительности результаты дает сравнение суммарных цифр импорта краба всеми странами-потребителями и российских квот вылова (ОДУ). Поскольку добыча с превышением ОДУ запрещена, а внутреннее потребление крабовой продукции незначительно, то разницу двух указанных величин можно считать наиболее точным из доступных для анализа показателем ННН-промысла. Как показывает анализ названных данных, в 2000–2013 гг. вывоз краба из России перекрывал ОДУ в 1,4–2,6 раза. Общий объем ННН-поставок при расчетах по данной схеме достигал 875,7 тыс. т (50,8% импорта), или 8,7 млрд долл., по минимальным ценам (10 долл. за 1 кг)⁸⁵.

84. Араи Н. (2003). Проблемы развития российско-японской торговли морепродуктами // Проблемы современной экономики. 2003. № 7–8. С. 133–134.

85. World Wildlife Fund (2014) Op.cit.

Отметим для сравнения, что это более чем в 10 раз превышало объемы инвестиций, привлеченных в рыбную отрасль Дальневосточного региона России за указанный период. Прямое наблюдение кооперационных связей импортеров позволяло оценить количество нелегального российского краба, доставленного в Японию в 2015 г. в диапазоне 2540–3735 т⁸⁶.

Многолетняя теневая деятельность в крупных масштабах привела к появлению разнообразных негативных последствий. В Японии наибольшее внимание общественности на протяжении 1990–2000-х гг. привлекало ухудшение социальной, санитарной и криминальной ситуации в портах Хоккайдо, где в пиковый период 1996–2000 гг. ежегодно швартовалось 7–9 тыс. российских судов-крабовозов и сходили на берег 140–170 тыс. членов экипажей⁸⁷. В России же о криминальном влиянии незаконного промысла говорили сравнительно реже, вероятно, потому что на фоне имманентно высокой преступности в дальневосточных прибрежных районах бледнели даже следы опасного крабового бизнеса. Намного чаще поднимались уже упомянутые выше вопросы экономических потерь, а также экологические проблемы, связанные с повсеместным снижением количественных и качественных показателей некогда многочисленных крабовых популяций. С долей иронии отметим, что наибольший ущерб, уже невозполнимый естественным путем, был причинен запасам во-круг Южных Курильских островов.

1.3.4. Как разорвать международную криминальную сеть?

Важной чертой крабового ННН-бизнеса стала его быстрая интернационализация. С начала 1990-х гг. ННН-поставки краба в Японию осуществляли российские или ино-

86. *Pramod, G., Pitcher, T. and Mantha G. (2017). Estimates of illegal and unreported seafood imports to Japan // Marine Policy. 2017. № 84. Pp. 42–51.*

87. *Belov, A. (2005). Regional Dimension of Economic Cooperation Between Japan and Russia // Journal of East-West Business. 2005. Vol. 11. № 1–2. Pp. 119–140.*

странные суда, зачастую построенные или переоборудованные в доках по обеим сторонам северной части Тихого океана, финансирование строительства и ремонта велось за счет привлечения средств с международных финансовых рынков, обслуживание судов проводилось в дешевых иностранных портах (самая большая база возникла в корейском г. Пусан), вырученные средства перечислялись на счета зарубежных банков и вкладывались в недвижимость целого ряда комфортных для жизни стран⁸⁸. Причем на каждой из стадий этого процесса отмечались нарушения закона: правил промысла и экспорта в России, валютных расчетов и транспортировки морепродуктов в Японии, таможенной очистки в Корее, налогового законодательства в США, банковских процедур на Кипре и т.д. Очевидно, что проблема приобрела международный характер, а решение ее требовало многосторонних действий⁸⁹.

Российские государственные структуры неоднократно поднимали вопрос об экономических потерях от ущерба федеральной собственности на ВБР и от упущенных доходов. Тем не менее комплексной оценки негативных последствий так и не появилось. Даже авторитетная Счетная палата РФ после внимательного изучения вопроса в своем популярном у СМИ анализе весьма уклончиво сообщала о стоимости нелегального вывоза ВБР с Дальнего Востока в 2012 г. в размере «более 1 млрд долл. без учета недополученных платежей, налогов и пошлин»⁹⁰.

Российские власти принимали активные контрмеры для восстановления правопорядка. В частности, с 2000 г. начата систематическая работа по улучшению промыслового контроля и механизма распределения ОДУ, которая, к сожалению, позволила решить проблемы лишь частично. Кроме

88. Allison T. (2003). The Crisis of the Region's Fishing Industry: Sources, Prospects and the Role of Foreign Interests. In: Russia's Far East: a region at risk. USA: University of Washington Press. 2003. Pp. 139–164.

89. World Wildlife Fund (2014). Op. cit.

90. Коммерсантъ (2013). 6 мая 2013 г. № 76/п. С. 9.

того, введенный в 2001 г. порядок аукционной продажи квот, по мнению специалистов, привел к противоположным результатам: сокращению возможностей инвестирования, перепродаже квот, всплеску активности иностранных судов под удобными флагами и общему расширению НН-бизнеса.

В этих условиях российские власти обратились за помощью к своим зарубежным партнерам в странах-покупателях крабовой продукции. В 2001 г. удалось убедить японские власти начать проверку у поставщиков российских таможенных деклараций и передачу данных России. К сожалению, через два года сотрудничество прекратилось из-за недовольства российской стороны сроками и качеством предоставляемой информации, а японской – распространением коррупции и большим количеством подделок. В 2006–2013 гг. для восстановления ресурсов в ряде акваторий был запрещен промысел камчатского краба, а в 2007–2011 гг. – вывоз живого краба из прилегающих к Японии промысловых районов. В 2008 г. введено правило обязательного таможенного оформления уловов на территории России взамен прежнего порядка свободного экспорта продукции, добытой за пределами территориальных вод. В том же году квоты были выданы на период 10 лет законопослушным компаниям, имеющим положительный опыт работы и осуществляющим инвестиции («исторический принцип»), а также введен льготный режим налогообложения.

Одним из результатов усиления контроля за промыслом краба стало сокращение его импорта основными покупателями по сравнению с пиковым периодом середины 2000-х гг. На внешних рынках поднялись цены, снизилась ценовая конкурентоспособность и доля российской продукции. Внутри страны оказались подорваны ресурсы, промышленность. Региональные бюджеты недосчитались значительных доходов, мошенничество, коррупция и другие злоупотребления распространились среди промышленников, экспортеров и региональных властей. Сотни предприятий прекратили операции, тысячи людей сменили работу (многие пополнили ряды

браконьеров): если в 2000 г. добычей краба занималось 188 компаний, 380 судов и более 10 тыс. моряков, то к 2016 г. эти цифры сократились до 60, 100 и 3000 соответственно⁹¹. Специалисты отмечают, что каждый человек в море обеспечивает работой примерно 5 работников на берегу. Следовательно, с начала 2000-х гг. в крабовом бизнесе могло быть потеряно около 42 тыс. рабочих мест.

Отметим, что даже в условиях острейшего кризиса 1990-х гг. в отрасль поступали российские и иностранные инвестиции, появлялись новые суда европейской постройки, велось переоборудование флота на тихоокеанских верфях. Объемы вложений очень трудно оценить, хотя известно, что в 1990–1996 гг. только гарантии российского правительства на постройку траулеров в Испании составляли 1,5 млрд долл., а лишь одна из судостроительных компаний Сиэтла сообщала о реновации 20 российских судов на сумму от 0,5 до 1,8 млн долл.⁹² Однако добывающие мощности быстро превысили имеющиеся ресурсы, запасы сократились, уловы стали нестабильными. К этому добавилось усиление государственного давления и организационная неразбериха. Инвесторы начали покидать отрасль, и это продолжалось вплоть до конца прошлого десятилетия.

Тем не менее усиление контроля за добычей ценных ВБР принесло и некоторые позитивные результаты. В частности, в результате начался общий рост легальной добычи и экспорта всех видов ВБР, а также сокращение ННН-составляющей. В целом в дальневосточном рыболовстве резко улучшилось финансовое положение. Годовые суммы прибылей за вычетом убытков в 2010–2016 гг. увеличились с 5,6 до 48,2 млрд руб., а доля убыточных предприятий, соответственно, сократилась с 38,7 до 17,3%. С учетом высокой прибыльности крабового бизнеса можно обоснованно предположить, что ситуация в крабовом секторе оказалась еще более благоприятной. Не-

91. Камчатский край (2017). Крабовый сегмент. 12 декабря 2017 г. Эл.ресурс. URL: <http://kam-krai.ru/news/12951-krabovyi-segment.html> (дата обращения 29.04.2020).

92. Allison T. Op.cit.

трудно представить, что с одновременным ростом добычи и выручки повысилась привлекательность крабового бизнеса и обострилась конкуренция на входе в отрасль. В рыболовстве начался рост инвестиций, сумма которых, по данным Росстата, за тот же период увеличилась с 4,7 до 16,4 млрд руб. в России в целом и с 2,2 до 11,4 млрд руб. в пяти крабодобывающих провинциях Дальнего Востока. Крупные компании объявили о планах строительства на российских верфях 16-ти краболовных судов, первое из которых было спущено на воду 26 декабря 2018 г.⁹³

В 2015–2018 гг. официальная статистика показала некоторый рост инвестиций (правда, от низкой базы), появились сообщения о строительстве отечественных судов и увеличении выгрузки улова в российских портах. Девальвация рубля резко повысила прибыльность экспорта, особенно валютоемких крабов, доля которых в стоимости российских внешнеторговых поставок ВБР в 2017 г. достигла почти 27%. Финансовое положение добывающих компаний настолько улучшилось, что в 2018 г. были обнародованы предложения изъять часть выручки в бюджет через аукционную продажу половины крабовых квот. Другая половина была распределена по историческому принципу на 15 лет вперед, т.е. на период 2019–2034 гг. Возвращение аукционов вызвало негативную реакцию промысловиков, но правительство отстаивало важность появления в отрасли новых игроков, а значит, усиления конкуренции, повышения эффективности, увеличения инвестиций и расширения поставок на внутренний рынок. В итоге доходы от реализации квот оказались включены в проект бюджета на 2020 г.

Параллельно расширялось сотрудничество с основными странами-импортерами. В 2008–2015 гг. подписаны двусторонние соглашения о предотвращении ННН-промысла с государствами Корейского полуострова, Японией и Китаем, Канадой и США. И наконец, взаимные обязательства были

93. *Fishnews* (2018). Новый краболов попробовал воду. 27 декабря 2018 г. Эл.ресурс. URL: <https://fishnews.ru/news/35462> (дата обращения 29.04.2020).

закреплены в уже упомянутом международном соглашении о мерах государства порта (PSMA). С введением этих и других мер к декабрю 2015 г., по сообщениям информационных агентств и руководителей пограничных ведомств, «масштабные поставки браконьерского краба в порты Японии... практически прекратились», а «браконьеров удалось полностью выдвинуть из экономической зоны РФ»⁹⁴.

Это подтверждают данные статистики. Начиная с 2008 г., после введения обязательного декларирования ВВР, разрыв зеркальных данных об экспорте краба Россией и импорте из России неуклонно сокращался и к 2015 г. снизился до уровня неизбежных технических расхождений. Сравнение совокупного импорта краба и ОДУ также указывает на перелом динамики: с 2013 г. из России вывозится меньше краба, чем разрешено вылавливать. Судя по приведенным цифрам, период массового браконьерства и незаконного экспорта действительно остался позади. Это можно считать самым важным положительным результатом многолетних усилий по борьбе с нежелательными явлениями в крабовой отрасли.

Однако детальный анализ показывает более сложную и динамичную картину. По-видимому, главная причина в том, что пока не завершен очередной этап перестройки территориальной, предпринимательской и внешнеторговой структуры крабового бизнеса, протекающей с середины 2010-х гг. В этих условиях текущий баланс плюсов и минусов носит неустойчивый характер, а многим явлениям трудно дать однозначную оценку.

Прежде всего в Дальневосточном промысловом бассейне на фоне определенного восстановления популяций почти вдвое увеличились разрешенные объемы промысла (с 43,6 до 81,2 тыс. т в 2011–2019 гг.). Кроме того, в добыче и распределении ресурсов заметно возросла доля Баренцева моря. Промышленный лов в этом районе начался 15 лет назад, а в 2019 г. уже 9,94 тыс. т, или 37,5% наиболее ценного кам-

94. FISHNET (2015) Эл.ресурс. – URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/49391.html (дата обращения 29.04.2020).

чатского подвида, было решено добыть в Мурманской и Архангельской областях и реализовать на рынках ЕС, где действует эффективная система контроля за правилами добычи импортируемых водных биоресурсов. С учетом этого новые промысловики российского краба получили хороший шанс организовать поставки на прозрачной и устойчивой основе с минимальной долей незаконного бизнеса.

Кроме того, серьезно изменились добывающие предприятия и структура крабового бизнеса. За период 2000–2016 гг. втрое сократилось число компаний, судов и моряков, занятых добычей краба⁹⁵. После введения аукционной продажи половины крабовых квот в 2019 г. значительную их часть приобрели крупные компании, располагавшие необходимыми финансовыми ресурсами. Неудивительно, что среди крабодобытчиков сократилась доля малых и средних предприятий и повысился удельный вес новых крупных игроков. Их появление привело к заметному изменению сложившейся деловой среды и дало надежду на концентрацию ресурсов, повышение степени переработки и более точное соблюдение правил добычи и экспорта ценной продукции. Увеличение занятости населения и вклада в развитие регионов требуют обратного сдвига баланса в пользу малого бизнеса, однако для этого ему необходимо создать эффективные стимулы к легальному и устойчивому использованию ресурсов. Поиск оптимальной предпринимательской структуры в крабовой отрасли потребует длительного времени и ряда итеративных шагов со стороны компаний, региональных и федеральных властей и других субъектов экономической деятельности.

В структуре ввоза из России также произошли важные перемены. В частности, по данным таможенной статистики, доля Японии сократилась с 46,5% в 2014 г. до 29,6% в 2017 г. для мороженого краба, а удельный вес США увеличился с 41,9 до 60,7%. Республика Корея закрепила за собой роль главного логистического узла в торговле дальневосточным крабом. В

95. Камчатский край. Там же.

частности, в 2017 г. российский экспорт мороженой продукции в эту страну составил 28,3 тыс. т, а зеркальный импорт – 2,4 тыс. т. Разница в 25,9 тыс. т объясняется чаще всего реэкспортом в США, Японию и Китай. Тем не менее удовлетворительного статистического подтверждения статистика не дает (весь мировой ввоз из РК с учетом реэкспорта оценивается в 1 тыс. т). Это говорит как о недостатках статистического учета, так и о расширении непрозрачных трехсторонних операций, а значит, возможностей смешивания легальной и нелегальной продукции на этапе перевалки⁹⁶.

Крупный и быстро растущий рынок живого краба сформировался в Китае, куда в 2016 г. Россия экспортировала 2,6 тыс. т против 0,19 тыс. т двумя годами ранее. Япония, напротив, приняла жесткие меры по пресечению ННН-поставок и сократила импорт живых членистоногих из России с 9,3 до 2,1 тыс. т. Трудно отделаться от впечатления, что когда одна «законопослушная» страна перекрыла основные каналы теневых поставок на внутренний рынок, ее место тут же заняли более гибкие партнеры. Очевидно, что освоение новых направлений экспорта, таких как Республика Корея и Китай, должно сопровождаться более эффективной и настойчивой работой по обеспечению прозрачности торговли и охраны ресурсов.

И наконец, с 2016 г. снова начали появляться разрывы зеркальной таможенной статистики России и стран-импортеров краба (прежде всего Японии), превышающие неизбежные технические расхождения и последствия поставок через третьи страны. Таким образом, в официальной статистике по-прежнему присутствовали важнейшие признаки теневой активности. Это указывало на то, что, несмотря на серьезные перемены условий экономической деятельности, сохранялось устойчивое стремление добытчиков и экспортеров зализать величину и стоимость улова или скрыть его часть от российских таможенных и природоохранных органов. Полу-

96. World Wildlife Fund (2014). Op. cit.

чается, что усиление контроля и расширение международного сотрудничества позволило получить достаточно важные, но не вполне устойчивые результаты. В трудноконтролируемом и высокоприбыльном крабовом бизнесе оказалось необычайно сложно избавиться от незаконной составляющей. По-видимому, это говорит как о необходимости продолжения предпринятых усилий, так и о важности поиска приемлемого компромисса между всеми стейкхолдерами развития отрасли, включая компании, работающие в тени.

Начиная с 2015 г. квоты на добычу крабов начали превышать объемы совокупного импорта данной продукции из России. Следовательно, развитие крабовой отрасли вступило в новый этап, на котором наиболее важное значение приобрело сохранение наметившихся позитивных тенденций, строительство новых судов, повышение добавленной стоимости экспорта и освоение новых рынков. В ближайшие годы именно эти виды деятельности будут определять направления сотрудничества России со странами Азии в рыбной отрасли.

1.3.5. Заключение

Четверть века борьбы с ННН-промыслом позволили восстановить правопорядок, сохранить ресурсы, улучшить международное взаимодействие. Иными словами, появились условия для реализации важного блока национальных интересов России, связанного с устойчивым развитием и охраной ценных природных ресурсов. Обратной стороной медали стало периодическое оживление и появление новых форм теневой деятельности, а также сокращение занятости, монополизация отрасли, потеря доли зарубежных рынков. Как закрепить достижения и сnivelировать провалы? Иными словами, какие дополнительные меры могут предотвратить возрождение теневого сектора, но при этом не подавить рыночную конкуренцию и предпринимательскую инициативу? Теория государственного сектора справедливо указывает на повышение качества государственного и общественного

управления (governance). Эта рекомендация, несмотря на общий характер, безусловно, имеет смысл, поскольку, судя по сравнительно низким международным оценкам, именно в указанной сфере России существуют значительные возможности для улучшения ситуации⁹⁷.

В нашем конкретном случае проведенный анализ крабовой отрасли позволяет выделить по меньшей мере три практические рекомендации, направленные на улучшение охраны, повышение эффективности использования ресурсов и развитие международного взаимодействия.

Во-первых, следует полнее использовать систему информационного взаимодействия властей с предпринимательскими и общественными кругами. Вполне вероятно, что в характерных для России условиях слабости бизнес-ассоциаций, НПО и других соответствующих институтов важную роль могут сыграть СМИ, позволяющие восполнить нехватку достоверной информации о теневой активности и сформулировать запросы общества⁹⁸.

Во-вторых, с точки зрения охраны ресурсов имеет смысл продолжать концентрацию экономической деятельности в руках крупных и законопослушных компаний, поскольку такие предприятия имеют больше возможностей и стимулов вести добычу и продажу краба без использования инструментов теневой деятельности⁹⁹. Разумеется, это не означает необходимости вытеснения малых и средних предприятий из крабового бизнеса. Речь идет о выстраивании кооперационного взаимодействия между предприятиями различных размеров, а также о формировании в отрасли делового климата, точнее ориентированного на национальные экономические интересы, включающие широкий спектр ориентиров от охраны ресурсов до занятости населения.

97. World Bank (2019). Doing Business 2020. – URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020> (дата обращения 29.04.2020).

98. Белов А.В., Соболева Г.В. (2018). Изучение теневой экономики на основе анализа средств массовой информации // Вестник СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 113–133.

99. Petrossian G.A. Op. cit.

В-третьих, борьба с ННН-промыслом требует продолжения и тесной координации международных усилий, которые должны носить постоянный и долгосрочный характер. Сворачивание международного сотрудничества ведет к возрождению теневой сферы в новых и еще более изощренных формах. Значительную роль в борьбе с теневым сектором играет торговая политика. Гармонизация правил статистического учета, обмен таможенной информацией, внедрение национальных систем мониторинга происхождения импортируемых товаров требуют постоянного внимания и действенного контроля. Многосторонний характер, долгосрочный подход и постепенное распространение от борьбы с ННН-деятельностью к взаимодействию в областях обмена технологиями, привлечения инвестиций, осуществления кооперации для освоения рынков третьих стран — все это является важным условием реализации национальных интересов России в торговле с крупнейшими азиатскими партнерами.

ЯПОНСКИЕ ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКУ КНР В ПЕРИОД РЕФОРМ (1979–2020 гг.): ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И СТРАТЕГИИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ¹⁰⁰

Япония сыграла ключевую роль в реализации китайской политики реформ и открытости, стала важнейшим источником современных технологий, ведущим торговым партнером и инвестором в китайскую экономику. Японские инвестиции не только восполнили нехватку капитала на начальном этапе китайских реформ, но принесли в Китай передовые производственные технологии и управленческие навыки, придали мощный импульс развитию и структурной перестройке китайской промышленности, существенно повысив ее технологический уровень. Расширение производственной деятельности японского бизнеса в Китае оказало положительное воздействие на увеличение объемов его внешней торговли и стало основой для вовлечения страны в региональные и глобальные производственные связи, а также обусловило высокую степень интегрированности экономических комплексов двух стран.

На современном этапе китайско-японские экономические отношения характеризуются высокой степенью взаимозависимости. Китай является крупнейшим торговым партнером Японии, а взаимная торговля стран представляет собой третий по величине в мире двусторонний торговый поток.

100. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

Китайский рынок сохраняет свою высокую привлекательность для инвестиционной деятельности японских компаний, в свою очередь, для Китая японские прямые инвестиции по-прежнему имеют стратегическую значимость, выступая в роли локомотива в процессе его перехода на инновационную стадию развития.

Экономические связи Японии и КНР периодически испытывают на себе сильное влияние политических разногласий, связанных с различной интерпретацией ими исторического прошлого, а также территориальными спорами. На протяжении периода реформ до 2012 г. эпизоды охлаждения двусторонних отношений носили непродолжительный характер и не оказывали решающего влияния на общий уровень экономического сотрудничества. После серьезного кризиса в 2012–2014 гг., едва не переросшего в военное противостояние двух стран, в 2018–2019 гг. в отношениях между Японией и Китаем наметилось потепление. Лидеры Японии и Китая предложили новую модель двусторонних взаимоотношений, предполагающую их сотрудничество в третьих странах в строительстве инфраструктуры и реализации других проектов.

Новым вызовом для развития межгосударственных и экономических отношений двух стран становятся внешние шоки — развязанная летом 2018 г. Соединенными Штатами Америки торговая война с Китаем, а также разразившаяся в начале 2020 г. эпидемия коронавируса, нарушившая функционирование трансграничных цепочек поставок. Выступая бенефициарами либеральной торговой системы, страны заинтересованы в дальнейшей либерализации торгового и инвестиционного режима на региональном и двустороннем уровнях. Эскалация торгового конфликта между США и КНР, а также эпидемия Covid-19 неблагоприятно влияют на инвестиционные планы японских компаний в Китае, ускоряют процесс переориентации их деятельности на другие рынки, ставят под угрозу реализацию намеченных интеграционных инициатив.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении характера японских прямых инвестиций в экономике Китая на разных этапах экономической реформы и подтверждении выводов Кодзимы относительно преобладания макроэкономической мотивации в транснационализации японского бизнеса на примере их деятельности на китайском рынке. В соответствующих разделах исследования представлены основные положения гипотезы Кодзимы о мотивах транснационализации японских фирм, этапы в осуществлении прямых инвестиций и изменение мотивации японских инвесторов на рынке Китая. Отдельное внимание уделено определению причин снижения инвестиционной активности японского бизнеса в Китае после 2013 г. и воздействию на нее внешних шоков 2018–2020 гг.

1.4.1. Теоретические рамки исследования

Взаимосвязь торговых и инвестиционных потоков, а также логика индустриализации в странах Восточной Азии были определены японскими учеными К. Кодзимой и Т. Одзавой. К. Кодзима предложил макроэкономическую интерпретацию мотивов осуществления зарубежных инвестиций японскими фирмами. Основным вкладом Кодзимы в развитие теории прямых иностранных инвестиций стала интеграция теорий внешней торговли с теориями прямых инвестиций¹⁰¹, а также расширение модели «летающих гусей» К. Акамацу за счет включения в нее параметра прямых инвестиций.

Основываясь на практике японских ТНК в Восточной Азии, Кодзима выявил основные отличия в характере японских и американских зарубежных инвестиций. Зарубежные инвестиции Японии в конце 1950-х и 1960-х гг. направлялись,

101. *Kojima K.* A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment // *Hitotsubashi Journal of Economics*, 1973, Vol. 14, No. 1, pp. 1–21.; *Kojima K.* International Trade and Foreign Direct Investment: Substitutes or Complements // *Hitotsubashi Journal of Economics*, 1975, Vol. 16, pp. 1–12.; *Kojima K., Ozawa T.* Towards a theory of industrial restructuring and dynamic comparative advantage // *Hitotsubashi Journal of Economics*, 1985, vol. 26, No. 2, pp. 135–145.

главным образом, в разработку природных ресурсов в богатые ресурсами страны или в производство трудоемкой продукции в развивающихся странах. Большая часть продукции таких предприятий экспортировалась обратно в Японию или на рынки третьих стран. В отличие от этого американские зарубежные инвестиции были ориентированы на производство технологически сложной и капиталоемкой продукции для местных рынков, и такая модель инвестирования объяснялась монополистическими теориями организации производства¹⁰² и теорией производственного цикла¹⁰³. Основываясь на этом наблюдении, Кодзима¹⁰⁴ охарактеризовал японский тип прямых инвестиций как торгово-ориентированные прямые инвестиции, а американский тип – как прямые инвестиции, замещающие взаимную торговлю.

Последовательность стадий развития сравнительных преимуществ Акамацу «импорт–производство–экспорт» ($M \rightarrow P \rightarrow X$) была дополнена Кодзимой стадией осуществления зарубежных прямых инвестиций (перемещение производства за границу). В рамках этой расширенной парадигмы прямые зарубежные инвестиции ведут к обратному импорту (M') в страну происхождения капитала ($M \rightarrow P \rightarrow X \rightarrow \text{out FDI} \rightarrow M'$).

Макроэкономический характер зарубежного инвестирования японским бизнесом, согласно Кодзиме, проявляется в том, что инвестиции осуществляют не отдельные фирмы, а целые отрасли промышленности, в которых Япония начинает

-
102. Hymer S. Direct foreign investment and the national interest. In P. Russell (Ed.), *Nationalism in Canada*. Toronto: McGraw-Hill. 1966, pp. 191–202.; Hymer S. *The International operation of national firms: a study of direct foreign investment*. MIT Press, Cambridge, MA, United States. 1976.; Kindleberger C. *American business abroad*. New Haven, CT: Yale University Press. 1969.; Caves R. *International corporations: The industrial economics of foreign investment* // *Economica*, 1971, vol. 38, No. 149, pp. 1–27.; Williamson O. *The Economic Institutions of Capitalism*, New York: Free Press. 1985.
 103. Vernon R. *International investment and international trade in the product cycle* // *Quarterly Journal of Economics*, 1966, Vol. 80, No. 2. P. 190–207.; Hirsch S. *Location of Industry and International Competitiveness*, Oxford: Oxford University Press. 1967.
 104. Kojima K. *Transfer of Technology to Developing Countries—Japanese Type versus American Type* // *Hitotsubashi Journal of Economics*, 1977, Vol. 17, pp. 1–14.

терять конкурентное преимущество. В свою очередь, принимающие страны за счет притока японского капитала это преимущество приобретают. В этом случае осуществляется гармоничная перестройка отраслевой структуры обеих стран, возрастает эффективность международного разделения труда, увеличивается взаимная торговля¹⁰⁵. Этот феномен был определен Кодзимой как «принцип комплиментарного сравнительного преимущества».

ПИИ разделяют на вертикальные и горизонтальные в зависимости от мотивов компании при создании зарубежных филиалов. Главным мотивом горизонтальных ПИИ является избежание транспортных расходов или выход на зарубежные рынки. В рамках этой модели фирма осуществляет ПИИ с целью производства и продаж на местном рынке¹⁰⁶. Вертикальные ПИИ предполагают географическое разделение процесса производства по стадиям, их сутью является экономия на факторах производства, цены на которые сильно различаются по странам¹⁰⁷. Считается, что вертикальные ПИИ создают торговые потоки, тогда как горизонтальные инвестиции приводят к ее снижению. В рамках модели, используемой Балтаги¹⁰⁸, наряду с вертикальными и горизонтальными ПИИ выделяются «инвестиции в экспортные платформы», которые сочетают в себе одновременно характеристики как вертикальных, так и горизонтальных ПИИ. Инвестиции в экспортную платформу предполагают организацию производства в стране с низкими издержками исключительно для целей экспорта на близлежащие рынки или обратно в страну базирования ТНК. Эта форма инвестиций получила широкую популярность в Восточной Азии.

-
105. *Kojima K., Ozawa T.* Micro- and Macro-Economic Models of Direct Foreign Investment: Toward a Synthesis // *Hitotsubashi Journal of Economics*, 1984, Vol. 25, No. 1, pp. 1–20.
 106. *Markusen, J.* Multinational, multi-plant economies and the gains from trade // *Journal of International Economics*, 1984, Vol. 16, No. 3–4, pp. 205–226.
 107. *Helpman E.* A simple theory of international trade with multinational corporations // *The Journal of Political Economy*, 1984, Vol. 92, No. 3, pp. 451–471.
 108. *Baltagi B., Egger P., Pfaffermayr M.* Estimating models of complex FDI: Are there third-country effects? // *Journal of Econometrics*, 2007, Vol. 140, No 1, pp. 260–281.

Болдуин и Окубо¹⁰⁹, используя данные на уровне фирм о структуре продаж (местные, поставки на рынок Японии, экспорт в третьи страны) и источников получения исходных компонентов японских зарубежных филиалов для 1996 и 2005 гг., установили, что лишь небольшая часть японских ПИИ соответствует классическим типам горизонтальных, вертикальных инвестиций или экспортных платформ. Японские ПИИ почти во всех секторах и странах представлены смешанным типом. В период между 1996 и 2005 г. процесс зарубежного производства японских компаний географически стал более фрагментированным, появился новый тип японских зарубежных филиалов, получивший название «сетевые ПИИ». В рамках этого типа инвестиций компании импортируют существенную долю своих промежуточных продуктов и экспортируют значительную долю готовой продукции. Во многих странах и во многих секторах японские филиалы выступают частью производственной сети. По этой причине торговые и инвестиционные потоки в рассматриваемый период стали намного более тесно связанными.

Используя этот подход применительно к японским ПИИ в Китае, Латор и Хосое установили, что горизонтальные ПИИ, производственный процесс в рамках которых характеризуется высокой зависимостью от местных поставок исходной промежуточной продукции с последующим сбытом готовой продукции на местном рынке, более типичны для сектора транспортного машиностроения и пищевой промышленности. Напротив, сектор электрооборудования широко представлен прямыми инвестициями в экспортные платформы, в рамках которых исходные материалы и комплектующие поступают из-за рубежа, а производимая с их использованием продукция в основном ориентирована на зарубежные рынки. Однако для большинства секторов свойствен смешанный тип ПИИ¹¹⁰.

109. Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and sourcing patterns of Japanese foreign affiliates, RIETI Discussion Paper Series 12-E-027, 2012 April, 25 p.

110. Latorre M., Hosoe N. The role of Japanese FDI in China // Journal of Policy Modeling, 2016, N 38, pp. 226–241.

1.4.2. Основные этапы в осуществлении прямых инвестиций и мотивация японских инвесторов на рынке Китая

Япония является крупнейшим инвестором в экономику Китая, превосходя по объему накопленных прямых инвестиций все прочие страны мира, если не принимать в расчет «налоговые гавани», такие как Гонконг и Британские Виргинские острова. По данным Министерства коммерции КНР, объем японских ПИИ в Китае на конец 2018 г. составил 123,7 млрд долл. (5,4% накопленных ПИИ в Китае), что намного превышает сумму вложенных инвестиций США или отдельных стран Европы¹¹¹.

В осуществлении японских ПИИ в экономику Китая можно выделить четыре этапа: начальный этап инвестиционной деятельности Японии в Китае (1980-е – начало 1990-х гг.), этап ускоренного роста прямых инвестиций (1991–1997 гг.), этап дальнейшего увеличения объемов японских прямых инвестиций и расширения сфер их приложения (2001–2012 гг.), наконец, этап, связанный со снижением инвестиционной активности японских компаний (с 2013 г.). Объемы японских инвестиций в экономику КНР снижались в периоды азиатского валютно-финансового кризиса конца 1990-х гг. и глобального финансового кризиса 2007–2009 гг.

В 1980-е гг. объемы прямых инвестиций были относительно небольшими, что объяснялось недостаточно благоприятной средой для иностранных инвесторов, интенсивным регулированием их деятельности, а также неразвитостью базовой инфраструктуры. Фундаментальный перелом в восприятии Китая японским бизнесом происходит в конце десятилетия, толчком к чему послужила резкая ревальвация иены после подписания в 1985 г. Соглашения «Плаза» и заключе-

111. Министерство торговли КНР. Статистический бюллетень по иностранным инвестициям в Китае 2019, – URL: <http://images.mofcom.gov.cn/wzs/201811/20181113170135971.pdf>. (дата обращения 15.03.2020).

ние двустороннего с Китаем инвестиционного соглашения в 1988 г., предоставившего японским компаниям гарантии защиты их инвестиций¹¹². Наращивание прямых инвестиций в китайскую экономику с конца 1980-х гг. по времени совпало с изменением модели японских ПИИ в странах Восточной Азии, переходом Японии от горизонтальной к вертикальной модели инвестирования, основывающейся на внутриотраслевом разделении труда и предполагающей выстраивание региональных производственных цепочек с участием разных стран¹¹³.

С 1993 г. из-за начавшейся в Японии стагнации экономики объемы инвестирования японским бизнесом в китайскую экономику заметно увеличиваются – с 0,5 до 4,3 млрд долл.¹¹⁴ в 1990–1997 гг. (рис. 1.3). Одновременно с этим доля китайского рынка в вывозе японских прямых инвестиций повышается с 0,6 до 14,1%¹¹⁵. Если на протяжении 1980-х гг. основными инвесторами выступали японские малые и средние предприятия (в 1986 г. на долю крупных ТНК приходилось только 16% в совокупных ПИИ в Китае), то с 1990-х гг. на ведущие позиции в инвестиционном процессе выходит крупный японский бизнес. С 1997 г. Китай становится главным направлением в зарубежной инвестиционной деятельности японских компаний и удерживает эту позицию до 2012 г.¹¹⁶ Объемы японских ПИИ в китайской экономике достигают нового пика в 2005 г. (6,5 млрд долл., или 14,5% совокупного вывоза японских прямых инвестиций в том году)¹¹⁷.

112. *Armstrong, S.* Japanese FDI in China: determinants and performance, *Asia Pacific Economic Papers*, 2009, vol. 378, 32 p.

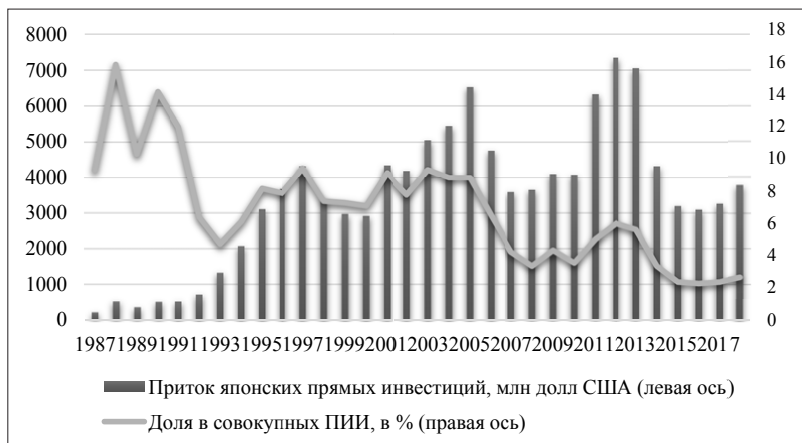
113. *Wan M., Zhang H.* (2019). China's investment relations with Japan. In: *Handbook on international political economy of China*, Ed. Ka Zeng, Edward Elgar Publishing, pp. 113–132.

114. Здесь и далее по тексту оценка объема японских инвестиций в экономике КНР производится на основе данных китайской статистики.

115. JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics, <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

116. *Wan M., Zhang H.* Op. cit.

117. JETRO, Op. cit.

Источник: Министерство торговли КНР, *Op.cit.*

Рис. 1.3. Приток японских прямых инвестиций в экономику КНР, млн долл. в год, в % от совокупных ПИИ в экономику Китая

На фоне охлаждения межгосударственных отношений в 2001–2006 гг. в Японии возрастает обеспокоенность относительно растущей концентрации ее зарубежных инвестиций на китайском рынке. Японские компании начинают осуществлять шаги по диверсификации зарубежных капиталовложений и наращивать инвестиции в страны АСЕАН и Индию в рамках политики «Китай плюс один». С 2006 г. приток японского капитала в китайскую экономику притормаживается, однако после глобального финансового кризиса в инвестиционной деятельности японского бизнеса в Китае наступает новый подъем, и в 2012 г. объем японских ПИИ достигает своего исторического пика (7,4 млрд долл.). Вслед за этим с 2013 г. в инвестиционной активности наступает спад, во многом связанный с обострением китайско-японских отношений по вопросу территориальной принадлежности островов Сенкаку / Дяюйдао. Попытка вернуть спорные острова под контроль Японии осенью 2012 г. вызвала всплеск антияпонских демонстраций во всем Китае и привела к замораживанию межгосударственных связей. Ежегод-

ный приток японских инвестиций в 2015–2017 гг. снизился до 3 млрд долл.

С середины 2000-х гг. в рамках политики диверсификации ПИИ доля Китая в общем вывозе японских зарубежных инвестиций начинает снижаться и в 2013–2018 гг. стабилизируется на уровне 6%. По популярности в качестве направления для приложения японского капитала Китай уступает первенство Индии, Индонезии и Таиланду. В свою очередь, для Китая роль японских прямых инвестиций как доля в совокупных ПИИ была более значимой на рубеже 1980–1990-х гг., в дальнейшем по мере диверсификации источников получения прямых инвестиций она стала снижаться и составила 2,7% к 2018 г.¹¹⁸

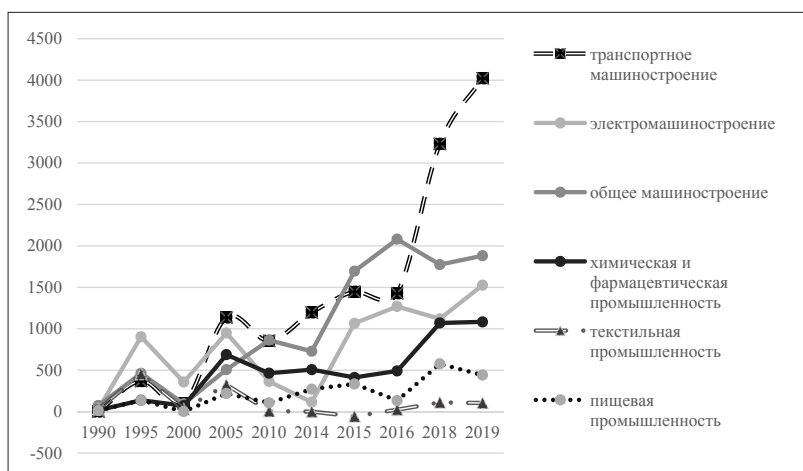
Отличительной особенностью отраслевой структуры японских инвестиций в Китае является их высокая концентрация в сфере промышленного производства. Так, если в общем вывозе Японией прямых инвестиций во все страны мира, в том числе в страны Азии, на долю промышленности в 2019 г. пришлось 47% (35% в 2008 г.), то в структуре вложений в китайскую экономику этот показатель на протяжении более трех десятилетий стабильно превышает 70%¹¹⁹. Инвестиции в обрабатывающую промышленность резко увеличиваются в 1990-е гг.: их доля в общем вывозе японских ПИИ в Китай возрастает с 25,6% в 1984–1990 гг. до 74,9% в 1991–2000 гг. Сдвиг в структуре вывоза инвестиций в сторону производственного сектора был связан с ускорившимся вследствие стагнации японской экономики перемещением производственных операций из Японии в другие страны, прежде всего в Китай, с целью снижения производственных издержек.

Первоначально в японских прямых инвестициях в Китае преобладали трудоемкие производства с быстрой окупаемостью вложений (текстильная, пищевая промышлен-

118. Министерство торговли КНР.

119. *Mab J., Nob S.* The Patterns of Japan's Foreign Direct Investment in China // *China report*, 2011, Vol. 47, No. 3, pp. 217–232.

ность, производство лесоматериалов и пр.), но уже в конце 1990-х гг. наметился переход от трудоемких к капиталоемким и высокотехнологичным отраслям. Наряду с этим происходит вовлечение Китая японским бизнесом в региональные производственные цепочки. Основной поток японских инвестиций производственного характера на китайском рынке на этом этапе переориентируется на отрасли транспортного машиностроения, производство электронного и электромеханического оборудования, общее машиностроение, химическое производство. В этих отраслях сосредоточена большая часть японского капитала в китайской экономике (свыше 82% в производственный сектор в 2019 г.)¹²⁰. Инвестиции в трудоемкие производства, прежде всего в текстильную отрасль, с ростом стоимости рабочей силы в Китае со второй половины 2000-х гг. снижаются (рис. 1.4).

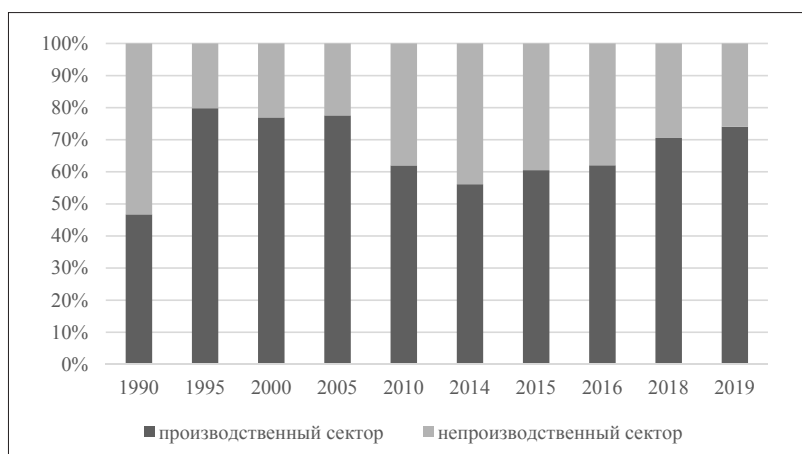
Источник: Japan Ministry of Finance, Op.cit.

Рис. 1.4. Основные направления производственных инвестиций Японии в КНР, 100 млн иен в год.

С начала XXI в. вслед за либерализацией китайского рынка и ростом доходов населения увеличиваются инвестиции

120. Japan Ministry of Finance. Direct investment flows 2019 – URL: https://www.mof.go.jp/international_policy/reference/balance_of_payments/bpfdii.htm

Японии в непроизводственные отрасли китайской экономики. Японские компании начинают активно осваивать сферу розничной торговли, финансов, страхования и недвижимости. Все большее число японских компаний сосредотачивает в Китае свои подразделения, занимающиеся исследованиями и разработками. Появление новых возможностей на китайском рынке после присоединения к ВТО приводит к изменению структуры японских инвестиций в Китае, в которой расширяется доля непроизводственной сферы (с 21 до 43%) и снижается доля обрабатывающей промышленности (с 79% в 2005 г. до 57% в 2014 г.). В дальнейшем наращивание инвестиций в сферу транспортного машиностроения приводит к повторному увеличению производственного сегмента в структуре японских ПИИ в Китае, доля которого к 2019 г. достигает 74% (рис. 1.5)¹²¹.

Источник: Japan Ministry of Finance, Op.cit.

Рис. 1.5. Японские прямые инвестиции в сферу промышленного производства и непроизводственный сектор Китая, 100 млн иен в год

За четыре десятилетия изменилась мотивация японского бизнеса, осуществляющего прямые инвестиции в Китае. На

121. Japan Ministry... Op. cit.

первом этапе доминирующим мотивом при осуществлении инвестиций выступало снижение издержек производства (cost-driven FDI). До 2005 г. большинство японских фирм рассматривали Китай прежде всего в качестве экспортной платформы. В рамках этой модели японские производственные филиалы импортировали исходные компоненты и ресурсы из Японии, подвергали их на территории Китая сборке и впоследствии экспортировали большую часть готовой продукции обратно в Японию или на другие зарубежные рынки. Доля экспорта в деятельности японских филиалов в Китае была особенно высокой в электромашиностроении и производстве транспортного оборудования. Так, в 1996 г. японские аффилированные производители электрооборудования экспортировали за рубеж 78% своей продукции, в то время как зарубежные продажи предприятий транспортного машиностроения составляли 84%¹²².

Динамичный рост китайской экономики, повлекший повышение доходов китайских домохозяйств, а также либерализация доступа на рынок для иностранных компаний в рамках обязательств перед ВТО обусловили изменение инвестиционных стратегий японского бизнеса. Китай перестает рассматриваться преимущественно как площадка для производства продукции с целью последующего экспорта, ведущей мотивацией в деятельности японских инвесторов становится ориентация на внутренний рынок (market-driven FDI). Продажи филиалов японских фирм на местном рынке быстро возрастают, тогда как экспортные поставки сокращаются. К 2005 г. доля экспорта японских производственных филиалов в Китае в целом сократилась до 55%, а к 2015 г. — до 31%¹²³. Особенно резкое изменение в стратегии инвестирования в Китае в пользу внутреннего рынка произошло в сфере транспортного машиностроения — в 2015 г. на экспорт было поставлено только 6% от общего объема продукции, произведе-

122. China and Japan in the Global Economy (2018). Ed. by T.Kikuchi and M.Sakuragawa, New York: Routledge, 218 p.

123. Ibid.

денной японскими филиалами в Китае, остальная продукция была реализована на местном рынке.

Существует прямая положительная корреляция между прямыми инвестициями Японии в Китай и развитием двусторонней торговли. Быстрый рост прямых инвестиций в Китай обусловил увеличение взаимного товарооборота стран. При этом наблюдается синхронизация инвестиционных и торговых потоков — рост инвестиций ведет к увеличению взаимной торговли стран, периоды снижения объемов инвестирования сопровождаются некоторым сокращением и экспортно-импортных операций. Эмпирически установлено, что при увеличении японских прямых инвестиций в Китай на 1% экспорт Японии в Китай возрастает на 1,81%, а импорт — на 1,88%¹²⁴.

Рост взаимозависимости инвестиционных и торговых потоков двух стран является следствием перемещения производственных мощностей японских компаний в Китай и последовательного включения его в свои производственные цепочки. Расширение производственной деятельности на китайском рынке предполагает поставки исходных материалов и комплектующих из Японии. В свою очередь, внутренний спрос в Японии в значительной мере удовлетворяется за счет продукции, производимой японскими дочерними компаниями в Китае. Стоит отметить, что более половины китайского экспорта в Японию приходится на так называемые сборочные операции (*processing export*). В 1993 г. доля сборочных операций в китайском экспорте в Японию составляла 43%, к 2005 г. по мере наращивания в Китае сборочных мощностей японскими предприятиями удельный вес такого экспорта повысился до 59% к 2005 г. В дальнейшем из-за роста затрат на рабочую силу и повышения курса юаня китайские фирмы начали утрачивать конкурентоспособность в осуществлении сборочных операций. Как следствие, доля такого экспорта стала снижаться и в 2013 г. составляла 51% в совокупном китайском экспорте в Японию¹²⁵.

124. Тянь, 2018 *Op. cit.*

125. *China and Japan ...*, *op. cit.*

С течением времени Китай в сравнении с другими восточноазиатскими странами занял более длинный участок в производственной цепочке японских компаний, что находит подтверждение в высоком уровне локализации на его территории производства комплектующих. Процент исходных материалов и комплектующих, которые приобретаются японскими производственными филиалами на китайском рынке, составляет 69,5%, причем с течением времени он повышается; на саму Японию приходится только 22,8% закупок, тогда как на США – только 0,7%¹²⁶.

1.4.3. Инвестиционная деятельность японского бизнеса в Китае после 2013 г.: влияние межгосударственного конфликта 2012–2014 гг. и внешних шоков 2018–2020 гг.

После 2013 г. объемы японских прямых инвестиций в китайскую экономику заметно снизились. В последние годы многие японские фирмы, такие как Panasonic, Citizen Holding, Omron, Toshiba, Nitto и другие, закрывают свои заводы в Китае и переносят производственные мощности обратно в Японию или страны Юго-Восточной Азии, что вызывает большую обеспокоенность в Китае¹²⁷. Поскольку снижение притока японских инвестиций совпало по времени с ухудшением межгосударственных отношений стран из-за обострения конфликта по вопросу спорных территорий в 2012 г., складывается впечатление, что именно это событие и послужило своего рода спусковым механизмом, приведшим к снижению инвестиционной активности японских фирм на рынке Китая. Безусловно, кризис в двусторонних отношениях негативно отразился на инвестиционных планах япон-

126. 2019 JETRO Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania, November 21, 2019, https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/rp_firms_asia_oceania2019.pdf (Дата обращения: 25.04.2020).

127. Количество закрывшихся японских предприятий в Китае выросло с 188 в 2012 г. до 269 в 2016 г. China and Japan ..., *op. cit.*

ских фирм — эта причина отмечалась ими в 2013–2014 гг. в качестве одного из факторов, осложняющих деятельность в Китае. Вместе с тем, снижение объемов инвестирования в китайскую экономику на современном этапе объясняется преимущественно совокупностью факторов экономического характера.

Главной причиной снижения потоков прямых инвестиций из Японии является быстрый рост стоимости китайской рабочей силы. После глобального финансового кризиса этот фактор отмечается японскими компаниями как наиболее значимый, оказывающий существенное влияние на их инвестиционные решения применительно к китайскому рынку. Средний темп повышения уровня оплаты труда в Китае с 2004 по 2015 г. был одним из самых высоких в мире. Стремительный рост издержек на рабочую силу в Китае снижает его привлекательность для тех японских компаний, которые ориентировались в своей стратегии на использование фактора дешевой рабочей силы и отводили Китаю роль преимущественно как экспортной платформы в рамках своих региональных или глобальных операций.

В числе других причин, неблагоприятно воздействующих на приток инвестиций, выступает замедление экономического роста Китая и удорожание китайской валюты. После глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. в Китае осуществляется переход от догоняющего к неоклассическому типу роста, который сопровождается снижением динамики развития. Что касается стоимости юаня, то с июля 2005 по июль 2015 г. китайская валюта подорожала по отношению к американскому доллару более чем на 30% (с 8,2 до 6,2 юаней за долл.), что снизило конкурентоспособность китайского трудоемкого экспорта. Наряду с изменениями макроэкономического характера произошла корректировка политики привлечения прямых иностранных инвестиций, с 2009 г. Китай перешел от преференциальной политики к предоставлению национального режима в отношении предприятий с иностранными капиталом. Все эти процессы существенно

повысили издержки в осуществлении предпринимательской деятельности на китайском рынке.

Со стороны Японии неблагоприятное воздействие на инвестиционную деятельность компаний в Китае оказали программы С. Абэ, запущенные в 2012 г. с целью оживления японской экономики за счет политики количественного смягчения и девальвации японской иены¹²⁸. В свою очередь, это привело к повышению себестоимости вложений и операционных расходов при осуществлении инвестиций в Китае.

После серьезного кризиса 2012–2014 гг., едва не переросшего в военное противостояние двух стран, с 2018 г. в межгосударственных отношениях Японии и Китая наметилось потепление. Япония заметно смягчила свою позицию по отношению к китайской инициативе «Один пояс, один путь», выразила готовность к участию в реализации промышленного плана «Сделано в Китае – 2025»¹²⁹. В октябре 2018 г. в рамках официального визита премьер-министра Японии С. Абэ в Китае был проведен совместный форум по сотрудничеству на рынках третьих стран, по результатам которого страны подписали более пятидесяти соглашений о совместной реализации инфраструктурных проектов. В условиях роста торгового протекционизма страны заметно активизировали переговоры о заключении двух мега-соглашений о свободной торговле – Всеобъемлющем соглашении о региональном партнерстве (ВРЭП) и зоне свободной торговли Китай–Япония–Р. Корея. На саммите в Таиланде в ноябре 2019 г. лидеры стран–участниц переговоров о ВРЭП заявили о завершении переговорного процесса по данному соглашению и подтвердили намерение подписать его в 2020 г.¹³⁰

Нормализация межгосударственных отношений Японии и Китая создала условия для реализации ряда новых про-

128. Latorre, Hosoe, Op. cit.

129. Тянь, 2018, op. cit.

130. *Miyamoto* (2020). Japan-China relations and the Chinese People's strength in a time of crisis, 30 March – URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00555/japan-china-relations-and-the-chinese-people%E2%80%99s-strength-in-a-time-of-crisis.html> (Дата обращения: 07.04.2020).

ектов с участием японского капитала — с конца 2017 г. в притоке японских инвестиций в китайскую экономику наблюдалось восстановление положительного тренда. Инвесторов привлекает большой потребительский рынок и высокая доходность инвестиций — согласно опросу, проведенному JVIC, норма прибыли японских компаний в Китае в 2014–2017 гг. повысилась с 10,6 до 12,9%¹³¹.

После непродолжительного периода, когда Китай переместился на вторую позицию по степени привлекательности для японских инвесторов из-за охлаждения межгосударственных отношений, в 2017–2018 гг. он вновь становится самым популярным направлением для осуществления японских ПИИ. Японские инвестиции востребованы в сфере экологически чистого и интеллектуального производства, сфере информационных технологий нового поколения, производстве сельскохозяйственной техники, секторе услуг, в частности в сфере финансов и здравоохранения, а также в ряде других направлений, которые выступают приоритетными в рамках современной промышленной политики Китая. Планы по расширению бизнеса в 2017–2019 гг. были озвучены рядом японских компаний, в их числе — Nissan Motor и Kawasaki Heavy Industries, запланировавшие строительство в Китае новых заводов.

Эскалация торговой войны между США и Китаем оказывает неблагоприятное воздействие на инвестиционную активность компаний на китайском рынке. Опрос JVIC, проведенный в 2019 г., показал нарастание негативных последствий для японского бизнеса вследствие торговых трений между США и Китаем. Примерно половина предприятий, осуществляющих свою деятельность в Китае, заявили о снижении прибыли. В сравнении с 2018 г. негативный эффект от повышения таможенных пошлин в США и Китае ощутило большое число компаний, работающих в различных отраслях производства, прежде всего в сфере транспортного машино-

131. Тянь, 2019, *op. cit.*

строения, электромашиностроения и электроники, металлургии, а также компании химической и текстильной промышленности¹³².

Эскалация торгового протекционизма вынуждает японские компании осуществлять реорганизацию производственных цепочек: по данным JBIC, в 2019 г. из Китая было перенесено 110 производственных баз (включая частичную передислокацию и планы переноса в 2020 г.). Переориентация производственных цепочек происходит в направлении Вьетнама, Таиланда, Индонезии и других стран ЮВА. Небольшое число компаний (5%) перенесли свои производственные мощности обратно в Японию¹³³. Наиболее чувствительными к повышению таможенных пошлин в США оказались компании, которые осуществляли производство на территории Китая с целью последующего экспорта в США. Например, компания Nides Corp., производящая автокомплекующие и электронные компоненты для американского рынка, в октябре 2018 г. перенесла свои мощности из Китая в Мексику, компания Ricoh, специализирующаяся на производстве принтеров для США, в мае 2019 г. переместила свою производственную базу из Китая в Таиланд¹³⁴. В целом большинство компаний осуществляет частичную реорганизацию системы поставок, рассматривая в качестве приоритета сохранение своего присутствия на китайском рынке. Некоторые японские инвесторы намерены расширять свой бизнес во внутренних регионах Китая¹³⁵.

Пандемия COVID-19 стала еще одним вызовом для высокоинтегрированных экономик Японии и Китая. Приостановка работы заводов, расположенных в Китае в феврале и

132. FY2019 JBIC Survey report on overseas business operations by Japanese manufacturing companies – URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2019/1127-012855.html>, (Дата обращения: 10.04.2020).

133. FY 2019 Survey on the International Operations of Japanese Firms, Japan External Trade Organization (JETRO), February 27, 2020 – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/jafirms2018.pdf (Дата обращения: 25.03.2020).

134. Wan, Zhang, *op. cit.*

135. Japan Ministry... *op. cit.*

марте, вызвала сбои в поставках в Японию автозапчастей и других комплектующих, что, в свою очередь, повлияло на снижение объемов выпуска в самой Японии. По результатам первого квартала 2020 г. импорт Японии из КНР по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. сократился почти на 16% (в 2019 г. общее снижение импорта составило 6,5%). Реакцией японских фирм на новый вызов становится дальнейшая реорганизация производственных цепочек и сокращение в них доли Китая. На перемещение производственных баз японских компаний из Китая в другие страны Азии, и прежде всего в саму Японию, направлен пакет финансовой поддержки объемом 2,25 млрд долл., утвержденный в начале апреля 2020 г. кабинетом С. Абэ¹³⁶. Неофициальные исследования показали, что 37% из 2600 японских предприятий, имеющих филиалы в Китае, намерены последовать данному курсу и сократить в перспективе свое присутствие на китайском рынке¹³⁷.

Ускорение процесса реорганизации японских производственных цепочек, предстоящий уход японских фирм из Китая вызывают беспокойство у китайского руководства. Под удар ставится дипломатическое сближение стран, наметившееся в последние годы. Запланированный на апрель государственный визит Президента КНР Си Цзиньпина в Японию, с которым связывались надежды на дальнейшее углубление двусторонних отношений, был отложен из-за пандемии COVID-19. Данный визит должен был стать первым государственным визитом китайского лидера в Японию за последние двенадцать лет. Существуют также опасения, что ухудшение экономической ситуации может заставить Токио отказаться от интеграционных инициатив, подписание которых планировалось на 2020 г.

Вместе с тем, несмотря на негативное воздействие внешних шоков, в инвестиционном взаимодействии двух стран

136. *Kawashima S.* Is Japan pulling out its companies out of China? *The Diplomat*, 11.05.2020, <https://thediplomat.com/2020/05/is-japan-pulling-its-companies-out-of-china/> (Дата обращения 14.05.2020).

137. *Miyamoto*, *op. cit.*

едва ли стоит ожидать радикальных перемен. Определенная реорганизация деятельности японских фирм на китайском рынке неизбежна, какая-то часть компаний воспользуется финансовой поддержкой правительства и выведет из Китая свой бизнес. Однако возможности переориентации на другие страны носят ограниченный характер, принимая во внимание несопоставимые с Китаем размеры этих рынков, количество рабочей силы, ее квалификацию и производительность, общий уровень развития инфраструктуры. Японские филиалы, работающие в КНР, опираются на разветвленную местную цепочку поставок, которая создавалась ими на протяжении десятилетий. К тому же значительная часть японских компаний в Китае производит продукцию с целью продаж на местном рынке. Ориентация на китайский рынок становится доминирующей в деятельности иностранного бизнеса в целом, что подтверждает опыт американских компаний, которые даже в разгар торговой войны не торопятся уходить из Китая.

1.4.4. Заключение

Практика инвестирования японским бизнесом в экономику Китая подтверждает два вывода Кодзима. В соответствии с первым из них, прямые инвестиции осуществлялись компаниями из зрелых отраслей, терявших конкурентоспособность в Японии, — их вложение в Китае, обладавшем сравнительными преимуществами и потенциалом развития, способствовало модернизации его промышленности, а также ускорило реструктуризацию производства и технологический прогресс в самой Японии. Приток японских инвестиций, сконцентрированный в производственном сегменте, обеспечил передачу китайской стороне новых управленческих навыков и технологий и тем самым способствовал усложнению структуры китайского производства, вовлечению страны в производственные цепочки. По прошествии четырех десятилетий японские прямые инвестиции не утратили своей стратегической зна-

чимости для Китая, на современном этапе они выступают в роли локомотива в процессе его перехода на инновационную стадию развития.

Японские инвестиции в Китае носят преимущественно торгово-ориентированный характер, что подтверждает еще один вывод Кодзима о доминировании данного типа инвестиций в зарубежной деятельности японских ТНК. Между притоком прямых инвестиций из Японии в Китай и развитием двусторонней торговли существует прямая положительная корреляция. Увеличение притока инвестиций обеспечивает рост взаимного товарооборота стран и ведет к синхронизации инвестиционных и торговых потоков. Изменение мотивации японских фирм при осуществлении инвестиций в Китае не оказывает существенного влияния на сложившуюся модель экономического взаимодействия стран.

За четыре десятилетия изменились объемы вложений в экономику, их отраслевая структура и мотивация японских инвесторов на рынке Китая. От стратегии экспортной ориентации японские компании переходят к осуществлению инвестиций в производство для местного рынка. Современная модель японских инвестиций в китайскую экономику основывается на внутриотраслевом разделении труда и предполагает глубокое вовлечение Китая в международную производственную систему японского бизнеса. Тесное переплетение торговых и инвестиционных потоков, базирующееся на производственной специализации Китая в региональном разделении труда, предопределяет высокий уровень интегрированности экономик двух стран.

Применительно к современному этапу проведенный анализ показал, что производственную деятельность в Китае сокращают компании, занятые в трудоемких видах деятельности и ориентированные на экспорт. Этот процесс набирает силу после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и связан с ростом производственных издержек в Китае из-за удорожания юаня и повышения стоимости рабочей силы. Предприятия, занятые в этой сфере, переносят производ-

ственные базы в страны с более низким уровнем оплаты труда, прежде всего в страны АСЕАН. Компании, ориентированные на продажи на китайском рынке и имеющие разветвленную сеть местных поставщиков, менее чувствительны к стоимости рабочей силы, часто не имеют очевидных стимулов для перемещения производства в другие страны, напротив, нацелены на расширение своей деятельности в Китае. Внешние шоки ускоряют процесс реорганизации японским бизнесом своих производственных цепочек, заставляют их диверсифицировать систему поставок в целях снижения рисков. При этом большинство компаний осуществляет лишь частичный перенос отдельных операций за пределы Китая. В целом текущие тенденции в двусторонних инвестиционных отношениях можно интерпретировать как корректировку стратегии японских компаний в отношении Китая, связанную с адаптацией к новому этапу развития китайской экономики.

РАЗДЕЛ 2

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР
ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ
И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Глава 2.1

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

В основе мегапроекта «Пояс и путь» лежат инфраструктурные проекты, позволяющие улучшить логистику внешне-торговых связей КНР. Но не только. Общеизвестно, что современный международный транспортный путь — канал экономического и политического влияния одних стран на другие, а его создание — отражение между ними взаимного доверия и партнерства.

С помощью мегапроекта, который состоит из совокупности двусторонних и многосторонних проектов, Китай стремится через диверсификацию коммуникации с миром распространить по миру китайские транспортные и строительные технологии, а также иметь сбалансированную географию внешнеэкономических связей. В этом смысле это важная часть современной торговой политики, которую Китай стремится увязать с задачей более равномерного развития своих регионов.

Для России и других стран ЕАЭС и СНГ создание современных международных коммуникаций имеет такое же значение. Но, кроме того, оно позволяет более полно использовать потенциал транзитного положения. В результате сдвига мировой экономики в Азию и увеличения взаимной торговли между западом и востоком географической Евразии разрыв между транзитным потенциалом и его реальным использованием увеличивается. Это связано с недостаточно быстрой модернизацией транспорта, большого числа узких мест на транспорте, замедляющих и удорожающих перевозки по трансконтинентальным магистралям России, Казахстана и

Беларуси. В то же время геополитические риски перевозок по традиционным морским маршрутам имеют тенденцию к возрастанию, поскольку они пролегают в зонах непрекращающихся конфликтов, таких как Южно-Китайское, Аравийское, Красное и Средиземное моря. Это заставляет заинтересованные деловые круги искать альтернативные маршруты сообщений между Европой и Азией. Воссоздание «Великого шелкового пути» через «Пояс и путь» — одно из направлений этого поиска. В свою очередь, Россия выдвинула идею Большого евразийского партнерства, в которой, как и в китайском проекте, ведущее место занимают транспортные проекты¹³⁸. Евразийская интеграция также нацелена на превращение транспортно-логистической системы ЕАЭС в органичную часть глобальных коммуникаций¹³⁹.

2.1.1. О сущности международных транспортных коридоров

Для адекватного понимания транзитной миссии стран ЕАЭС необходимо оценить современную роль международных транспортных коридоров (МТК), пересекающих пространство евразийской интеграции и обеспечивающих связанность национальных транспортно-логистических систем. Понятие «транспортный коридор» (ТК) появилось в середине 80-х гг. прошлого века, когда Комиссией по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) начали проводиться исследования транспортных потоков в Европе с целью развития транзитных перевозок¹⁴⁰.

138. *Ткачук С.П.* Императивы и паллиативы экономической интеграции в рамках Большого евразийского партнерства // Российский экономический журнал. 2018. №6. С. 85–104.

139. Евразийская экономическая комиссия. Департамент транспорта и инфраструктуры. Аналитический доклад «Международные транспортные коридоры, проходящие через территорию государств-членов». М. 2019.

140. *Щербанин Ю.А.* Транспортные коридоры: еще модно? // Транспорт Российской Федерации. 2006. № 5. С. 7–9.

Развитие МТК обусловлено совместным действием таких факторов, как рост полицентричности мировой экономики и торговли, развитие регионализации и трансрегионализации международных экономических отношений, внедрение современных транспортно-логистических систем, процессы концентрации и унификации на мировом транспорте, геополитическое соперничество стран и региональных объединений.

Вторая половина прошлого и начало текущего века отмечены непрерывным техническим прогрессом на транспорте. Важнейшую роль в нем сыграла «контейнерная революция», позволившая многократно сократить время и расходы по перевалке грузов. Развитие транспорта шло и идет также путем углубления специализации транспортных средств на перевозке определенных грузов, по объемам перевозимых грузовых партий, по используемым комбинациям транспортных средств с целью более быстрой и своевременной доставки потребителям.

С развитием мировой транспортной инфраструктуры и изменением пространственной структуры международной торговли происходят технологические изменения в транспортных коридорах. Главными звеньями мировой транспортной системы становятся крупнейшие морские порты, которые связаны множеством контейнерных (фидерных) линий с региональными портами, а те, соответственно, с локальными портами. Все контейнерные терминалы в портах тесно связаны с сухопутными перевозчиками, которые обеспечивают быструю доставку грузов между отправителями и получателями¹⁴¹.

С ростом производительности морского транспорта возрастает роль проливов и каналов всемирного значения. В частности, Суэцкий канал, играющий ключевую роль в торговле Европы и Азии, постоянно улучшает свои навигационные характеристики путем углубления фарватера и строительства (2015 г.) идущей параллельно второй очереди канала.

141. Вардомский А.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2018. С. 8–12.

Формирование многоуровневой системы МТК, работающей по принципу *hub and spoke* (узла и тяготеющего к нему пространства), предполагает широкое вовлечение стран и регионов в международную торговлю, в которой все большее место занимают промежуточные товары – комплектующие, полуфабрикаты, детали, требующие доставки точно в срок. Скорость, надежность и своевременность выхода товара на внешний рынок по мере роста его удельной стоимости становится не менее значимым фактором, чем стоимость перевозки единицы товара.

Последовательная перевозка грузов разными видами транспорта с формированием цепочек транспортного обслуживания (мультимодальные и интермодальные перевозки), так называемые бесшовные перевозки, позволяет ускорить сообщение, повысить его надежность и качество. Прямо или косвенно это способствует развитию торговли и экономическому росту стран, через которые они проходят. Важным признаком успешного развития МТК является уровень и динамика транзитных перевозок¹⁴².

Таким образом, динамика МТК – отражение технического прогресса на транспорте, хода глобализации и регионализации мировой экономики, геополитических и геоэкономических интересов стран-участниц в развитии международных сообщений. Их деятельность все сильнее увязывается с повышением качества логистики на основе широкого внедрения цифровых технологий. С момента появления понятия МТК в 1980-е гг. сущность этого понятия эволюционировала от отражения географического направления международных перевозок до высокотехнологичной, цифровой транспортно-логистической системы¹⁴³.

142. Вардомский А.Б. О динамике транзитных перевозок стран ЕАЭС // Мир перемен. 2018. № 2. С. 161-173.

143. Вардомский А.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2018. С.12.

Сегодня МТК можно определить как «согласованное развитие и унификацию технических параметров национальных магистральных путей нескольких стран, образующих международное направление перевозок между крупными центрами производств и потребления, национальных норм регулирования транзитных и внешнеторговых перевозок, логистической деятельности и широкое внедрение на этом направлении мультимодальных и цифровых технологий в доставке грузов»¹⁴⁴.

Россия и другие страны ЕАЭС занимают на пространстве Евразии положение близкое к центральному, а это означает, что они имеют широкий круг стран-соседей и через них проходят самые короткие сухопутные пути, связующие страны материка, а также Северный морской путь, потенциал которого в связанности стран Европы и Азии будет увеличиваться¹⁴⁵.

Повышение качества транспортно-логистического обслуживания на МТК не только обеспечивает качественную связанность экономики стран ЕАЭС с внешним миром, но и повышает связанность национальных экономических пространств, способствует углублению и расширению интегрированного рынка Союза. Пространства, примыкающие к транспортным коридорам, получают значительно более сильный импульс для развития, чем те, которые удалены от них.

Среди МТК стран ЕАЭС особое значение имеют широтные сухопутные магистрали, соединяющие побережья Тихого и Атлантического океанов. Потенциальное транзитное значение Транссиба проявилось с момента его постройки. Но в силу политических и технических причин о трансматериковом транзитном пути вспоминали в условиях геополитических потрясений. К таковым можно отнести неоднократное закрытие Суэцкого канала в 1950–1970-е годы в резуль-

144. Там же.

145. Вардомский А.Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // Мир перемен. 2010. № 2. С. 129–140.

тате войн Египта и Израиля. С конца 2000-х годов к евразийским МТК начал проявлять интерес Китай, который стал главным фактором развития трансконтинентального транзита стран ЕАЭС.

2.1.2. Причины интереса Китая к трансматериковому транзиту

Спрос КНР на транзитные перевозки через ЕАЭС связан с возможностью более быстрой доставки продукции (готовых изделий и комплектующих) на рынки Европы и стран Западной Азии. Товарооборот между ЕС и КНР в последние годы поддерживается на уровне 600-700 млрд долл. При этом около 97% объемов взаимных поставок между Европой и Китаем обслуживается морским транспортом, а остальное примерно поровну приходится на авиационный и железнодорожный транспорт¹⁴⁶. Маршрут от станции Достык на китайско-казахстанской границе до Бреста, протяженностью более 5300 км, занимает около 5 дней. Грузы перевозятся из Китая в страны центральной, восточной и северной Европы менее чем за 11 дней, что в 3–4 раза быстрее, чем по морю.

Более быстрый и надежный способ доставки товаров на внешние рынки по суше позволяет повысить конкурентоспособность китайских товаров, укрепить их позиции на внешних рынках¹⁴⁷. В связи с этим грузоперевозки по сухопутной части Шелкового пути входят в число *приоритетных направлений развития КНР*, несмотря на то, что они по объему пока несопоставимы с перевозками по морю.

146. Большая часть китайской торговли приходится на Германию (38%), Нидерланды (16%), Францию (12%), страны Прибалтики и Южной Европы.

147. Сокращение срока доставки контейнера до 16 суток против 40 при стоимости груза в контейнере 100 тыс. долл. может обеспечить дополнительную прибыль в 329 долл. в пересчете на один контейнер за счет экономии процентных платежей (Раровский П.Е. Пути повышения эффективности экспорта транспортных услуг на транссибирском контейнерном маршруте // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. С.124). При предположении, что стоимость товаров в каждом из 262 тыс. контейнеров, перевезенных в 2017 г. между КНР и ЕС, равна 100 тыс. долл., общая экономия на процентах может составить 86 млн долл.

Скоростной транспорт создает предпосылки для развития Западного Китая, преодоления его внутриматериковости, поскольку многие части Синьцзян-Уйгурского автономного района находятся на максимальной удаленности от океанов. Внутриконтинентальность положения сдерживает экономическое развитие. Возникшее в ходе бурного роста в предшествующие годы отставание Западного Китая от восточных приморских провинций и городов достигло уровня, угрожающего социальной стабильности в стране.

На значительном расстоянии от моря находятся многие крупные промышленные города центральной части страны. В воссоздании Шелкового пути просматривается стремление КНР обеспечить геополитическую устойчивость своей экономики и улучшить условия развития городов и регионов, удаленных от моря. Дифференциация сообщений, в свою очередь, повышает конкурентность на рынке перевозок между Европой и Азией.

Освоение евразийских МТК укрепило позиции Китая в торговой войне с США. Евразийский транзит стал главным направлением эффективного сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс — один путь». При этом Китай видит страны ЕАЭС как важную часть нового «Шелкового пути». Для КНР развитие скоростных трансконтинентальных перевозок — способ внедрения своих технологий на транспорте постсоветских стран и увеличения производственной загрузки профильных отраслей экономики.

Спрос компаний КНР на трансматериковый транзит стимулируется субсидиями из провинциальных и городских бюджетов, поскольку провинции и города включены в мегапроект «Пояс и путь». Средний размер субсидий варьирует от 1 500 до 7 000 долл. на FEU (сорокафутовый эквивалент) при уровне тарифа перевозки из КНР в страны ЕС около 7 500–10 000 долл.¹⁴⁸ По мере роста объема железнодорожных перевозок и их ускорения, а также сдвига экономики КНР

148. Лахметкина Н., Пилипчак А. Контейнерные перевозки на евразийском пространстве. Барьеры развития // Логистика. № 3. 2020. С. 20–28.

на запад значение субсидий для привлечения транзита будет, вероятно, снижаться. Следует отметить, что КНР оказывает весьма значимую поддержку и своему морскому транспорту, стимулируя конкуренцию разных видов транспорта для обслуживания своей внешней торговли¹⁴⁹.

Эффективность сухопутного варианта сообщения между Европой и КНР повышается по мере выравнивания объемов контейнерных перевозок в восточном и западном направлениях. Первоначально контейнерные перевозки из КНР в Европу в разы превосходили объемы загрузок контейнеров, следующих в КНР. Это удорожало транзит и создавало проблемы транспортировки порожных контейнеров. Рост контейнерного транзита восточного направления обратного следования связан с ростом продаж продукции автомобильной промышленности (включая легковые автомобили и комплектующие), оборудования и промышленных изделий европейского производства, все больше потребляемых в Китае.

2.1.3. Политика ЕАЭС и стран-участниц в области евразийского транзита

По территории ЕАЭС проходит сеть важнейших транс-континентальных международных транспортных коридоров. Однако существующие правовые и технологические различия в национальных транспортных коммуникациях Союза не позволяют в полной мере использовать имеющийся потенциал для выстраивания оптимальных транспортно-логистических цепочек и повышения эффективности внутренних и международных грузовых и пассажирских перевозок.

Взаимоположение России и стран ЕАЭС, а также примыкающих к ним стран СНГ таково, что максимальную *транзитную ренту* и дифференциацию сообщений с мировыми рынками они могут получить только в случае согласованного развития своих транспортных сетей и внедрения единых та-

149. Analysis of Selected Measures Promoting the Construction and Operation of Greener Ships. OECD, 2017. Pp. 21–22.

моженных регламентов. Согласованные инвестиции в инфраструктуру позволят в ближайшие годы увеличить скорость движения контейнерных поездов по широкой колее с 1090 до 1400 км в день. Изменение процедур прохождения контроля на пограничных пунктах пропуска благодаря цифровизации таможенных и прочих контрольных процедур и внедрения «электронных пломб» может существенно сократить время прохождения государственных границ¹⁵⁰.

Договором о ЕАЭС предусмотрено осуществление скоординированной (согласованной) транспортной политики, направленной на последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства (ЕТП) на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности, которое является частью единого экономического пространства, посредством которого осуществляется свободное трансграничное движение товаров, услуг, капиталов и людей. Образование ЕТП осуществляется посредством поэтапного создания к 2025 г. общего рынка транспортных услуг (ОРТУ). Формирование этого рынка позволит удешевить и ускорить взаимные перевозки, обеспечить гарантированный и равный доступ к услугам национального транспорта всех стран-участниц при перевозках внутри Союза и между странами Союза и третьими странами. Одна из главных задач ЕТП и ОРТУ – превратить транзит из барьера в фактор, содействующий развитию стран-участниц. Упрощение таможенных и пограничных процедур на внешних границах ЕАЭС снизит потери бизнеса на трансграничные барьеры, увеличит объемы международной торговли и транзитных перевозок по территории Союза¹⁵¹.

В результате либерализации транзитного режима в рамках создаваемого общего рынка транспортных услуг евразий-

150. ЕЭК. О выявлении недостатков, связанных с организацией движения поездов, в части согласования перевозок и оформления перевозок грузов, в том числе с применением безбумажных технологий (аналитический доклад). М. 2019 г. С. 6–7.

151. Евразийская экономическая комиссия. Департамент транспорта и инфраструктуры. Аналитический доклад «Международные транспортные коридоры, проходящие через территорию государств-членов». М. 2019. С. 3–4.

ская интеграция существенно повысила конкурентоспособность сухопутного варианта перевозок между КНР и ЕС, которые, в свою очередь, стали важным стимулом транспортной интеграции стран ЕАЭС. Трансконтинентальный транзит отличается наибольшей протяженностью, предъявляет особые требования к скорости и качеству перевозки, требует логистического обслуживания высокого уровня, контроля движения грузов по маршруту в непрерывном режиме.

По мере движения в направлении создания общего рынка транспортных услуг пространство ЕАЭС будет превращаться в единое транзитное пространство с единым транзитным тарифом для отдельных видов транспорта¹⁵².

Формирование ЕТП и ОРТУ ЕАЭС создает институциональные предпосылки для увеличения объемов транзитных перевозок и будет содействовать торговле и развитию всех стран Евразийского континента. Многие страны и региональные экономические блоки заинтересованы в сотрудничестве с Союзом, в том числе для совместного развития МТК¹⁵³. Но для расширения контейнерных перевозок необходимо предложить условия, конкурентные по сравнению с более дешевым (в среднем в 2 раза) морским вариантом сообщения. Речь идет о соотношении скорости/точности доставки и издержек при сухопутном транзите и морском варианте перевозки. Приемлемое соотношение было достигнуто путем широкого внедрения в практику перевозок контейнерных поездов (блоттрейнов), следующих по определенным маршрутам, поскольку транспортировка поездных грузовых партий на 30–40% дешевле и в 2–3 раза быстрее повагонных отправок. Первые контейнерные поезда появились в начале 2000-х гг., но они курсировали не по расписанию, а по мере формирования поезда партии контейнеров.

-
152. Вардомский А.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 30–34.
 153. Евразийская экономическая комиссия. Департамент транспорта и инфраструктуры. Аналитический доклад «Международные транспортные коридоры, проходящие через территорию государств-членов». М. 2019. С. 3–4.

С начала 2010-х гг. происходит активное включение ЕАЭС в обслуживание трансконтинентального транзита на направлении КНР – ЕС по Транссибу и Северному коридору Трансазиатской железнодорожной магистрали с использованием контейнерных поездов.

Бурное развитие транзитных перевозок по этому направлению совпало с обострением геополитических противоречий России с Западом и началом реализации Китаем мегапроекта ОПОП.

Формирование ЕТП/ОРТУ и рост спроса КНР на трансконтинентальные транзитные услуги происходит в значительной мере согласованно. Важным шагом в экономическом освоении транзитного положения ЕАЭС стало внедрение регулярных скоростных контейнерных поездов между городами Европы и Китая.

Центральную роль в организации движения регулярных контейнерных поездов играет совместная компания железных дорог Беларуси, Казахстана и России «ОТАК ЕРА», которая, начав свою деятельность в 2014 г., в 2019 г. перевезла 333 тыс. контейнеров ДФЭ (в 2015 г. – 100 тыс.), организуя движение более 5000 контейнерных поездов на 61 маршруте из Европы в КНР и 84 маршрутах из КНР в Европу. Общая стоимость перевезенных грузов составила 25 млрд долл. «ОТАК ЕРА» тесно взаимодействует с китайскими и европейскими логистическими компаниями, что обеспечивает ее ведущую роль в европейско-китайском транзите. В 2019 г. на нее пришлось 87% всех транзитных контейнерных перевозок между Китаем и Европой¹⁵⁴.

Бурное развитие контейнерного транзита показывает, что наиболее динамично развиваются интеграционные процессы на транспорте в тех его сегментах, в которых национальные интересы стран-участниц одновременно совпадают с интересами третьих стран.

154. В 2019 г. укрепились лидерские позиции ОТАК ЕРА на рынке евразийских железнодорожных перевозок. Новости и события. 22.01.2020. URL: <https://utlc.com>

2.1.4. Структура и динамика трансконтинентальных перевозок

Основные объемы транзитных перевозок концентрируются на главной широтной магистрали России – Транссибе, который вместе с БАМом, а также идущими в том же направлении автодорогой и нефте- и газопроводами составляют транссибирский транспортный коридор (ТСТК), определяющий вектор ее пространственного развития, обеспечивающий включение страны в мировую экономику и обслуживающий внешний спрос на международные перевозки по российским коммуникациям.

Продолжением ТСТК являются железные дороги, идущие веером от Урала в Белоруссию, Украину, к Балтийскому, Каспийскому и Черному морям, которые вместе с железными и автомобильными дорогами сопредельных стран составляют *широтный трансматериковый транспортный коридор*.

На востоке ТСТК примыкает к транспортной сети Китая через Монголию и напрямую в Забайкальске, Благовещенске/Нижнеленинске и Гродеково. При этом кратчайший сухопутный путь между Москвой и Пекином проходит через Улан-Батор (7622 км).

Другой евразийский МТК, играющий сейчас центральную роль в обслуживании перевозок на направлении КНР–Европа–КНР, проходит через Казахстан. Если до 2014 г. практически весь транзитный железнодорожный контейнерный грузопоток по этому направлению проходил через российский пункт пропуска Забайкальск (95–100%), то в 2016 г. его доля снизилась до 22%, а 67% прошло через казахстанские Достык и Алтынколь и еще 11% – через российский пункт пропуска на границе с Монголией Наушки (Холопов, Раровский, 2019. С. 76). В целом же, если в 2011 г. через Казахстан в сообщении КНР–Европа–КНР проследовало 1,1 тыс. контейнеров ДФЭ, то в 2019 г. – 338 тыс. ДФЭ¹⁵⁵.

155. ДФЭ – двадцатифутовый эквивалент, поскольку контейнеры при одинаковом сечении могут быть разной длины.

Казахстанский вариант трансконтинентального транзита, как более короткий (примерно на 1 тыс. км) и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута), оказался более востребованным для главных поставщиков товаров в Европу, расположенных в центральной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чэнду и т.д.). К казахстанскому маршруту тяготеет также большая часть торгового потока между КНР и странами Центральной Азии и значительная часть торговли с европейской частью РФ. На Москву в 2017 г., по данным Федеральной таможенной службы, пришлось около 45% общего товарооборота РФ и КНР, но большая его часть осуществляется по морю.

Важное значение Казахстана в евразийском транзите определяется широким примыканием его транспортной сети к транспортной сети России и Узбекистана, строительством новых дорог, соединивших Казахстан и Туркменистан, Туркменистан и Иран, развитие каспийских портов Актау и Курык, составивших Транскаспийский транспортный коридор.

В 2019 г. китайский транзит по железным дорогам Казахстана составил более половины от всего контейнерного транзита. Другую половину составляют перевозки между странами Европы и Центральной Азии, между Россией, Японией и Южной Кореей и странами ЦА, Китаем—Ираном, Турцией и Афганистаном. На направлении КНР—РФ—КНР в 2019 г. было перевезено 33 тыс. ДФЭ против 9 тыс. в 2018 г. На направлении Китай—Центральная Азия—Китай перевозка контейнеров достигла 182 тыс. ДФЭ (рост на 52,2%). По Транскаспийскому МТК проследовало 7 тыс. ДФЭ (+79,5%). В несколько раз возросли перевозки контейнеров на направлении Китай—Иран—Китай — с 1 тыс. до 5,5 тыс. ДФЭ. Перевозки транзитных контейнеров на направлении Япония—Южная Корея—страны Центральной Азии составили в 2019 году 95,1 тыс. ДФЭ¹⁵⁶.

156. Транзитные перевозки контейнеров по территории Казахстана выросли в 2019 году на 20,2%. Infranews. 13.01.2020. — URL: <http://infranews.ru>

Из Казахстана через Россию часть потока контейнеров идет к черноморским портам, часть – через Украину в страны Центрально-Восточной Европы, но основная часть следует в Белоруссию и далее через Польшу в другие страны ЕС. В 2019 г. по железным дорогам Беларуси проследовало 339 тыс. ДФЭ в направлении Китай – Европа–Китай (в 2015 г. – около 60 тыс. ДФЭ): более 67% от всего транзитного потока контейнеров¹⁵⁷.

Через Белоруссию идут также контейнерные поезда к морским портам и железнодорожным пунктам пропуска Калининградской области на российско-польской границе для дальнейшей транспортировки в страны ЕС и в обратном направлении.

Пандемия, как ни странно, способствовала росту китайского транзита через ЕАЭС. Это объясняется тем, что железнодорожный транспорт меньше пострадал от карантинных мер. Кроме того, в это период росла электронная торговля, и в частности электронными гаджетами, а также средствами защиты и дезинфекции, медицинским оборудованием, предъявляющая повышенные требования к скорости доставки. Повышенный спрос на скоростную доставку преодолел сокращение провинциальных и государственных субсидий на евразийский транзит, которое наблюдалось в Китае в начале 2020 г.

Остальные виды транспорта на этом направлении сократили объемы перевозок. Снижение потребления, закрытие границ для автомобильного транспорта, отмена внутриматерикового и межконтинентального авиасообщения, весьма долгий период ожидания доставок товаров морем – все это в итоге оказалось значимым стимулом для наращивания объемов железнодорожного транзита. В частности, если в апреле 2020 г. погрузка на сети РЖД снизилась (100,8 млн т, что на 5,9% меньше, чем за аналогичный месяц прошлого года), объем контейнерных перевозок по маршруту КНР–ЕС–КНР на

157. Годовой отчет Белорусской железной дороги 2019. С. 27–28. URL: // <http://rw.by>

транзитных сервисах только в апреле 2020 г. составил 41,2 тыс. ДФЭ, что вдвое больше, чем за аналогичный период прошлого года. На сегодняшний день этот показатель является абсолютным рекордом по объемам евразийских транзитных контейнерных перевозок за месяц¹⁵⁸. Росту способствовали также своевременно принятые решения о стимулировании транзита контейнеров в РФ путем выравнивания тарифа внутри страны для повышения конкурентоспособности на рынке транзита¹⁵⁹.

Тем не менее темпы роста транзита на направлении Китай—Европа—Китай в ближайшие годы будут не такими высокими, как в 2015—2018 годах. Рубеж в 1 млн ДФЭ к 2025 г. вряд ли будет взят. Но начавшаяся контейнеризация международных перевозок во всех странах ЕАЭС, введенные в строй новые транспортные линии, повышение уровня логистики и ее цифровизация, безусловно, позволит наращивать контейнерный транзит на других направлениях.

2.1.5. Заключение

Таким образом, структурные изменения в транзитных перевозках стран ЕАЭС стали следствием как политической и экономической трансформации постсоветского пространства, так и роста влияния Китая в мировой экономике и политике. Рост транзитного значения рассматриваемых стран стал результатом национальных усилий по развитию транспорта и логистики, прогресса интеграции на транспорте в рамках ЕАЭС, широкой кооперации логистических компаний разных стран и быстро растущего спроса компаний КНР и Европы на скоростные трансматериковые перевозки.

158. Весна не смогла подогреть погрузку РЖД, 07.05.2020. — URL: https://www.alt.ru/logistics_news/74168/ (дата обращения: 05.06.2020).

159. РЖД загрузятся транзитными контейнерами, 14.05.2020. — URL: <https://expert.ru/2020/05/14/rzhd-zagruzyatsya-tranzitnyimi-kontejnerami/> (дата обращения: 05.06.2020).

Динамичное развитие трансматерикового транзита и выдвигаемые странами международные транспортные проекты свидетельствуют о возможности формирования *евразийского транспортного партнерства* с участием КНР, Южной Кореи, Японии, стран ЕС, ЕАЭС, других стран Евразии. Это то, на что нацелена идея «Один пояс и один путь». Впрочем, не исключено, что возможное транспортное партнерство – начальная стадия пока аморфной идеи «Большой Евразии», поскольку страны-участницы явно заинтересованы в устранении технических и институциональных швов на трансматериковых коммуникациях, в создании единой сети высокоскоростных дорог и тем самым создании более благоприятных условий для развития международной торговли, которая в настоящее время испытывает не лучшие времена.

Глава 2.2

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

По мере роста экономической мощи Китая кардинально менялась его международная позиция. Начало экономических реформ сопровождалось стратегией, описываемой 24 иероглифами, четыре из которых переводились как «скрывать свои возможности и держаться в тени», что в реальной практике означало: не быть активным вовне (не вступать в экономические и политические блоки, не участвовать в конфликтах), сосредоточиться на внутреннем развитии, прежде всего — на реализации экономических реформ. Фундамент экономических успехов, заложенный в данном периоде, позволил Китаю претендовать на роль регионального, а в перспективе — и глобального лидера. Выдвигалась идея «мирного подъема», формулировка которой была впоследствии заменена на «мирное развитие».

Желание Китая институционально обозначить свою глобальную роль вылилось в формирование интеграционной стратегии «Пояс и путь», разработанной под руководством нынешнего Председателя КНР Си Цзиньпина. Основной посыл стратегии: КНР не только мирно развивается сама, но и способна поделиться результатами своего развития с другими странами. В результате одно из основных направлений внешней политики Си Цзиньпина на современном этапе — это превращение Китая из «большого» (большие экономические и военные возможности) государства в «сильное», которое несет глобальную ответственность за мировое развитие. Также одним из важных направлений внешней политики Китая с начала нового тысячелетия остается «периферийная дипломатия» — развитие отношений со странами-соседами, в том чис-

ле и с государствами постсоветского пространства¹⁶⁰. Богатейшие ресурсы, а также стратегически важное географическое положение привлекают внимание многих мировых игроков, что ведет к обострению конкурентной борьбы в регионе.

Соответствующая стратегия начала реализовываться Китайской Народной Республикой с нулевых годов XXI века. Факт существования этой стратегии долгое время отрицался китайской стороной в целях сохранения дружественных отношений с Россией. Только осознав, что Россия не сможет занять данную нишу в полной мере, китайцы в начале нового тысячелетия аккуратно вступили на постсоветское пространство¹⁶¹. Существование продуманной стратегии выявляется не на уровне заявлений глав государств или правительств и даже не на уровне принятых документов, а на уровне реальных действий.

Как представляется, цели, преследуемые Китаем, могут быть сформулированы следующим образом. С одной стороны, активные действия на постсоветском пространстве призваны содействовать решению ряда внутриэкономических проблем Китая, укреплению его безопасности. С другой, в инициативе «Пояс и путь» проявляется претензия Китая на альтернативный проект глобального развития, его независимость от ныне существующих институтов мировой экономики.

Начало XXI века охарактеризовалось нарастающей разобщенностью постсоветского пространства с одновременным ослаблением российских позиций. Основываясь на этом, Китай начал реализовывать многоуровневую, поэтапную и досконально продуманную стратегию освоения данного региона, целеполаганием которой стало разрешение внутренних проблем экономики путем развития интеграции на постсоветское пространство.

160. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

161. Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 202. С. 107–123.

Одной из ключевых проблем последнего времени не только китайской, но и мировой экономики в целом называют снижение темпов роста экономики КНР. Действительно, темпы экономического роста 6–7%, которые Китай показывает в последние годы, стали существенно ниже, чем в 2000-е гг., когда они были на уровне 10–12% (рис. 2.1).

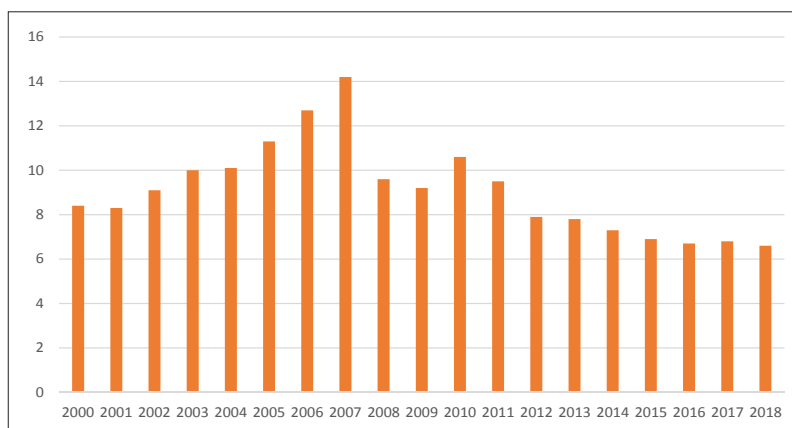

Рис. 2.1. Темпы прироста ВВП Китая (постоянные цены), %

Источник: рассчитано по данным Worldbank – URL: <http://www.worldbank.org/>.

В 2014 году Си Цзиньпин на форуме АТЭС заявил: «Китай после экономического кризиса вошел в состояние новой нормальности, которая указывает на постепенную перемену в динамике развития экономики»¹⁶². Новая нормальность характеризуется переходом от экономического роста высокими темпами (рост ВВП от 7,5% в год) к росту средневвысокими темпами (рост ВВП от 6 до 7,5% в год), оптимизацией экономической структуры, связанной с ростом урбанизации и потребительского спроса, а также тем, что основным источником роста вместо факторов производства становятся инновации¹⁶³. Китай вынужден развивать высокотехнологичные от-

162. Информационное агентство ТАСС – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392>

163. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Издательство «Весь мир», 2017.

расли и науку, потому что прежние ресурсы роста (увеличение объемов экспорта, экстенсивный рост отдельных видов производств) уже не дают необходимого эффекта и каждый дополнительный процент роста ВВП дается все с большим трудом.

В то же время расширение международного сотрудничества в целом и в частности со странами постсоветского пространства, может поддержать темпы роста экономики. Это особенно актуально для Китая в период трансформационных процессов, когда совершается переход от экспортоориентированной модели широкомасштабного производства к инновационной модели экономики, сосредоточенной на высокотехнологичном производстве.

Расширение рынков сбыта продиктовано еще и тем, что в последние годы темпы роста торговли Китайской Народной Республики с ее традиционно основными партнерами показывали спад (рис. 2.2).

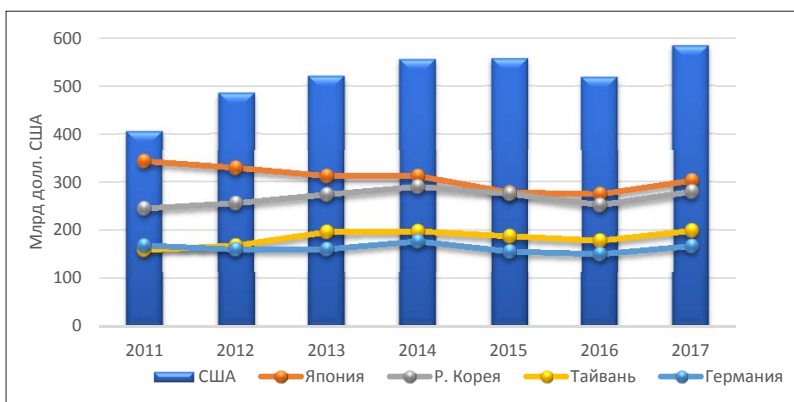

Рис. 2.2. Товарооборот Китая с основными внешнеторговыми партнерами, 2000–2017 гг.

Источник: составлено автором по данным UNCTADStat. URL: www.unctadstat.unctad.org/.

Этот факт еще раз доказывает появившиеся проблемы в экспортоориентированной модели¹⁶⁴ и необходимость плот-

164. *Портяков В.Я.* Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 18-2. С. 596–608.

нее выходить на другие рынки, среди которых особый интерес могут представлять страны постсоветского пространства, где еще готовы потреблять дешевые и при этом не очень качественные товары.

Другой ключевой проблемой Китайской Народной Республики является ежегодно увеличивающееся потребление энергоресурсов, которое негативно сказывается на общих расходах на энергию¹⁶⁵. Опережающий рост объемов потребления углеводородов, особенно нефти и природного газа, в сравнении с объемами собственного производства (табл. 2.1), приводит к увеличению отрицательного сальдо в энергобалансе. Кроме того, в ближайшие годы Китай будет решать важную задачу по преодолению экологических проблем и переходу с потребления каменного угля на более чистые виды топлива, в том числе на природный газ и нефть, что будет вынуждать страну еще больше увеличивать импорт этих ресурсов.

Таблица 2.1. Добыча и потребление основных энергоресурсов в Китае, в млн т

Год	Добыча угля, млрд т	Потребление угля, млрд т	Добыча нефти, млн барр/сутки	Потребление нефти, млн барр/сутки	Добыча природного газа, млрд куб. м	Потребление природного газа, млрд куб. м
2014	3,89	4,11	4,256	10,956	129,3	185,2
2015	3,67	3,91	4,398	11,398	134,1	197,5
2016	3,34	3,61	4,321	12,102	137,2	210,3
2017	3,49	3,78	4,532	12,563	148,9	239,8
2018	3,52	3,86	4,483	12,965	161	280,3

Источник: составлено по данным National Bureau of Statistics of China, EIA.

Развитие сотрудничества с ресурсодобывающими государствами постсоветского пространства представляется выгодным для Китайской Народной Республики ввиду их территориальной близости и наличия огромных разведанных запасов (табл. 2.2). Общие запасы природного газа составляют около 60 трлн куб. м, нефти – более 15 млрд т.

165. Островский А.В. Экономика КНР – прогноз до 2030 года. Основные проблемы китайской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 2(6). С. 36–45.

Таблица 2.2. Разведанные запасы природных ресурсов
в постсоветских странах

Страна	Нефть, млн т	Природный газ, млрд куб. м	Уголь, млн т
Азербайджан	1000	1310	—
Армения	—	—	100
Белоруссия	28	3,5	150
Грузия	35	8,5	200
Казахстан	5300	1820	31300
Киргизия	11,5	6,5	1340
Латвия	—	—	—
Литва	—	—	—
Молдавия	0,5	—	40,2
Россия	10200	44380	157010
Таджикистан	5,4	9,2	670
Туркмения	100	8100	—
Узбекистан	100	1680	2000
Украина	55	980	33873
Эстония	—	—	—
Постсоветское пространство	16837,4	58297,7	226683,2

Источник: составлено по данным World Energy Outlook. – URL: <http://www.worldenergyoutlook.org>.

Особенно приоритетным для Китая является рынок России и стран Центральной Азии (общие запасы нефти и газа которых составляют более 7% от мировых). Так, между КНР и Казахстаном, чьи запасы нефти составляют 5,3 млрд т¹⁶⁶, уже подписан ряд договоров о строительстве нефтепроводов, по которым будет осуществляться поставка казахской нефти в Китай. Сотрудничество в энергетической сфере выгодно и для стран Центральной Азии, в том числе по причине того, что китайские компании готовы инвестировать в энергетические проекты¹⁶⁷, реализуемые в этих странах. Считается, что инвестиции из КНР помогут развитию ТЭК и инфраструктуры в данных странах. Заметим, что Российская Федерация также активно продает в Китай свои энергетические ресурсы¹⁶⁸.

166. Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs // U.S. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ

167. Schubert J. New Eurasian Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space or "Noodles and Meatballs in a Breaking Bowl", 2006. <http://www.jeffschubert.com/>.

168. Яковлев А.А. Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. А.А. Аносова. М.: Эдитус, 2017.

Среди наиболее острых проблем экономической модели Китая можно также выделить резкий рост заработной платы в ряде трудоемких отраслей промышленности (табл. 2.3). Например, средний уровень оплаты труда в предприятиях различной формы собственности увеличился в 6 раз за период 2000–2015 гг. То есть каждые пять лет происходило его удвоение. Столь быстрый рост за последние 15 лет был во многом связан с провозглашением экономической стратегии на использование внутреннего потребления в качестве одного из главных источников роста экономики.

Таблица 2.3. Средняя заработная плата наемного рабочего в городских районах Китая, юани

Показатель	2000	2005	2010	2015
Акционерные общества	11 105	20 272	44 118	72 644
Государственные компании	9 441	18 978	38 359	65 296
Кооперативы	7 479	13 808	30 271	60 369
Общества с ограниченной ответственностью	9 750	17 010	32 799	54 481
Совместные предприятия	10 608	17 476	33 939	50 733
Другое	9 888	11 230	25 253	46 945
Компании в коллективной собственности	6 241	11 176	24 010	46 607
Средняя з/п по предприятиям различной формы собственности	9 333	18 200	36 539	62 029

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/enGLISH/>

Приведем цифры, отражающие изменения почасовой оплаты рабочих на китайских фабриках. Так, в 2003 году она составляла всего 0,62 долл., в 2008 году – 1,32 долл., а в 2013 году она уже достигала 2,2 долл. На более сложных по своему устройству производствах и платить приходится больше, что делает перспективным для развития страны вынос теряющих конкурентоспособность производств за рубеж, в том числе на постсоветское пространство, где рабочая сила дешевле, чем в Китае (рис. 2.3). Если рассматривать среднюю стоимость рабочей силы в номинальных текущих ценах, в долларовом эквиваленте, то стоимость рабочей силы в Китае практически в 1,5 раза выше, чем в России, более чем в 2 раза выше, чем в

Беларуси и в 3 раза превышает среднюю оплату труда в странах Центральной Азии.

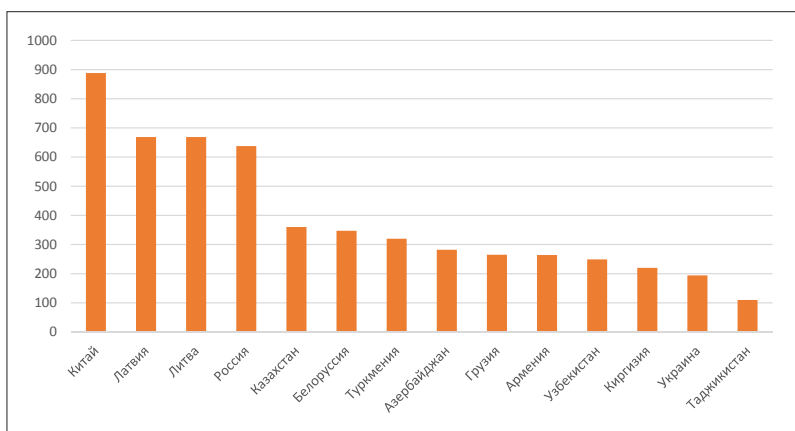

Рис. 2.3. Средняя заработная плата в Китае и постсоветских странах в 2018 г., долл., текущие цены

Источник: составлено автором по данным Международной организации труда. — URL: <http://www.ilo.org/>.

С помощью переноса наиболее грязных производств Китая из неблагоприятных с точки зрения экологии регионов в сопредельные государства могут решаться и экологические проблемы, которые в последние годы очень остро стоят во многих провинциях КНР.

Стимулирует этот процесс и стремление обойти те торговые пошлины, которые накладываются правительствами некоторых стран по отношению к товарам из Китая. Например, после повышения торговых пошлин в Евразийском экономическом союзе Китайская Народная Республика столкнулась с ситуацией, когда покупать ее продукцию стало не так выгодно для Казахстана, как было прежде¹⁶⁹. Отдельный интерес для КНР в контексте переноса производств представ-

169. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.

ляют и постсоветские Прибалтийские республики, которые ввиду их членства в европейской интеграции могут способствовать проникновению Китая на рынок Европейского союза¹⁷⁰, что становится особенно желаемым на фоне развития торговых войн с Соединенными Штатами.

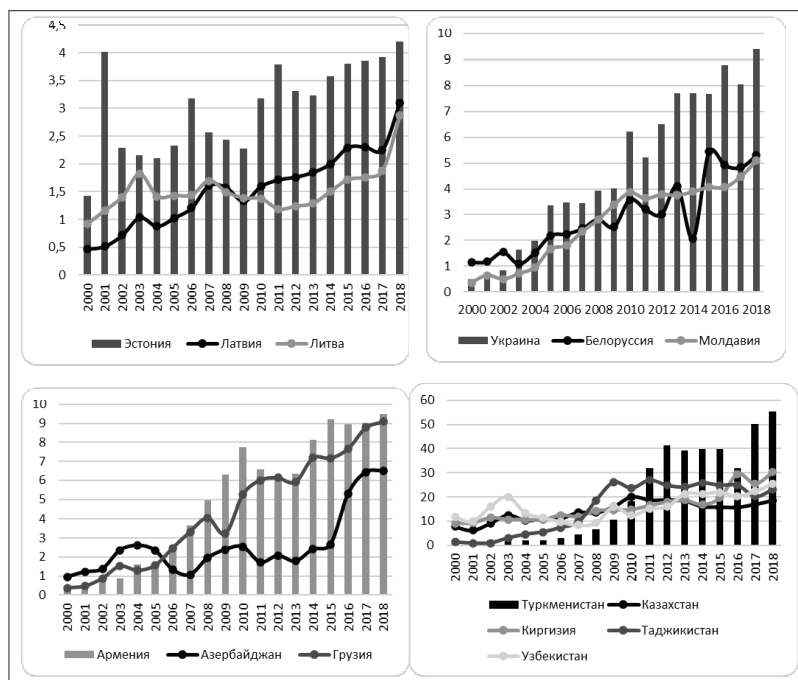

Рис. 2.4. Динамика товарооборота между постсоветскими странами и КНР, % к совокупному товарообороту, 2000–2018 гг.

Источник: данные UN Comtrade. – URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Развитие экономических отношений с постсоветскими странами является важной задачей для Китайской Народной Республики. Стремительное развитие торговли между КНР и постсоветскими государствами стартовало с нулевых годов XXI века и сопровождалось китайскими финансовыми

170. Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.

вливаниями (инвестициями и кредитами) в ресурсодобывающие сектора этих стран¹⁷¹. На сегодняшний день экономические связи между постсоветскими странами и Китаем характеризуются высоким уровнем динамизма (рис. 2.4), о чем свидетельствуют как абсолютные цифры роста товарооборота, так и рост доли Китая в торговле постсоветских стран. Китай превратился в главного торгового партнера России Казахстана и Туркменистана, второго по величине для Узбекистана и Киргизии и третьего по объему товарооборота для Таджикистана.

Рост товарооборота между Китайской Народной Республикой и постсоветскими государствами во многом связан с взаимодополняемостью их экономик. Нами рассчитан индекс комплементарности экономики с Китаем для групп стран постсоветского пространства¹⁷²: 1) Россия; 2) Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония); 3) Восточная Европа (Белоруссия, Украина, Молдавия); 4) Закавказье (Азербайджан, Армения, Грузия); 5) Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан), за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>) (табл. 2.4).

Индекс комплементарности (формула 1) экономики показывает взаимодополняемость экономик стран-партнеров на основе структуры экспорта одного партнера и структуры импорта другого торгового партнера, принимает значение 0 до 100%. Высокие значения свидетельствуют о большей торговой комплементарности.

171. Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.

172. Страны разделены на группы как по географическому положению, так и по характеру сотрудничества с Китаем.

Формула 1. Индекс комплементарности

$$\left[1 - \left(\sum_i \left| \frac{\sum_w m_{iwd}}{\sum_w M_{wd}} - \frac{\sum_w X_{isw}}{\sum_w X_{sw}} \right| \right) \div 2 \right] \times 100,$$

где **d** – страна-импортер;
s – страна-экспортер;
w – все страны мира;
i – набор отраслей;
m – поток импорта товаров;
M – общий импорт;
x – поток экспорта товаров;
X – общий экспорт.

Таблица 2.4. Индекс комплементарности экономики с Китаем, в %

Страны	2000	2006	2012	2018
Россия	55,1	65,4	72,3	75,1
Прибалтика	20,2	22,4	19,5	23,6
Восточная Европа	42,3	46,5	52,4	56,2
Закавказье	32,3	37,4	38,1	37,5
Центральная Азия	62,1	66,4	72,4	84,5

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Растущий у всех групп постсоветских стран индекс комплементарности экономики с Китайской Народной Республикой говорит о большом потенциале развития отношений. Наибольшей взаимодополняемостью экономик с Китаем характеризуются страны Центральной Азии и Россия.

Однако, как показывает дополнительный анализ структуры товарооборота (рис. 2.5), усиление взаимодополнимости экономик постсоветских государств во многом определяется закреплением за ними статуса сырьевого придатка.

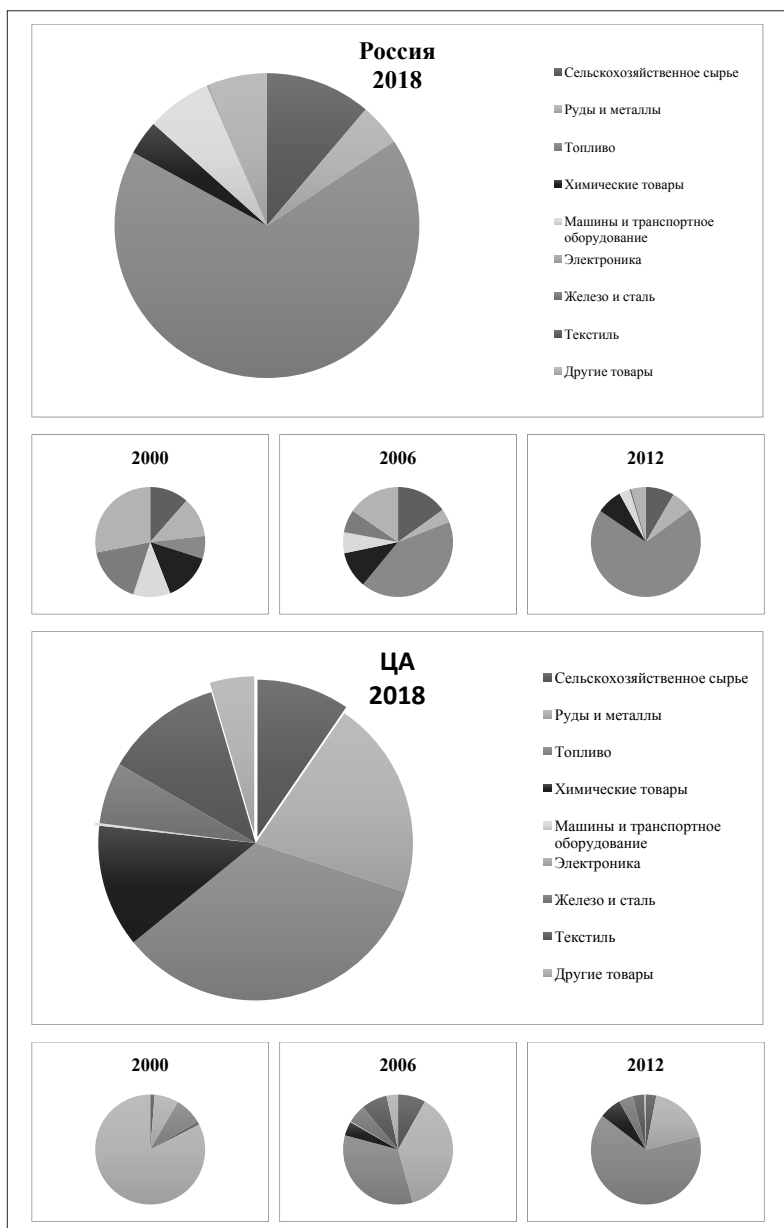

Рис. 2.5. Структура экспорта России и стран ЦА в Китай, 2000–2018 гг.

Источник: данные UNCTADstat. – URL: <http://www.unctadstat.unctad.org>

Рисунок 2.5 свидетельствует о том, что экспорт России и стран ЦА в Китай в 2000 году был достаточно разнообразным, однако на протяжении всего временного периода наблюдается постоянный рост доли минерального топлива и нефтепродуктов в структуре экспорта в Китайскую Народную Республику. Сейчас эта товарная группа составляет свыше половины всех торговых поставок.

Близкий характер взаимодополняемости экономик стран постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой предопределяет особую остроту конкуренции между бывшими советскими республиками за китайский рынок. Об этом свидетельствует индекс торговой конкуренции, рассчитанный для каждой пары стран постсоветского пространства за 2018 год на основе структуры экспорта в Китай (по данным UN Comtrade data).

Индекс торговой конкуренции (формула 2) показывает сходство между структурой экспорта стран (или групп стран) в страну-партнера и принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения свидетельствуют о схожей структуре экспорта стран в страну-партнера и об их возможной конкуренции на рынке страны-партнера.

Формула 2. Индекс торговой конкуренции

$$\sum_i \min \left(\frac{\sum_w X_{isw}}{\sum_w X_{sw}}, \frac{\sum_w X_{idw}}{\sum_w X_{dw}} \right) \times 100,$$

где d – исследуемая страна;

s – другая исследуемая страна;

w – страна-партнер;

i – набор отраслей;

x – поток экспорта товаров;

X – общий экспорт.

Данные табл. 2.5 свидетельствуют, что структура экспорта в Китай наиболее схожа у стран, выделенных в одну

группу: Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония); Восточная Европа (Белоруссия, Украина, Молдавия); Закавказье (Азербайджан, Армения, Грузия); Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). Наиболее высокими значениями индекса торговой конкуренции за рынок Китая характеризуются страны Центральной Азии. Высокие значения индекса практически со всеми странами постсоветского пространства имеет Российская Федерация.

Таблица 2.5. Индекс торговой конкуренции стран постсоветского пространства на основе экспорта в Китай за 2018 год, %

	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Грузия	Казахстан	Киргизия	Латвия	Литва
Азербайджан	–	70	12	24	65	68	4	7
Армения	70	–	6	42	36	52	2	6
Белоруссия	12	6	–	7	12	10	16	14
Грузия	24	42	7	–	8	10	9	6
Казахстан	65	36	12	8	–	82	7	9
Киргизия	68	52	10	10	82	–	8	5
Латвия	4	2	16	9	7	8	–	89
Литва	7	6	14	6	9	5	89	–
Молдавия	3	11	13	3	5	7	16	14
Россия	56	63	21	32	85	72	14	18
Таджикистан	69	49	9	16	56	68	10	5
Туркменистан	78	52	6	18	72	74	8	4
Узбекистан	82	57	4	23	66	58	6	6
Украина	8	12	36	11	12	18	36	26
Эстония	4	3	12	4	5	6	65	44

	Молдавия	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Украина	Эстония
Азербайджан	3	56	69	78	82	8	4
Армения	11	63	49	52	57	12	3
Белоруссия	13	21	9	6	4	36	12
Грузия	3	32	16	18	23	11	4
Казахстан	5	85	56	72	66	12	5
Киргизия	7	72	68	74	58	18	6
Латвия	16	14	10	8	6	36	65
Литва	14	18	5	4	6	26	44
Молдавия	–	20	6	3	4	49	37
Россия	20	–	77	69	75	52	34
Таджикистан	6	77	–	80	92	23	6
Туркменистан	3	69	80	–	87	13	8
Узбекистан	4	75	92	87	–	9	5
Украина	49	52	23	13	9	–	34
Эстония	37	34	6	8	5	34	–

Источник: рассчитано по данным UN Comtrade – URL: <http://comtrade.un.org/>.

Реализация китайской стратегии освоения постсоветского пространства ведет к нарастанию соперничества между постсоветскими государствами за кредитные, инвестиционные ресурсы Китая и его финансовую помощь (табл. 2.6).

Таблица 2.6. Накопленные прямые инвестиции Китая в страны постсоветского пространства, млн долл.

Страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост 2018 к 2010 в %
РОССИЯ	2787,5	3763,6	4888,4	7581,6	8694,6	14019	12979	13871	14208	510
КАЗАХСТАН	1590,5	2858,4	6251,3	6956,6	7541,1	5095,4	5432,3	7561,4	7341,1	462
КИРГИЗИЯ	394,3	525,1	662,2	885,8	984,2	1070,6	1237,8	1299,5	1393,1	353
ТАДЖИКИСТАН	191,6	216,7	476,1	599,4	728,9	909,1	1167,1	1616,1	1944,8	1015
ТУРКМЕНИСТАН	658,5	276,5	287,8	253,2	447,6	133,1	249,1	342,7	311,9	47
УЗБЕКИСТАН	83,0	156,4	146,2	197,8	392,1	882,1	1057,7	946,1	3689,9	4446
СТРАНЫ ЦА*	2917,9	4033,2	7823,6	8892,9	10093	8090,2	9143,9	11765	14680	503
ЭСТОНИЯ	7,5	7,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,6	56,8	758
ЛАТВИЯ	0,54	0,54	0,54	0,54	0,54	0,94	0,94	1,02	11,7	2167
ЛИТВА	3,9	3,9	6,9	12,4	12,4	12,4	15,3	17,1	12,9	328
АРМЕНИЯ	1,3	1,3	1,3	7,5	7,5	7,5	7,5	29,9	49,6	3758
АЗЕРБАЙДЖАН	12,4	30,1	31,7	38,4	55,2	63,7	28,4	27,9	9,2	74
ГРУЗИЯ	130,2	109,3	178,1	330,7	545,6	533,7	550,2	568,2	639,7	491
БЕЛОРУССИЯ	23,7	29,1	77,5	115,9	257,5	475,9	497,9	548,4	503,8	2125
МОЛДАВИЯ	0,7	0,7	2,1	3,9	3,9	2,1	3,9	3,9	3,9	496
УКРАИНА	22,3	29,3	33,1	51,9	63,4	68,9	66,7	62,6	90,8	408

* ЦА – Центральная Азия.

Источник: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-by-country?page=13>.

Факт нарастания конкуренции в постсоветском регионе диктует необходимость проведения более эффективной политики координации совместных действий постсоветских государств, в том числе с использованием таких институтов, как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества.

Вообще интересы Российской Федерации и Китая на постсоветском пространстве во многом пересекаются, а по некоторым направлениям сотрудничества с бывшими советскими республиками Россия и КНР являются прямыми конкурентами. Анализ экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и стран постсоветского про-

странства показал, что за последние 10–15 лет ей удалось глубоко проникнуть в их хозяйственную деятельность. Постепенная стратегия экономической экспансии превратила Китай в ключевого экономического партнера, пошатнув при этом позиции России в данном регионе. Китай занял лидирующие позиции в торговых, инвестиционно-кредитных и внешнеэкономических связях постсоветских стран.

Нами рассчитан индекс доли внешней торговли постсоветских стран с Россией и Китайской Народной Республикой. Индекс доли внешней (формула 3) торговли с конкретным партнером показывает значимость торгового партнера в общей внешней торговле страны (или группы стран), принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения указывают на большую важность конкретного торгового партнера в общей внешней торговле страны (или группы стран). Увеличение данного показателя может свидетельствовать об усилении торговой интеграции между торговыми партнерами.

Формула 3. **Индекс доли внешней торговли**

$$\frac{\sum_{sd} X_{sd} + \sum_{ds} M_{ds}}{\sum_{sw} X_{sw} + \sum_{ws} M_{ws}} \times 100,$$

где **s** — исследуемая страна или группа стран;

d — торговый партнер;

w — все страны мира;

X — экспорт;

M — импорт.

Таблица 2.7. **Индекс доли внешней торговли постсоветских стран с Китаем и (Россией), %**

Регион	2000	2006	2012	2018
Прибалтика	1,2 (13,7)	2,9 (14,9)	2,2 (18,9)	3,1 (11,4)
Восточная Европа	1,9 (41,2)	3,1 (33,1)	5,2 (35,5)	7,0 (25,9)
Закавказье	0,9 (13,3)	2,4 (13,2)	5,3 (8,2)	8,6 (11,4)
Центральная Азия	5,1 (28,9)	9,6 (21,1)	20,8 (17,9)	28,3 (19,5)

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata, op.cit

Значения индекса (табл. 2.7) показывают, что доля России (традиционно основного торгового партнера) в структуре торговли постсоветских государств снижается при одновременном росте доли Китая. Особенно данная тенденция прослеживается у стран Центральной Азии, где на Китай к 2018 г. приходится практически треть внешней торговли. В остальных регионах постсоветского пространства доля России пока еще превосходит китайскую, но уже прослеживается тенденция к ее сокращению.

Поводом для беспокойства России в отношении постсоветского пространства является тот факт, что Китай активно вошел в экономику региона, не неся при этом никаких формальных обязательств. Это означает, что если по каким-то внутренним причинам Китай уйдет, то страны останутся с долгами по кредитам, выданным под китайские проекты. То же касается и безопасности. Китай сейчас активно настаивает на необходимости обеспечить безопасность коммерческих проектов в Центральной Азии, в том числе с помощью создания частных военных компаний, но многочисленные вопросы остаются открытыми. О какой безопасности идет речь? О безопасности китайских проектов или о комплексной безопасности и борьбе с наркотрафиком? Будет ли участвовать в этом Китай? Будет ли он брать на себя эту региональную ответственность?

Несмотря на заметное снижение доминирования Российской Федерации в исследуемом регионе за последние годы, нашей стране необходимо сохранить влияние на столь стратегически важно для нее направлении, как постсоветское пространство.

Риск для России, в связи с увеличением китайского влияния в регионе, существует и в развитии уже имеющейся интеграционной доктрины, в частности – в сфере функционирования и расширения ЕАЭС. Этот риск связан с позиционированием Китаем инициативы «Пояс и путь» как свободного открытого проекта, несущего блага всем участникам, в то время как ЕАЭС – классическая интеграционная группиров-

ка, имеющая формальные правила. Разная институционализация проектов вызывает ряд закономерных вопросов о возможностях и формах запланированного сопряжения проектов. Кроме того, Россия и Китай принципиально по-разному понимают перспективы экономической глобализации. КНР позиционирует инициативу «Пояс и путь» как инструмент не только развития глобализационных процессов, но и в первую очередь повышения своей экономической и политической безопасности. Россия же нацелена на регионализацию и, по большей части, на евразийский интеграционный проект, чтобы стать в Евразии центром экономической и политической силы. Следовательно, целеполагание двух рассматриваемых проектов кардинально отличаются друг от друга. Наиболее реалистичным вариантом состыковки является серия успешно реализованных совместных проектов, взаимовыгодных для стран-участниц. Среди них – построение цепочек добавленной стоимости в промышленности, предусматривающей договоренность о том, какая часть добавленной стоимости производится в ЕАЭС, а какая – в Китае, учитывая максимально выгодное территориальное расположение предприятий. Видится оправданным увеличение переноса китайских производств на территорию РФ и других участников ЕАЭС. Перспективны и совместные сельскохозяйственные проекты. Происходящие сегодня в Азии изменения (рост среднего класса, увеличение потребления качественных продуктов питания) говорят о необходимости наращивания торговли с Китаем в этой сфере. Другим перспективным направлением, на наш взгляд, является развитие транспорта. Еще одним важным пунктом развития сопряжения проектов можно назвать активизацию работы частных компаний из стран Евразийского союза и Китайской Народной Республики, т.к. в настоящий момент подавляющее большинство совместных проектов реализуются на межгосударственном уровне.

Конечно, углубленное сотрудничество с Китаем несет ряд рисков для постсоветских стран. Это и экономическая зависимость, закредитованность, превращение в транспорт-

ный коридор и сырьевую базу, возможное ухудшение экологии, связанное с переносом производств, потеря конкурентоспособности отечественных предприятий при создании зоны свободной торговли. Однако наличие рисков, возникающих в связи с реализацией Китаем интеграционной стратегии «Пояс и путь» на постсоветском пространстве, не отменяет общего вывода о целесообразности более тесной экономической кооперации постсоветских государств с Китайской Народной Республикой, которая может стать фактором устойчивого развития стран региона, содействовать решению ими злободневных экономических и социальных проблем, позволит укрепить систему безопасности на постсоветском пространстве.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СТОИМОСТИ В КНР И РФ¹⁷³

Одной из важнейших тенденций «новой глобализации» является развитие глобальных производственных систем или глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Современное производство в значительной мере опирается на международные кооперационные связи, основанные на ГЦС, в рамках которых промежуточная продукция в ходе движения от первого этапа производственного процесса до конечного потребителя может пересекать границы нескольких стран.

Ряд исследователей отмечает, что в настоящее время конкуренция между странами происходит не непосредственно в сфере торговли, а главным образом определяется степенью их участия в ГЦС¹⁷⁴. Об этом свидетельствуют последние тенденции в развитии международной торговли, темпы роста которой в последние годы замедлились, а торговые потоки в рамках так называемых сложных ГЦС, в которых товары пересекают таможенную границу как минимум дважды, за 2017 г. увеличились на 10%¹⁷⁵.

Понятия «глобальная цепочка поставок», «глобальная цепочка создания стоимости» и «глобальная производственная цепочка» стали активно использоваться с начала 2000-х гг. для характеристики разнообразных структур про-

173. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51- 93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

174. Baldwin R.E. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*, Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

175. Li X., Meng B., Wang Z. *Recent patterns of global production and GVC participation*, Global Value Chain Development Report, WTO, 2019.

мышленной организации, в том числе товарных цепочек, сетей, промышленных кластеров и др. В это время ряд исследователей выдвинули Инициативу по разработке концепта, структуры и инструментария анализа глобальных цепочек создания стоимости, что привело к появлению отдельного научного подхода в экономике¹⁷⁶. Исследования ГЦС послужили толчком к дальнейшему развитию теорий международной торговли¹⁷⁷.

Термин «*global value chain (глобальная цепочка создания стоимости)*» как форма международного производства был закреплен в официальном документе, разработанном Европейской экономической комиссией ООН¹⁷⁸. Под цепочкой создания стоимости понимается создающая добавленную стоимость деятельность, в процессе которой товар или услуга проходят все стадии: замысел, проектирование, производство, маркетинг, реализацию и обслуживание на пути к конечному потребителю¹⁷⁹. Стоимость товара или услуги возрастает на каждом отрезке цепочки, а сложность цепочки создания стоимости и коммерческих связей между участниками различных этапов этой деятельности зависит от страны и специфики продукта.

Основными инициаторами развития глобальной фрагментации производства стали многонациональные компании (МНК), которые сформировали широко разветвленную сеть филиалов и подрядчиков в разных странах мира. Развитию

-
176. The Global Value Chains Initiative, 2020 – URL: <https://globalvaluechains.org/> (дата обращения 04.06.2020).
 177. Koval, A., Trofimenko O. Theoretical concepts of trade policy development and analysis: Evolution and modern challenges in the context of the international trading system transformation. St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2020. vol. 36. no. 1. P. 27–48.
 178. Руководство по измерению глобального производства, Европейская экономическая комиссия ООН, 2016, – URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/Guide_to_Measuring_Global_Production_RU.pdf (дата обращения 04.06.2020).
 179. Chang Ph., Baybaqi A., Zhang Yuhua B. Concepts and Trends in Global Supply, Global Value and Global Production Chains. APEC Policy Support Unit, No.1, May 2012, – URL: http://publications.apec.org/-/media/APEC/Publications/2012/5/Concepts-and-Trends-in-Global-Supply-Global-Value-and-Global-Production-Chains/2012_psu_GSCs_GVCs_GPCs.pdf (дата обращения 04.06.2020).

ГЦС способствовали либерализация и институционализация мировой торговли и инвестиционной деятельности, развитие техники и технологий, а также расширение участия в международных процессах развивающихся стран, что сделало современное производство действительно глобальным¹⁸⁰. Таким образом, сформировалась новая архитектура глобального производства и международного разделения труда с соответствующей отраслевой, товарной и технологической специализацией государств.

Характерной особенностью развития современной системы мирохозяйственных связей является усиление роли развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в ГЦС, которые образуют свои собственные цепочки и оказывают влияние на международную торговлю промежуточными товарами¹⁸¹. Эти страны, главным образом Китай, стали стремительно изменять современную архитектуру производственных систем¹⁸². Так, в 1978 г. КНР по общему объему импорта и экспорта, который составлял 20,6 млрд долл., занимал 32-е место среди всех стран мира, и на его долю приходилось менее 1% от объема глобальной торговли. В 2010 г. общий объем товарооборота Китая насчитывал свыше 3 трлн долл., что в 143 раза превысило уровень 1978 г.¹⁸³ В 2019 г. на долю Китая приходилось 13,3 и 10,9% глобального экспорта и импорта соответственно, что делает его крупнейшим в мире экспортером и вторым по величине импортером товаров¹⁸⁴.

Усиление значения развивающихся стран в мировом хозяйстве произошло именно благодаря фрагментации про-

-
180. Мешкова Т.А., Моисеичев Е.Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России. Вестник Финансового университета. 2015. 1(85). С. 83–96.
181. Кондратьев В.Б., Попов В.В., Кедрова Г.В. Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей. Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №3. С. 68–79.
182. Baldwin R., Lopez-Gonzalez J. Supply-chain Trade: A Portrait of Global Patterns and Several Testable Hypotheses. *World Economy*. 2015. vol. 38, no. 11. P. 1682–1721.
183. Руководство... Оp.cit.
184. Рассчитано авторами по данным ITC Trade Map. – URL: trademap.org (дата обращения 04.06.2020).

изводственных процессов. С одной стороны, активное включение в глобальные производственные системы предоставило развивающимся странам доступ к новым рынкам, инвестициям, знаниям и технологиям. Это приводит к росту занятости при увеличении уровня реальной зарплаты¹⁸⁵. С другой стороны, МНК развитых стран, контролирующие ГЦС, захватывают, как правило, большую часть добавленной стоимости в производимом продукте, поскольку они владеют и контролируют активы, основанные на знаниях, которые создают ценность в ГЦС: бренды, патенты и пр., а также организационные и распределительные сети. Кроме того, высоки издержки встраивания в ГЦС¹⁸⁶, особенно на этапах создания более высокой добавленной стоимости. Так, Россия успешно вошла в глобальные производственные системы в качестве поставщика энергоресурсов¹⁸⁷, однако ее участие в создании товаров более высокой степени обработки в ГЦС ограничено. Последние годы также отмечается тенденция в укреплении взаимодействия России с КНР, в том числе посредством расширения ГЦС¹⁸⁸.

В связи с этим целью данной главы является выявление особенностей и перспектив современного участия КНР и РФ в ГЦС. Сравнительный анализ будет проводиться на основе изучения количественных и качественных характеристик вовлеченности стран в цепочки добавленной стоимости. Количественный анализ строится на основе вычисления основных показателей, которые характеризуют степень участия государств в ГЦС. Для данных расчетов будет использоваться международная база данных торговли добавленной стоимостью

-
185. Перская В.В. Формирование евразийских цепочек создания стоимости как фактор повышения конкурентоспособности национальных хозяйств государств ЕАЭС. Евразийский союз. 2015. №3. С. 25–37.
 186. Островская Е.Я., Мануйлов И.А. Возможности встраивания в глобальные цепочки стоимости посредством национальных кластеров. Экономическая политика. 2016. Т. 1. №5. С. 66–79.
 187. Варнавский В.Г. ЕС и Россия в глобальных цепочках создания стоимости. Современная Европа. 2019. №1. С. 92–103.
 188. Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости. Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №9. С. 71–80.

Inter-Country Input-Output (ICIO) и показатели добавленной стоимости ОЭСР. В этих информационных базах доступны соответствующие данные для анализа ГЦС до 2015–2016 гг. Наше исследование основывается на расчете показателей за 10 лет – с 2005 по 2015–2016 гг. Отдельно рассматривается специфика взаимодействия России и Китая в рамках ГЦС. В завершении исследования обозначаются проблемы и перспективы участия стран в глобальных цепочках.

2.3.1. Индекс участия Китая и России в ГЦС

Одним из показателей вовлеченности страны в ГЦС является «индекс участия в ГЦС» (Total GVC Participation), который рассчитывается как сумма двух показателей¹⁸⁹:

- нисходящее, или обратное, участие в ГЦС (Backward GVC Participation): доля стоимости импортных компонентов (иностранный добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции, в стоимости экспортной продукции данной страны;
- восходящее участие (Forward GVC Participation): доля стоимости национальных компонентов (национальной добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции других стран, в стоимости экспортной продукции данной страны.

Среднее значение этого индекса как для развитых, так и для развивающихся стран составляло в 2015 г. 41,4%. Значение индекса участия в ГЦС России было 41,3%, что соизмеримо с мировым значением, однако следует отметить, что у стран, в экспорте которых в значительных количествах присутствует продукция добывающих отраслей, показатель вовлеченности в глобальные цепочки, как правило, выше среднемирового значения. Значение индекса для Китая значительно меньше среднемирового и составило в 2015 г. 34,9% (рис. 2.6), снизив-

189. Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains, OECD, 2013, Available at: <https://voxeu.org/article/how-covid-19-transforming-world-economy> (дата обращения 04.06.2020).

шись с 2005 г. на 7 %, что говорит об уменьшении вовлеченности страны в ГЦС.

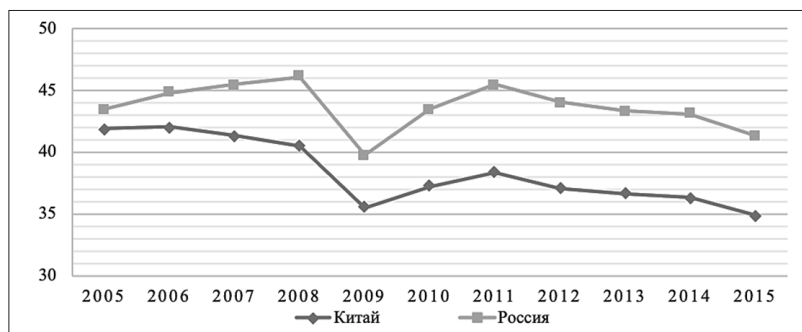

Рис. 2.6. Индекс участия в ГЦС, %

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics (n.d.) – URL:<https://stats.oecd.org/> (дата обращения 04.06.2020).

Изучая двухкомпонентную структуру данного индекса, следует отметить, что мировые показатели отличаются сбалансированностью восходящего и нисходящего участия в ГЦС примерно в равных пропорциях – по 20%. Значение показателей восходящего и нисходящего участия у Китая так же примерно равны и составляют 17,5 и 17,3% соответственно (рис. 2.7). В структуре российского индекса участия в ГЦС показатель восходящего участия в три раза превосходит показатель нисходящего участия – 30,5 и 10,8% соответственно (рис. 2.7). Такая ситуация характерна для многих, в том числе и развитых, стран, в экспорте которых присутствует значительная доля ресурсов.

Как видно на рис. 2.7., Китай развивал международную производственную кооперацию через стратегию *backward participation* (нисходящее участие или участие компонентами) – использование импортных промежуточных товаров для производства экспорта. Показатели нисходящего участия в цепочках добавленной стоимости Китая (17,3%) значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (25,3%), при этом следует отметить выраженную стратегию у Китая по снижению

участия в «нисходящих цепочках» — содержание иностранной добавленной стоимости в экспорте Китая сократилось на 9 процентных пунктов в период с 2005 по 2015 г. с 26,3 до 17,3 %. Эти тенденции могут быть объяснены целым рядом факторов: вовлечением в более сложные процессы, помимо простой сборки компонентов, формированием собственных цепочек и переносом отдельных производств в соседние страны, с более низкой стоимостью труда, ориентацией на интеллектуальный компонент добавленной стоимости, развитием решоринга в развитых странах и т.д. Рост участия Китая в восходящих цепочках незначительный — 2 процентных пункта за 10 лет.

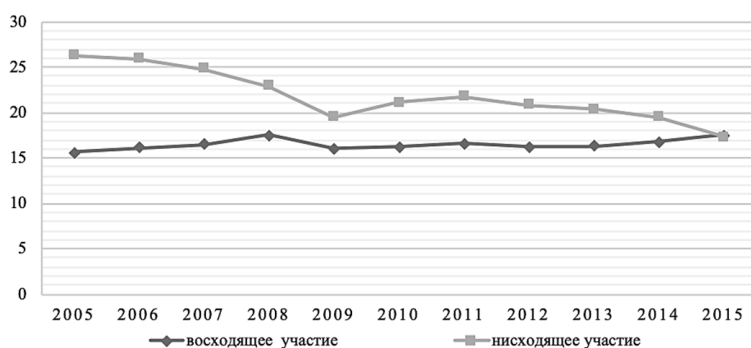

Рис. 2.7. Структура участия Китая в ГЦС: восходящее и нисходящее участие, % валового экспорта

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Россия выстраивала свое участие в ГЦС преимущественно через прямое участие (*forward participation*), то есть посредством экспорта отечественных промежуточных товаров для последующего использования в производстве в других странах (участие продукцией) (рис. 2.8). Показатели нисходящего участия в цепочках добавленной стоимости у РФ составляли в 2015 г. почти 10,8%, что почти в 2,5 раза ниже среднего показателя по ОЭСР (25,3%). Относительно невысокие показатели нисходящего участия России в глобальных

цепочках также обусловлены целым рядом факторов. Прежде всего это то, что исторически промышленная политика РФ в рамках доктрины глобальных цепочек стоимости была направлена на сосредоточение на своей территории максимального количества элементов данных цепочек, что усилилось в последние годы в связи с реализацией политики импортозамещения. При этом Россия не располагала достаточными возможностями и конкурентными преимуществами для того, чтобы выступить в роли концентраторов звеньев таких цепочек.

Следует отметить тенденцию снижения показателей нисходящего участия России в ГЦС (рис. 2.8). Разница между максимальным за 10 исследуемых лет значением показателя нисходящего участия – 36,1% (2007 г.) и показателем 2015 г. – 30,5% составляет 5,6 процентных пунктов. При этом периоды и направленность изменений совпадают с направлением изменений цен на нефть, что не позволяет в полной мере дать оценку характеру изменений. Существенных изменений в динамике показателей восходящего участия России в глобальном производстве с 2005 по 2015 г. не наблюдается.

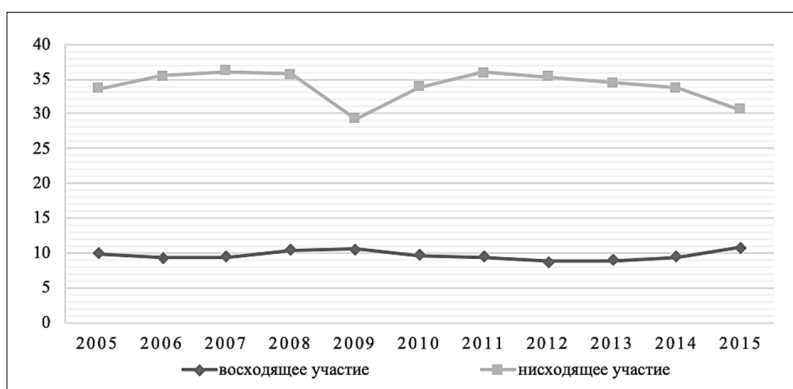

Рис. 2.8. Структура участия России в ГЦС: восходящее и нисходящее участие, % валового экспорта

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Анализ отраслевой структуры иностранной и национальной добавленной стоимости в валовом экспорте показывает, что в 2015 г. для Китая характерна следующая структура распределения создаваемой добавленной стоимости. Наибольшее содержание иностранной добавленной стоимости в китайском экспорте характерно для такой продукции, как кокс и нефтепродукты – 35% (соответствующая доля в валовом экспорте отрасли), ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) и электроника – 30,5%, электрооборудование – 18,8%. Следует отметить, что с 2005 по 2015 г. наблюдается снижение процентного содержания иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте отрасли почти по всем отраслям, кроме производства кокса и нефтепродуктов, добычи полезных ископаемых и агропромышленного комплекса.

Наибольшее снижение иностранной добавленной стоимости в экспорте отмечается в секторе ИКТ и электроники при одновременном росте национальной добавленной стоимости. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте отрасли ИКТ и электроники (крупнейшая экспортная отрасль Китая) снизилась с 43% в 2015 г. до примерно 30,5 % в 2015 г., что свидетельствует о переходе к внутренним источникам производства промежуточной продукции: импортозамещении, большем вовлечении национальных производств в ГЦС и их трансформации – переносе наиболее доходных звеньев цепочек в Китай, что возможно при условии контроля над цепочкой.

В России к отраслям с наибольшим содержанием иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте отрасли относится (в 2015 г.) производство автотранспортных средств (30,5%), резиновых и пластмассовых изделий (25,7%), текстиля и одежды (23,1%). Наибольшие объемы национальной добавленной стоимости в российском валовом экспорте были сосредоточены в секторе добычи полезных ископаемых – 28,7% валового экспорта, производстве кокса и нефтепродуктов (13,7%), металлов и химии.

2.3.2. Торговля промежуточными товарами и услугами в КНР и РФ

Методология анализа ГЦС предусматривает разделение стоимости экспорта и импорта на две составляющие: стоимость продукции конечного и промежуточного потребления. Конечный продукт используется в стране-импортере полностью, а промежуточная продукция после переработки может поступать в конечное потребление в этой же стране или вывозиться в третьи страны в качестве промежуточной или конечной продукции. Промежуточная продукция является важнейшим элементом построения ГЦС. Чем выше доля промежуточной продукции, идущей на экспорт или в импорте страны, тем выше возможности участия страны в глобальных цепочках.

В структуре экспорта России значительно выделяется доля промежуточных товаров (табл. 2.8). Несмотря на снижение данного показателя с 2005 по 2016 г. более чем на 7% при соответствующем росте экспорта готовой продукции, величина данного показателя значительно превышает показатели Китая и развитых стран мира. Вместе с тем, обе страны показывают относительно невысокую долю участия в ГЦС в сфере услуг, особенно невелика роль промежуточных услуг в импорте КНР.

Таблица 2.8. Китай и Россия в международной торговле промежуточными товарами и услугами в 2017 г.

Показатель	Китай		Россия	
	Млн долл.	% от экспорта/ импорта	Млн долл.	% от экспорта/ импорта
Экспорт промез. товаров	973,6	43,7	106,7	71,6
Импорт промез. товаров	1180,4	73,4	87,7	67,8
Экспорт промез. услуг	89,3	39,4	17,3	30,4
Импорт промез. услуг	62	13,4	28,2	42,5

Источник: WTO TiVA database – URL: www.wto.org (дата обращения 04.06.2020).

Динамика валового экспорта продукции из Китая за последние 10 лет демонстрирует стремительный рост, сохраняя

докризисные тенденции, на фоне тенденций стабилизации и даже падения у европейских стран и России. При этом экспорт промежуточной продукции, величина которого резко снизилась после кризиса 2008 г., вернулся к докризисному уровню только к 2015 г. (рис. 2.9).

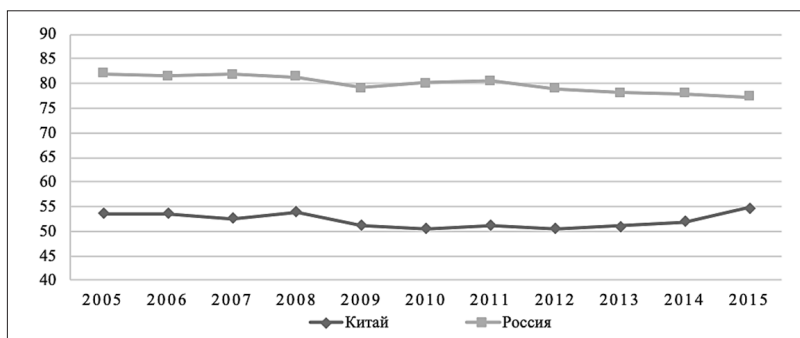

Рис. 2.9. Валовой экспорт промежуточной продукции в Китае и России, % валового экспорта товаров

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Тенденции снижения показателей промежуточной продукции и увеличения доли готовой продукции в экспорте России и Китая можно объяснить Концепцией развития ГЦС, в соответствии с которой размеры добавленной стоимости на разных участках цепочки существенно отличаются. Все большая фрагментация производства и торговли во многом связана с тем, что компании сосредотачиваются на своих ключевых функциях и конкурентных преимуществах. Двигаясь в направлении операций с более высокой добавленной стоимостью, предприятия стараются отказываться от непосредственного участия в выполнении неключевых функций, связанных с оказанием побочных услуг и массовым производством¹⁹⁰. Задачами компаний начинают выступать инициирование собственных цепочек с акцентом на инновации

190. WTO, IDE-JETRO (2011). Trade Patterns and Global Value Chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks, - URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/stat_tradepat_globvalchains_e.pdf (дата обращения 04.06.2020).

и стратегии развития продуктов, маркетинг и развитие сегментов промышленности и услуг с максимальной добавленной стоимостью.

2.3.3. Специфика вовлеченности КНР и РФ в ГЦС

Важным показателем, характеризующим специфику вовлеченности страны в ГЦС, является национальная (внутренняя) добавленная стоимость в экспорте. Показатель национальной добавленной стоимости в экспорте по сравнению с показателем валового экспорта имеет важное достоинство: он дает четкое представление о том, где реально производится экспорт — как по секторам, так и по странам. В странах, участвующих в глобальных стоимостных цепочках (например, в Китае), различия между валовыми и чистыми показателями могут быть довольно значимыми.

Очевидным примером таких различий является статистика, касающаяся производства iPhone. Если брать экспорт в обычном понимании, то в 2009 г. Китай экспортировал в США товаров типа iPhone примерно на 2 млрд долл. Однако эта огромная сумма представляет собой по большей части стоимость, созданную за пределами Китая. Вычитая отсюда стоимость товаров и услуг, которые Китай импортировал для производства своих iPhone, мы видим, что китайский экспорт добавленной стоимости, представленной в этом товаре, составляет лишь 0,2 млрд долл. В данном случае экспорт в объеме 2 млрд долл. — это валовой экспорт; 0,2 млрд долл. — экспорт добавленной стоимости¹⁹¹.

Значение показателя национальной добавленной стоимости в экспорте России достаточно высоко и сопоставимо с величиной развитых стран мира (рис. 2.10). Это отчасти можно объяснить тем, что наша страна мало задействована в длинных цепочках, когда импортируемая промежуточная

191. Xing Y. How the iPhone Widens the US Trade Deficit with China, VOX CEPR Policy Portal, April 10, 2011, — URL: <https://voxeu.org/article/how-iphone-widens-us-trade-deficit-china> (дата обращения 04.06.2020).

продукция в дальнейшем экспортируется в третьи страны для промежуточного или конечного потребления. Длинные цепочки характерны для технологически более сложной продукции.

Значение данного показателя для Китая несколько ниже, чем в России и ЕС, однако следует отметить стремительный рост величины национальной добавленной стоимости в экспорте, особенно в период 2006–2009 гг., и также 2013–2016 гг. (рис. 2.10). Рост данного показателя связан с изменением позиционирования Китая в ГЦС, что уже отмечалось ранее. На графике отчетливо видно существенное падение величины национальной добавленной стоимости в экспорте Китая после кризиса 2008 г. Фактически, докризисная величина показателя национальной добавленной стоимости в экспорте после значительного снижения была достигнута только спустя почти 5 лет.

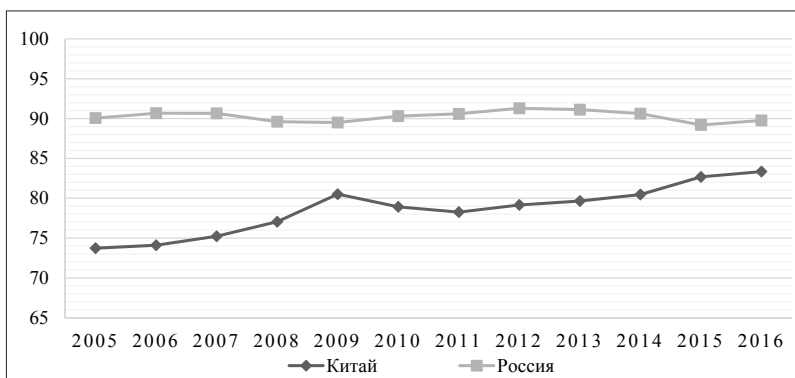

Рис. 2.10. Доля национальной добавленной стоимости в экспорте Китая и России, % от экспорта

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Изменение структуры валового экспорта Китая, в которой наблюдается рост доли национальной добавленной стоимости и соответственное снижение доли иностранной добавленной стоимости, то есть стоимости импортируемой промежуточной продукции, которая в дальнейшем должна быть экспортирована в третьи страны, говорит о том, что Ки-

тай активно замещает импортируемые ранее промежуточные продукты на компоненты собственного производства, импортные технологии – на собственные. Высокое значение доли национальной добавленной стоимости в экспорте у РФ и стремительный рост данного показателя у Китая указывают на снижение в обеих странах интеграции в ГЦС и усиление внимания к внутреннему рынку (Коваль, Навроцкая, 2020)¹⁹².

Для России и Китая характерны более низкие, чем в развитых странах, показатели общих объемов импорта промежуточных товаров, впоследствии включенных в экспорт. Из общего объема импорта промежуточных товаров и услуг в РФ в 2015 году 27% были впоследствии включены в экспорт, в Китае – 30,3%, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (45,5%). Более того, следует отметить снижение данных показателей в обеих странах с 2005 г.: у России существенное – с 31,1 до 27,7%, у Китая более значительное – с 41,8 до 30,3%.

Важным показателем, характеризующим особенности участия страны в ГЦС, является доля национальной добавленной стоимости в конечном потреблении за рубежом. Уровень данного показателя и у России, и у Китая в 2005 г. был значительно выше, чем в развитых странах (рис. 2.11), но за последние 10 лет можно наблюдать его снижение в обеих стран. В целом 25,3% национальной добавленной стоимости Российской Федерации в 2015 г. было потреблено за рубежом, что несколько ниже показателя 2005 г. (28,6%). Но наиболее существенное снижение данного показателя наблюдается в Китае. Доля национальной добавленной стоимости в конечном иностранном спросе упала с 23,5% в 2005 г. до 16,7% в 2015 г., в то же время доля промежуточных импортных ресурсов, впоследствии включенных в экспорт, также снизилась с 41,8

192. Коваль А.Г., Навроцкая Н.А. Россия и Китай в глобальных цепочках стоимости: эмпирический анализ. Международный экономический симпозиум – 2020: Материалы международных научных конференций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2020.

до 30,3%, что предполагает переход от производства товаров для удовлетворения конечного внешнего спроса к обеспечению внутреннего потребления.

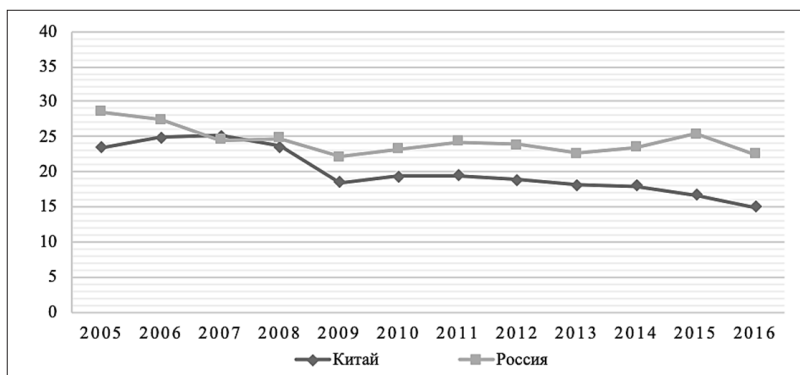

Рис. 2.11. Доля национальной добавленной стоимости в конечном потреблении за рубежом для Китая и России, %

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Наиболее интересным направлением развития цепочек добавленной стоимости является сектор услуг, поскольку в терминах добавленной стоимости их экспорт намного более выгоден, чем экспорт товаров. По оценке ВТО, в глобальном экспорте добавленной стоимости на экспорт добавленной стоимости услуг приходится около 50%, тогда как в валовом экспорте товаров и услуг на услуги приходится немногим более 20%¹⁹³. Это связано прежде всего с исходной существенно большей долей добавленной стоимости в валовом выпуске секторов услуг, а также с растущим потреблением услуг, особенно связанных с промышленным производством.

Экспорт добавленной стоимости в секторе услуг в РФ и КНР продолжает отставать от уровня развитых стран. На их долю в 2015 г. приходилось 41,5% от общего объема экспорта добавленной стоимости России, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (54%). Доля иностранных услуг в

193. Спартак А.Н. Стратегические аспекты российского экспорта услуг // Российский внешне-экономический вестник. 2018. №12. С. 7–30.

экспорте добавленной стоимости России составила 5,1%. Содержание услуг в общем объеме экспорта добавленной стоимости Китая увеличилось с примерно 29% в 2005 году до 35% в 2015 году, что меньше показателя РФ и значительно ниже показателя развитых стран. Иностранная добавленная стоимость составила почти 6% от объемов валового экспорта услуг. Таким образом, и Россия, и Китай пока слабо интегрированы в ГЦС в сфере услуг.

2.3.4. Особенности российского участия в ГЦС Китая

Географическая структура ГЦС с участием КНР и РФ различается (табл. 2.9). Основными партнерами по ГЦС для Китая являются США, Япония и Южная Корея. Южнокорейские компании активно участвуют как в восходящих, так и нисходящих ГЦС Китая. Примечательно, что в forward-ГЦС КНР велика доля Мексики, однако, по сути, это поставки китайской продукции в США через мексиканские компании. Россия, в свою очередь, ориентируется на ЕС в развитии ГЦС. Примечательно, что особенно в последние годы Россия все больше ориентируется на взаимодействие и построение ГЦС с КНР¹⁹⁴, в особенности в направлении backward.

Таблица 2.9. Основные партнеры КНР и РФ в forward и backward-ГЦС в 2015 г.

Китай				Россия			
Доля в национальной добавленной стоимости в экспорте в третьи страны (forward), %		Доля в зарубежной добавленной стоимости в экспорте (backward), %		Доля в национальной добавленной стоимости в экспорте в третьи страны (forward), %		Доля в зарубежной добавленной стоимости в экспорте (backward), %	
Ю. Корея	11,0	Ю. Корея	11,4	Германия	9,9	Китай	13,9
США	9,2	США	11,2	Китай	8,7	США	9,3
Мексика	7,7	Япония	9,3	Италия	7,4	Германия	8,9

Источник: WTO TiVA database, Op.cit.

194. Koval A.G., Popova L.V., Sutyurin S.F. Transformation of the Russian Trade Policy: Pivot to Asia, Focus on China. Research on the Economic Development of Russia in 2017, Beijing, 2018, pp. 45-72 (in Chinese).

Экспорт промежуточных товаров из России в Китай стремительно увеличивается, превышая темпы роста как российского экспорта, так и китайского импорта соответствующей продукции в целом. Это наглядно демонстрирует усиление российско-китайского торгового сотрудничества не только вширь, исходя из роста товарооборота, но и вглубь, усиливая степень кооперации государств.

На рис. 2.12 и 2.13 представлены валовой экспорт, экспорт готовой и промежуточной продукции по стране-источнику добавленной стоимости и стране-конечному месту назначения. Следует отметить, что валовой экспорт по источнику добавленной стоимости из Китая в РФ вырос с 2005 по 2015 гг. почти в 5 раз, а из РФ за этот период почти в 3 раза. На протяжении данного периода страны сохраняли структуру валового экспорта в разрезе соотношения промежуточной и конечной продукции почти на неизменном уровне.

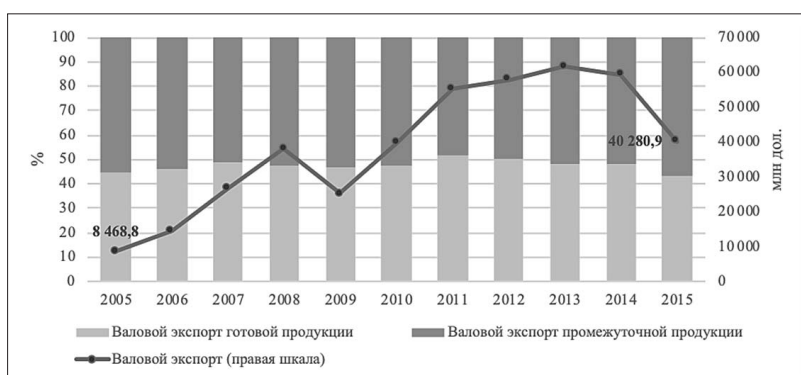

Рис. 2.12. Валовой экспорт, экспорт готовой и промежуточной продукции по источнику происхождения добавленной стоимости: из Китая в Россию

Источник: составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

В валовом экспорте по источнику добавленной стоимости из Китая в РФ доли промежуточных и конечных товаров примерно равны. Валовой экспорт из России в Китай представлен в большей мере промежуточной продукцией, доля которой составляет около 85-90%. Доля готовой продукции

составляет около 10–15%. Учитывая показатели роста валового экспорта и сохранение на протяжении исследуемого периода структуры экспорта на постоянных значениях, можно сказать, что объемы экспорта конечных и промежуточных товаров из Китая в РФ выросли до 5 раз, а из РФ в Китай до 3 раз.

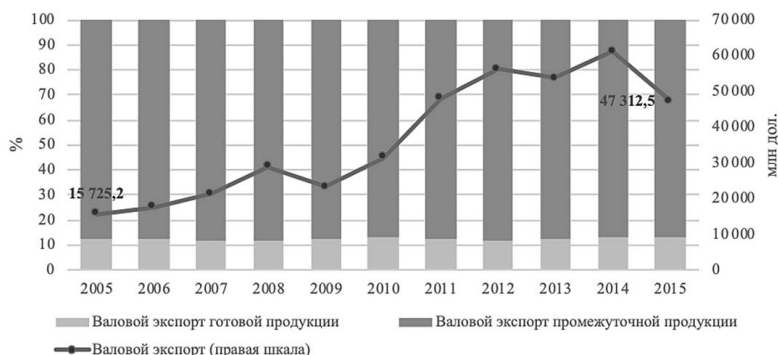

Рис. 2.13. Валовой экспорт, экспорт готовой и промежуточной продукции по источнику происхождения добавленной стоимости: из России в Китай

Источник: Составлено авторами на основе данных OECD Statistics, Op.cit.

Россия, таким образом, сохраняет и закрепляет свою специализацию в восходящем участии ГЦС и поставке товаров с невысокой добавленной стоимостью, ориентируясь во взаимоотношениях с Китаем на поставки промежуточных товаров. Стратегия импортозамещения и попытка образования региональных цепочек стоимости не позволяет пока России изменить данную специализацию. Более того, данная специализация закрепляется по мере усиления участия РФ в ГЦС с КНР. Вместе с тем, рост товарооборота, в котором растут объемы торговли промежуточными товарами, свидетельствует об успешном развитии совместных производственных сетей.

2.3.5. Перспективы участия РФ и КНР в ГЦС: современные вызовы

Развитие собственных цепочек, активное замещение зарубежных компонентов и технологий позволили Китаю достичь гибкости и стабильности в развитии ГЦС, осуществить постепенный переход по кривой ГЦС к тем этапам создания стоимости, которые позволяют создавать и контролировать цепочки и, соответственно, получать большую долю добавленной стоимости. Китай, таким образом, превратился в глобальный центр формирования ГЦС, иными словами – глобальный хаб. Россия, в свою очередь, предпринимает шаги по расширению своего участия в ГЦС и построению собственных цепочек, тем не менее, ей не удастся выступать хабом для ГЦС, поскольку она находится на первоначальных этапах создания добавленной стоимости.

В данных условиях представляет особый интерес дальнейшее развитие ГЦС в РФ и КНР с учетом влияния пандемии COVID-19. Она повлияла на существенное снижение темпов международной торговли и инвестирования. Так, по оценке ВТО, спад мировой торговли в 2020 г. ожидается в диапазоне от 13 до 32%¹⁹⁵, а, согласно оценке ЮНКТАД, в 2020–2021 гг. ожидается снижение ПИИ на 30-40%¹⁹⁶. В первую очередь многие связывают такое падение со снижением деятельности МНК в Китае. Скорее всего это приведет к еще большему смещению направленности ГЦС Китая, а также и России на внутренний рынок и уходу от зависимости национального производства от зарубежных компонентов вместе с ограничением экспортных поставок с целью насыщения спроса на внутреннем рынке.

195. Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy, WTO Press release, April 8, 2020, – URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения 04.06.2020).

196. Impact of the Covid-19 Pandemic on Global FDI and GVCs. UNCTAD Global Investment Trends Monitor, Special Issue, March 2020, No. 35. – URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf> (дата обращения 04.06.2020).

Стоит отметить, что участие в ГЦС повышает уязвимость стран от внешних шоков. Анализ последствий мирового финансового-экономического кризиса 2008–2009 гг. показал, что падение объемов международных торговых операций, связанных с ГЦС, было более глубоким, а восстановление более долгим, чем снижение объемов обычного экспорта¹⁹⁷. Это связано с тем, что в глобальных производственных системах наблюдается взаимосвязь и взаимозависимость не между двумя, а гораздо большим количеством стран. Поэтому кризисные явления в производственной и финансовой сфере, падение внутреннего спроса у любой страны—участницы цепочки неизбежно влияет на остальных участников цепи. При этом, как было отмечено выше, технологически более сложные продукты имеют, как правило, более длинные цепочки, чем простые продукты.

Исходя из этого, КНР испытывает значительные трудности в перестройке своих ГЦС, поскольку более глубоко вовлечена в производственные системы, что приведет и уже приводит к существенному снижению китайского экспорта¹⁹⁸. Россия, в связи с тем, что для нее характерно участие в более коротких цепочках, скорее всего не будет испытывать настолько драматический спад в экспортных поставках, однако здесь необходимо учитывать и другой весьма существенный факт. Россия активно участвует в ГЦС в энергетической сфере. Именно сырьевой сектор в большей степени подвержен влиянию кризисных явлений, поскольку снижается мировое производство, что приводит к уменьшению спроса на ресурсы, а также к падению цен на них. Таким образом, связи внутри ГЦС не испытывают сильных изменений, однако объемы поставок и их стоимость существенно сокращаются, что приводит к снижению доходов компаний в данных цепочках.

197. См., например, Варнавский, *Op.cit.*

198. *Seric A., Görg H., Mösle S., Windisch M.* Managing COVID-19: How the pandemic disrupts global value chains. UNIDO Industrial Analytics Platform, April 2020, – URL: <https://iap.unido.org/articles/managing-covid-19-how-pandemic-disrupts-global-value-chains> (дата обращения 04.06.2020).

Ряд экспертов уверяют, что чем сложнее ГЦС, тем драматичнее будут последствия от пандемии, однако другие настаивают на том, что нет прямой зависимости между уровнем фрагментации производства и степенью негативного экономического эффекта от COVID-19¹⁹⁹. В целом, многое будет зависеть от скорости адаптации ГЦС к новым реалиям, усиления роли высокотехнологичного производства и сферы услуг, а также применения цифровых технологий. Многие утверждают, что структура и направленность ГЦС поменяются и выиграют те компании, которые смогут в полной мере использовать роботизацию, искусственный интеллект и другие новации²⁰⁰. Таким образом, выиграют те страны, которые будут поддерживать инновационное развитие. Здесь Китай уже к этому моменту добился существенных успехов, и России необходимо усилить темпы по наращиванию своего технологического потенциала.

2.3.6. Заключение

В целом следует отметить, что как Россия, так и Китай в отличие от большинства других стран не осуществляют широкомасштабную экспансию в ГЦС. Стратегия включения в глобальное производство обеих стран скорее носит избирательный характер, с акцентом на отдельные узкие направления. Анализ вовлеченности России и Китая в ГЦС позволяет сделать ряд выводов:

1. Уровень вовлеченности Китая и России (с учетом значительной доли продукции добывающих отраслей в экспорте) в мировое производство ниже, чем у развитых стран мира.

-
199. *Miroudot S.* Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. In: Baldwin R. E., Evenett S.J. (eds.) COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work, CEPR Press, P. 117-130, – URL: https://www.svensktnaringsliv.se/bilder_och_dokument/covid-19-and-trade-policy-28-aprilpdf_774324.html/BINARY/Covid-19%20and%20trade%20policy%2028%20april.pdf#page=122 (дата обращения 04.06.2020).
200. *Kilic K., Marin D.* How COVID-19 is transforming the world economy. VOX CEPR Policy Portal, 10 May 2020, – URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf> (дата обращения 04.06.2020).

Снижение данного показателя у РФ совпадает с глобальными тенденциями снижения уровня участия стран мира в ГЦС, что связано с нарастанием протекционизма после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Уровень снижения участия в глобальном производстве Китая происходит более стремительно, что отражает возрастающую тенденцию увеличения локализации производства и переориентации цепочек поставок на внутренний рынок. Снижение участия Китая в глобальном производстве началось с начала 2000-х и усилилось после 2008–2009 гг.

2. Россия выстраивала свое участие в ГЦС преимущественно через экспорт отечественных промежуточных товаров для последующего использования в производстве в других странах («участие продукцией»). Китай развивал международную производственную кооперацию через стратегию «участия компонентами» – использование импортных промежуточных товаров для экспортного производства. Однако в последние годы можно отметить ярко выраженную тенденцию снижения участия в нисходящих цепочках и уменьшение доли импортируемых промежуточных ресурсов, впоследствии включенных в экспорт.

3. И Россия, и Китай заняли свои устойчивые места в мировом производстве, Россия на рынке продукции добывающих отраслей, Китай – на рынках ИКТ и электроники. Обе страны активно выстраивают восходящие цепочки стоимости, которые позволяют инициировать и контролировать производственные процессы и, соответственно, получать максимальную прибыль.

4. Участие в ГЦС в секторе услуг у обеих стран существенно отстает от уровня развитых стран мира, что является закономерным, поскольку данные цепочки формируются в последнюю очередь. При этом можно отметить, что цепочки стоимости в секторах услуг, связанных с производством, стали развиваться опережающими темпами. Данный сектор обладает большим потенциалом для развития глобального производства в ближайшей перспективе.

5. Кризис 2008 г. существенно повлиял как на дальнейшее развитие всего глобального производства, так и на особенности встраивания в него РФ и Китая. Существенное снижение участия Китая в ГЦС в период до и после кризиса связано со сложностью и длиной цепочек, у России — со снижением спроса на продукцию добывающих отраслей. Пандемия 2020 г. снова вызвала существенные нарушения нормальной работы глобальных цепочек поставок, последствия которых еще предстоит изучить. По аналогии с кризисом 2008 г., который привел к существенным трансформациям ГЦС, можно предположить о новом этапе в их изменении, который только начинается. Вместе с тем, однозначным будет тот факт, что при планировании размещения производства, международной кооперации и аутсорсинга предприятия будут учитывать не только факторы стоимости производства в других странах и логистики, но и параметры дополнительных рисков, частота наступления которых в последние годы возрастает.

Глава 2.4

БЕЛОРУССИЯ И КИТАЙ: УГЛУБЛЕНИЕ ПАРТНЕРСТВА ПРИ КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ

Для Белоруссии – страны с открытой экономикой, где объем внешней торговли товарами в 2018 г. составлял около 121% ВВП, экономические отношения с зарубежными странами имеют первостепенное значение. Как отмечается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.: «Продвижение Республики Беларусь по пути устойчивого развития в решающей степени зависит от качественного расширения ее связей с внешним миром. Это обусловлено ориентацией важнейших отраслей производства и сферы услуг на внешний рынок и существенной зависимостью белорусского сырьевого рынка от импорта»²⁰¹.

В настоящее время Белоруссия поддерживает торгово-экономические отношения более чем с 200 странами; при этом характерной чертой внешнеэкономических связей республики является концентрация на странах–участницах двух интеграционных группировок: Евразийского экономического союза (ЕАЭС), прежде всего России, и Евросоюза. В 2018 г. на страны ЕАЭС и страны ЕС приходилось соответственно 50,7 и 24,0% общего объема внешнеторгового оборота РБ, 41,1 и 30,0% – экспорта, 59,2 и 18,6% – импорта²⁰². На страны ЕАЭС и Евросоюза приходится и подавляющая часть иностранных инвестиций в белорусскую экономику, причем около половины их общего объема составляют

201. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Минск: Юнипак, 2004. С. 157.

202. Рассчитано по: Республика Беларусь. 2018. Статистический ежегодник. Минск, 2018. С. 304.

российские инвестиции. Это обуславливает чрезмерную, по мнению руководства РБ, зависимость внешней торговли страны и ее экономики в целом от достаточно неустойчивого в последние годы экономического положения основных партнеров. В этой связи поставлена задача диверсификации внешнеэкономических связей (особенно экспорта), которая, как ожидается, позволит сбалансировать внешнюю торговлю РБ, освоить новые рынки сбыта и закрепиться на них, сократить зависимость экономического роста в Белоруссии от состояния экономики основных партнеров. Предполагается, что уже в 2020 г. должно быть достигнуто равное распределение экспортных поставок между рынками ЕАЭС, ЕС и иных стран (по 1/3 общего объема экспорта на каждый из этих рынков). При этом особое значение придается развитию сотрудничества с Китайской Народной Республикой, имеющей огромный экономический потенциал, емкий рынок и значительные инвестиционные возможности.

Важно при этом отметить, что Китай в последние годы выдвинулся в число главных партнеров Белоруссии не только в экономической, но и в политической сфере. В выступлении перед студентами Пекинского университета 30 сентября 2016 г. Президент РБ А. Лукашенко отметил: «Во внешней политике Беларуси одним из важнейших, приоритетных направлений становится сотрудничество с великим Китаем»²⁰³, — ранее, в 2006 г., А. Лукашенко в ежегодном послании к парламенту и народу Белоруссии заявил, что Китай становится главным приоритетом внешней политики страны. Хотя это утверждение не вполне соответствует реальности — главными приоритетами РБ по-прежнему являются Россия и Евросоюз, — оно отражает стремление белорусского руководства активизировать отношения с Китаем, рассматриваемым в качестве стратегического партнера республики.

203. Выступление Президента перед студентами Пекинского университета //Советская Белоруссия. 2016, 1 октября.

2.4.1. Значение взаимного сотрудничества для Белоруссии и Китая

Активизация экономического взаимодействия РБ с КНР, как неоднократно отмечали официальные лица и эксперты, соответствует национальным интересам обеих стран и имеет для них существенное значение.

Важнейшее место среди факторов, обуславливающих значимость экономических отношений с Китаем для Белоруссии, занимает, на наш взгляд, возможность проникновения белорусской продукции на емкий китайский рынок и ее закрепления на этом рынке в условиях обострения международной конкуренции. Как отмечает ряд экспертов и показывает практика сотрудничества, продукция белорусских предприятий химической промышленности, сельскохозяйственного машиностроения и некоторых других отраслей вполне конкурентоспособна на китайском рынке по цене и качеству. Вместе с тем импортные потребности Белоруссии в ряде товаров удовлетворяются в значительной мере за счет ввоза из КНР (так, в 2018 г. на долю Китая приходилось 56,9% ввезенных в РБ вычислительных машин для автоматической обработки информации и 19,8% приемной аппаратуры для телевизионной связи)²⁰⁴. Импорт продукции китайской электроники вносит важный вклад в насыщение потребительского рынка на этом сегменте.

Белоруссия весьма заинтересована также в инвестиционном сотрудничестве с КНР. В быстро растущей китайской экономике есть значительные свободные капиталы, которые, по расчетам руководства РБ, могут быть инвестированы в белорусские предприятия. Инвестиционное сотрудничество с КНР позволит, как рассчитывают в Минске, существенно повысить конкурентоспособность продукции предприятий республики, в том числе экспортной.

204. Рассчитано по: Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2018. Статистический сборник. М., 2019. С. 153.

Значительный интерес для Белоруссии, стремящейся максимально использовать свое выгодное экономико-географическое положение в центре Европы на пути между динамично развивающимися центрами деловой активности — Евросоюзом и Китаем — и обладающей развитой транспортной инфраструктурой, представляет участие в китайском проекте Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и встраивание в него в качестве транспортно-логистического хаба. Не случайно в программных документах последних лет участию в этом проекте уделено большое внимание²⁰⁵. Белоруссия рассчитывает также использовать транспортно-логистическую структуру ЭПШП для совместного с Китаем продвижения товаров на рынки третьих стран.

О значении, которое белорусское руководство придает сотрудничеству с Китаем, красноречиво говорит изданная Президентом РБ 31 августа 2015 г. Директива №5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой». Это единственный документ такого рода, касающийся отношений РБ с отдельной страной (даже об отношениях с Россией — главным экономическим партнером и стратегическим союзником — подобной директивы пока нет). В директиве, в частности, обозначены принципы, на которых осуществляется сотрудничество с КНР, определены его основные направления и предусмотрены соответствующие мероприятия по каждому направлению сотрудничества с указанием сроков реализации²⁰⁶.

В середине 1990-х годов, когда сотрудничество двух стран начало динамично развиваться, в печати высказывалось мнение о расчете администрации Лукашенко на то, что Китай «как огромный бульдозер зацепит белорусскую экономику и

205. Так, в Концепции развития логистической системы РБ на период до 2030 г. ЭПШП рассматривается в качестве основного донора грузов для транзита через белорусскую территорию.

206. Предусматривается, в частности, сформировать перечень предприятий для вхождения в совместные с китайской стороной проекты, сформировать механизмы привлечения китайских инвестиций в отрасли экономики РБ, представляющие взаимный интерес, обеспечивать ежегодно в период до 2020 г. привлечение каждой белорусской областью не менее 100 млн долл. прямых китайских инвестиций.

поташит за собой». Последующие годы, характеризующиеся серьезным прогрессом в развитии сотрудничества, дали сторонникам такого мнения новые аргументы.

В свою очередь, Китай также заинтересован в развитии экономического взаимодействия с Беларуссией. При этом особое значение для КНР имеет использование транзитного потенциала РБ. «Для китайской стороны, — отмечает ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сюй Вэнхун, — важно, что Беларусь стала транзитным узлом для экспорта китайских товаров в Европу»²⁰⁷. Заявленная А. Лукашенко готовность Беларуссии стать площадкой для выхода китайской экономики на рынки Евросоюза усиливает заинтересованность КНР в сотрудничестве с РБ.

Инвестиции в белорусскую экономику способствуют росту экспорта китайских инвестиционных товаров, прежде всего машин и оборудования; благодаря инвестиционному сотрудничеству с РБ Китай получает в центре Европы стратегически важную площадку для демонстрации и продвижения на европейский рынок, а также на рынок России и других стран ЕАЭС своих производств, оборудования, технологий.

Китай, перед которым, несмотря на достигнутые в последние годы успехи, по-прежнему стоит продовольственная проблема, нуждается во ввозе белорусских калийных удобрений²⁰⁸. В последнее время КНР проявляет также значитель-

207. Сюй Вэнхун. Инициатива «Один пояс и один путь»: новый китайский вариант для выхода из трудного положения экономики / Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума. Минск, 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 51.

208. В 2016 г. из общего объема китайского импорта калийных удобрений, составившего 1765,5 млн долл., на долю ввоза из РБ приходилось 294,3 млн долл., или 16,7% (Рутко Д. Ф. Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики: современное состояние и перспективы развития / Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сборник научных статей. В четырех частях. Часть 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С. 107).

ный интерес к импорту белорусской сельскохозяйственной, прежде всего мясной и молочной, продукции.

Развитию сотрудничества Белоруссии с Китаем способствует определенное сходство экономической системы КНР с системой хозяйствования, существующей в РБ: в обеих странах осуществляется — причем достаточно успешно — плавный постепенный переход к рыночной экономике при активной регулирующей роли государства. При всех отличиях (и весьма существенных) белорусской экономической модели²⁰⁹ от китайской общность ряда их ключевых параметров является, как отмечают ряд экспертов, важным фактором взаимного сближения.

Благоприятный фон для развития взаимных экономических отношений создает расширение белорусско-китайского сотрудничества в политической сфере. Регулярный характер приобрел обмен визитами на высшем уровне, в ходе которых подписываются имеющие принципиальный характер документы по развитию взаимного сотрудничества. Так, итогом государственного визита в КНР Президента РБ А. Лукашенко в сентябре 2016 г. стало подписание Декларации об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, в которой стороны договорились, в частности, «развивать всепогодную дружбу, создавать сообщество общих интересов и сообщество единой судьбы...». Как отмечается в белорусской печати, такой статус взаимодействия Китай имеет, помимо Белоруссии, лишь с тремя государствами — Россией, Великобританией и Пакистаном. Между руководителями двух государств — А. Лукашенко и Си Цзиньпином — установились дружественные личные отношения²¹⁰,

209. Подробнее о белорусской экономической модели см. *Шурубович А.В.* Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // *Россия и современный мир.* 2017, №3, С. 116–132.

210. Как отмечал А. Лукашенко на встрече с журналистами ведущих китайских СМИ в мае 2017 г.: «У нас с Си Цзиньпином очень дружественные отношения. Он у нас бывал дома, наши отношения даже можно назвать семейными» (*Осипов М.* Четверть века дружбы. И это только начало! // *Советская Белоруссия.* Минск, 2017, 5 мая).

что немало способствует развитию отношений и на государственном уровне.

Таким образом, со стороны как Белоруссии, так и Китая налицо очевидная заинтересованность во взаимном сотрудничестве. Эта заинтересованность представляет собой активную основу для динамичного развития экономических отношений по различным направлениям.

2.4.2. Основные направления и тенденции экономических отношений РБ с КНР

Экономические отношения Белоруссии с Китаем развиваются по многим направлениям: внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, взаимодействие в финансовой, транспортно-логистической сферах и др. По всем этим направлениям в последние 20 лет обозначился заметный прогресс.

Главный индикатор развития сотрудничества – объем взаимной торговли – возрос с 183,6 млн долл. в 2000 г. до 4472,2 млн долл., в 2019 г., или в 24,4 раза (табл. 2.10). Доля Китая в общем объеме внешнеторгового оборота РБ за этот период возросла с 1,1 до 4,9%.

Таблица 2.10. Динамика взаимного товарооборота РБ с КНР в 2000–2019 гг., млн долл.

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Оборот	183,6	715,0	2159,9	3182,2	2602,2	3106,5	3640,1	4472,2
Экспорт	136,2	430,9	475,8	781,0	472,7	361,5	481,9	675,5
Импорт	47,4	284,1	1684,1	2401,2	2129,5	2745,0	3158,2	3796,7

Источник: Республика Беларусь. 2008. Статистический ежегодник. Минск, 2008. С. 570; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2011. Статистический сборник. М., 2012. С. 152; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2016. Статистический сборник. М., 2017. С. 138; Беларусь в цифрах. 2020. Статистический справочник. Минск, 2020. С. 61.

Как видно из данных табл. 2.10, в 2001–2015 гг. объем торговли Белоруссии с Китаем многократно увеличился, чему во многом способствовал быстрый экономический рост в обе-

их странах. В 2016 г. наблюдалось снижение товарооборота, обусловленное прежде всего спадом в белорусской экономике; в 2017 г. рост товарооборота возобновился.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на быстрый рост товарооборота с КНР и повышение его доли в общем объеме внешнеторгового оборота РБ, эта доля остается незначительной. Так, в 2019 г. на долю Китая приходилось лишь 6,2% общего объема внешнеторгового оборота, в т.ч. 2,1% экспорта и 9,7% импорта²¹¹, при том, что подавляющая часть экспортно-импортных операций, как уже отмечалось, приходилась на долю стран ЕАЭС (прежде всего России) и Евросоюза. В 2019 г. Китай занимал 3-е место во внешнеторговом обороте РБ (после России и Украины), 9-е место в экспорте и 2-е место в импорте (после России).

Для белорусско-китайской торговли в последние годы характерно значительное отрицательное сальдо РБ. Если еще в 2005 г. сальдо было положительным (+146,8 млн долл.), то в 2010 г. отрицательное сальдо РБ в торговле с КНР составило 1208,3 млн долл., а в 2019 г. — уже 2121,2 млн долл.

Такое положение во многом объясняется характером белорусского экспорта в Китай. В нем преобладают калийные удобрения (на их долю в 2017 г. приходилось 62,2% общего объема экспорта) и другие сырьевые товары: полиамиды, ленысырец, необработанная шерсть. Неудивительно, что белорусский экспорт в КНР явно не успевает за все более диверсифицированным импортом, состоящим как из товаров широкого потребления, так и во все большей степени из продукции машиностроения и других высокотехнологичных отраслей.

В последние годы, однако, наметилась тенденция к диверсификации белорусского экспорта в КНР. Растут, в частности, поставки продуктов питания, прежде всего молочной и мясной продукции. В 2018 г. поставки продуктов питания в Китай возросли в 4,4 раза по сравнению с предыдущим годом и составили 82,4 млн долл.²¹² Увеличиваются поставки про-

211. Рассчитано по: Беларусь в цифрах. 2020. Статистический справочник. Минск, 2020. С. 61.

212. Ходасевич А. Белорусское молоко потекло в Китай // Независимая газета. 2019, 21 апреля.

дукции деревообработки; некоторые предприятия РБ выступают в качестве поставщиков для компании ИКЕА в Китае.

В белорусском импорте из КНР основными товарными позициями в 2017 г. были аппаратура связи и части к ней (9,7% общего объема импорта), вычислительные машины для автоматической обработки информации (4,1%), части и принадлежности для автомобилей и тракторов (4,0%)²¹³; в значительных объемах поставлялись также железнодорожные локомотивы, электрические, металлоконструкции из черных металлов, части к принимающей и передающей аппаратуре и др. Сырьевые товары и продовольствие занимали в импорте из КНР незначительное место.

С середины 2000-х годов активно развивается инвестиционное сотрудничество двух стран. Только за 2011–2016 гг. в экономику РБ поступило китайских инвестиций на сумму 1292,2 млн долл., из которых 541,6 млн долл. (41,9%) – прямые инвестиции, 747,0 млн долл. (57,8%) – прочие инвестиции в виде кредитов и займов. За этот период доля китайских инвестиций в общем объеме иностранных инвестиций в Белоруссию выросла с 0,7 до 2,9%, доля китайских прямых инвестиций – с 0,3 до 1,43%²¹⁴.

В 2018 г. в экономику РБ поступило 339,9 млн долл. китайских инвестиций (3,1% общего объема), в том числе 186,9 млн долл. прямых инвестиций (2,2% общего объема). На конец 2018 г. на территории Белоруссии действовали 126 предприятий с китайскими инвестициями, из них 37 – совместные и 89 – со 100%-ным китайским капиталом²¹⁵.

Китайские инвестиции в РБ осуществляются преимущественно в форме предоставления кредитов на инвестиционные цели. Кредитно-инвестиционное сотрудничество двух

213. Рассчитано по: Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2018. С. 302, 303, 305.

214. Преснякова Е.С. Китайские инвестиции и их значение для развития экономики Республики Беларусь / Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научно-го форума. Минск, 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 168.

215. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2019. С. 413. 416.

стран, как отмечает белорусский исследователь Д.Ф. Рутко, «в основном можно рассматривать как проектное финансирование, то есть привлечение кредитных ресурсов китайских банков для финансирования крупных инвестиционных проектов... Эти инвестиционные проекты реализуются, как правило, путем проектирования, поставки, монтажа и строительства объектов китайской стороной. Китайская составляющая в проекте варьируется от 30% (иногда от 50%) и зависит от требований китайского банка и страховой компании. ...Часто условием привлечения китайского финансирования является поставка ключевого оборудования китайского производства...»²¹⁶. В настоящее время за счет кредитов китайских банков в РБ реализуются около 30 проектов в различных отраслях на общую сумму более 7 млрд долл.²¹⁷; некоторые проекты финансируются за счет кредитов правительства КНР. Общий размер кредитной линии, предоставленной Китаем под реализуемые в РБ проекты, достигает 15 млрд долл.

При кредитной поддержке китайских банков и правительства КНР реализован ряд важных для экономики РБ инвестиционных проектов, включая модернизацию Минской ТЭЦ-2, реконструкцию Минской ТЭЦ-5, строительство трех цементных заводов, строительство Витебской ГЭС, увеличение мощности Березовской и Лукомльской ГРЭС и др.

Белоруссия и Китай реализуют ряд совместных проектов с участием прямых инвестиций — прежде всего в промышленности. К ним относятся, в частности, производство бытовой техники на базе СП «Медиа-Горизонт» (г. Минск), производство гидромеханических передач, многоосных колесных тягачей и шасси на СП «Волат-Саньцзян» (г. Минск), производство тягачей специального назначения на СП «Санцзян-Волат компани Лтд» (г. Ухань), СП ООО «АВИК-БЕЛАЗ Карьерные Машины» (г. Пекин), производство кормоуборочной техники

216. Рутко Д.Ф. Указ. соч. С. 104.

217. Ходасевич А. Лукашенко перенаправляет молочные реки в Китай // Независимая газета. 2018, 29 мая.

на СП «Харбин Дунцзинь Гомель предприятие сельскохозяйственного машиностроения» (г. Харбин), производство энергонасыщенных тракторов на СП «Харбин Дунцзинь Минск Трактор Ко» (г. Харбин)²¹⁸.

Среди белорусско-китайских совместных проектов особое место занимает производство легковых автомобилей Geely на заводе «БелДжи» под г. Борисовом, начавшееся в ноябре 2017 г.²¹⁹ Завод построен при участии китайских партнеров и с привлечением китайских кредитов. В 2019 г. было произведено более 20 тыс. автомобилей²²⁰, а в дальнейшем предполагается выйти на проектную мощность — 60 тыс. автомобилей в год. Уровень локализации производства автомобилей осенью 2018 г. превысил 50%. Как предполагается, большая часть произведенных автомобилей Geely будет продаваться в России; автомобили намечается поставлять также на внутренний рынок РБ, на рынки Молдавии, Украины, Латвии, Литвы и других стран.

Особое место в экономическом сотрудничестве Белоруссии с КНР занимает взаимодействие в транспортно-логистической сфере, и прежде всего транзит товаров между КНР и западными странами через территорию РБ. Объем транзитных перевозок быстро растет: в 2014 г. из Китая через Белоруссию в европейские страны по Белорусской железной дороге (БЖД) проследовало 30 тыс. ТЕУ (условных 20-футовых контейнеров), а в 2019 г. — уже 338,5 тыс.²²¹ Ежедневно по территории РБ курсируют восемь контейнерных поездов сообщения Китай — Европа — Китай вместимостью 80–100 вагонов²²².

218. Преснякова Е.В. Указ. соч. С. 171; Рутко Д.Ф. Указ. соч. С. 103.

219. До этого с 2013 г. производилась сборка автомобилей Geely из китайских машинокомплектов.

220. Шенелюк О. Geely намерена обогнать рынок <http://www.belmarket.by/geely-namerena-obognat-rynok>

221. Шенелюк О. Китайский рычаг для БЖД. <http://www.belmarket.by/kitayskiy-rychag-dlya-bzhd>.

222. Алексеев В. Беларусь хочет увеличить транзит китайских контейнеров вдвое. <https://www.belmarket.by/belarus-hochet-uvlechit-tranzit-kitaiskih...>

Белоруссия одной из первых поддержала китайскую инициативу создания ЭПШП и активно подключилась к ее реализации. Как заявил в ноябре 2015 г. тогдашний заместитель министра экономики РБ А. Ярошенко, «глобальная задача нашей внешнеэкономической политики: Беларусь должна занять стратегическое положение на пути следования китайского товара в Европу. Сегодня наша страна позиционирует себя как жемчужину Экономического пояса Шелкового пути»²²³.

Как отмечает белорусский эксперт К. Коктыш, Беларусь, выиграв жесткую конкуренцию с рядом восточноевропейских стран, смогла стать единственным транспортно-логистическим хабом ЭПШП за пределами Китая. В этой связи сейчас идет строительство, модернизация и адаптация примерно 50 инфраструктурных проектов под нужды проекта ЭПШП²²⁴.

Особое значение для развития экономического взаимодействия РБ и КНР имеет Китайско-Белорусский индустриальный парк (КБИП) «Великий камень», создающийся в г. Смолевичи под Минском в соответствии с подписанным в сентябре 2011 г. межправительственным соглашением и сочетающий в себе инновационную и транспортно-логистическую составляющие. В мае 2017 г. на международном форуме «Один пояс – один путь» парк «Великий камень» был на высшем уровне назван главным проектом взаимного сотрудничества.

Первоначально КБИП предназначался преимущественно для привлечения высокотехнологичных производств. В положении о Китайско-Белорусском индустриальном парке, утвержденном Советом министров РБ в августе 2012 г., основными направлениями его деятельности названы электроника, тонкая химия, биотехнологии, машиностроение и но-

223. Цит. по: Калиновская Т. Из Китая в Европу – URL:<http://www.belmarket.by/ru/350/16/27365%D0%98%D0%B7-...>

224. Охота за юанем: Белоруссия нашла нового покровителя. https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/21_a_12067507.shtml

вые материалы²²⁵. Впоследствии к ним были добавлены информатика, фармацевтика, электронная коммерция, деятельность, связанная с хранением и обработкой больших объемов данных, социально-культурная деятельность.

Резидентам парка предоставлены значительные льготы. Так, они на 50 лет освобождены от ввозного НДС, налогов на землю и недвижимость; кроме того, первые 10 лет с момента образования прибыли резиденты освобождены от налога на прибыль, а затем до 2062 г. платят его в половинном размере. Это способствовало быстрому росту числа резидентов КБИП: если в 2016 г. в нем насчитывалось 9 резидентов, то к началу 2020 г. — уже 60 с объемом инвестиций более 520 млн долл.

В последнее время, как отмечают эксперты, в свете проекта ЭПШП фактически происходит переориентация КБИП с индустриально-технологической на логистическую сферу. Первостепенное значение приобретает создаваемый на территории парка логистический центр, который будет использоваться для перевалки китайских товаров, направляемых на рынок ЕС. Китайская компания China Merchant Group намерена вложить в его создание 500 млн долл. В результате КБИП станет «узловой точкой «Шелкового пути», генерирующей в среднесрочной перспективе наполнение товарами и услугами инфраструктурных маршрутов»²²⁶.

2.4.3. Проблемы и трудности во взаимных экономических отношениях

Несмотря на достигнутую в последние годы позитивную динамику экономических отношений Белоруссии с Китаем, в развитии этих связей имеются серьезные проблемы. Нынешний уровень торгово-экономического сотрудничества, как

225. Рудый К.В. Индустриальный парк «Великий камень»: проблемы выбора на этапах становления и развития /Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сборник научных статей. В четырех частях. Часть 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С.136.

226. Лавникович Д. Лукашенко меняет Москву на Пекин.- URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/16_a_10675619.shtml

неоднократно отмечали официальные представители обеих стран, далеко не соответствует имеющимся возможностям. Причины такого положения многообразны: это и географическая удаленность Белоруссии от КНР, и слабость правового и организационного механизмов сотрудничества по ряду направлений, и недостаток информации о возможностях сотрудничества, и многое другое.

Одним из важнейших негативных факторов, тормозящих развитие взаимных экономических отношений, является в основном сырьевой характер белорусского экспорта в Китай при том, что достаточно высокоразвитая, многоотраслевая экономика РБ потенциально может предложить партнерам широкий спектр товаров — в том числе продукции высокотехнологичных отраслей. Ныне ведущее место в экспорте РБ в КНР занимают, как уже отмечалось, калийные удобрения и другие сырьевые товары, цены на которые подвержены значительным конъюнктурным колебаниям.

Многие белорусские предприятия, как отмечал бывший премьер-министр РБ С. Румас, испытывают трудности с входением на китайский рынок; белорусские компании и граждане сталкиваются с финансовыми барьерами при расчетах. Серьезными препятствиями на пути активизации сотрудничества являются также инертность, неповоротливость белорусских предприятий, их неготовность осваивать перспективный, но новый для них китайский рынок. В то же время рост импорта из Китая тормозится страхом белорусской стороны перед наплывом дешевых китайских товаров на внутренний рынок РБ.

Развитию инвестиционного сотрудничества (прежде всего наращиванию объемов китайских инвестиций в Белоруссию) препятствует все еще недостаточно благоприятный, несмотря на наметившиеся в последние годы позитивные сдвиги, инвестиционный климат в РБ, доминирование государственной собственности в экономике республики. Для Китая Белоруссия пока не представляет значительного экономического интереса ввиду относительно малого внутреннего

рынка и отсутствия крупных энергоресурсов. Как отмечают белорусские эксперты, по экономическим соображениям (не связанным с укреплением политического влияния в той или иной стране) Китай финансирует в зарубежных странах в основном проекты, связанные с добычей полезных ископаемых, прежде всего углеводородов, и с этой точки зрения Белоруссия для Китая недостаточно интересна. Хотя, как отмечалось выше, в последние годы Китай начал финансировать ряд крупных проектов в Белоруссии, вряд ли масштабы финансирования в ближайшие годы резко возрастут, с учетом наличия у КНР более привлекательных объектов приложения капитала.

Опыт кредитно-инвестиционного сотрудничества двух стран в последнее время выявил ряд серьезных проблем. Так, китайские кредиты, предоставляемые белорусским партнерам, как правило, являются связанными и предполагают закупку китайского оборудования (доля китайской составляющей должна быть не менее 50% от суммы кредита), что ставит в невыгодное положение белорусских производителей оборудования, остро нуждающихся в увеличении сбыта своей продукции. В то же время объем прямых китайских инвестиций на чистой основе (без учета долговых инструментов) незначителен. Так, в 2017 г. он не превышал 40 млн долл., что говорит о слабой заинтересованности китайской стороны во вложении капитала в экономику РБ.

Некоторые реализованные с участием Китая инвестиционные проекты в РБ, по мнению экспертов, оказались неудачными. Так, мощности цементных заводов, модернизированных при участии китайских компаний, превысили реальные потребности страны, а поставленное оборудование было устаревшим и очень энергозатратным; в результате цементные производства стали одними из самых убыточных предприятий РБ²²⁷. По признанию Президента РБ А. Лукашенко, серьезные недостатки выявились в реализации и других китайских инвестиционных проектов — в частности, Светло-

227. Лавникевич Д. Указ. соч.

горского целлюлозно-картонного и Добрушского картонного комбинатов.

Специалисты высказывают сомнения в эффективности одного из крупнейших инвестпроектов с китайским участием — автомобильного завода «Белджи». Производимые на нем автомобили модели Geely Atlas (около половины общего объема производства на заводе) вряд ли будут широко востребованы на российском рынке²²⁸.

Следует отметить, что проблемы, связанные с белорусско-китайским сотрудничеством, в белорусской экспертной среде нередко политизируются. Официальные лица и поддерживающие курс руководства страны эксперты делают акцент при анализе на позитивные моменты и благоприятные перспективы сотрудничества, тогда как либеральные экономисты и политологи, в принципе скептически относящиеся к сотрудничеству с «авторитарным» Китаем, нередко преувеличивают имеющиеся трудности²²⁹. Так или иначе, проблемы в развитии сотрудничества есть, и они требуют скорейшего решения.

2.4.4. Перспективы развития белорусско-китайских экономических отношений

В предстоящие годы развитие взаимодействия РБ с КНР в экономической сфере будет определяться действием ряда факторов: состоянием экономики обеих стран, глобальными тенденциями, состоянием взаимных политических отношений и др.

Перспективы сотрудничества во многом зависят от решения обозначенных выше проблем во взаимных экономи-

228. «Думаю, в России не найдутся покупатели, — пишет в этой связи автоэксперт А. Рудницкий, — готовые заплатить за Geely 17600 долларов. У меня есть большие сомнения и по поводу того, что Россия позволит продавать машины данной марки в названном руководством завода количестве. Причем по любым ценам. Россия, как страна, имеющая собственное автомобильное производство, будет отчаянно его защищать» (Рудницкий А. Не верю в Geely.. — URL: <http://www.belmarket.by/neveryu-v-geely..>)

229. «Как показывает опыт, — говорит, например, либеральный экономист Я. Романчук, — куда бы китайцы ни вошли, ничего качественно сделать не смогли... Ни один проект не довели до ума...» (Офшорно-китайский междуособичик // БелГазета. Минск, 2017, 7 августа).

ческих отношениях — в том числе от диверсификации структуры взаимного товарооборота (прежде всего белорусского экспорта), повышения конкурентоспособности продукции, поставляемой Белоруссией китайским партнерам, создания в РБ благоприятного инвестиционного климата, развития правовой базы и организационного механизма сотрудничества.

Планы развития сотрудничества на ближайшие годы обозначены в официальных документах. Так, в соответствии с постановлением Совета министров РБ от 21 июня 2018 г. №475 экспорт товаров в Китай в 2019 г. должен достигнуть 540 млн долл., а в 2020 г. — 770 млн долл. Экспорт услуг в 2019 г. должен составить 541 млн, а в 2020 г. — 730 млн долл. Суммарный экспорт товаров и услуг в 2020 г. намечено увеличить до 1,5 млрд долл. Таким образом, около половины общего объема белорусского экспорта в Китай будет приходиться на экспорт услуг, что связано прежде всего с намечаемым ростом транзита китайских товаров на запад через белорусскую территорию. Что касается экспорта товаров, помимо традиционных калийных удобрений, благоприятные перспективы роста экспорта, по мнению экспертов, имеются и по многим другим товарным группам²³⁰.

Новые возможности для роста экспорта в КНР, как отмечают белорусские эксперты, открываются в связи с разгорающейся в последнее время торговой войной между США и КНР. Шансы заполнить ниши китайского рынка, которые из-за торговой войны могут покинуть американские производители, открываются, в частности, для белорусской мясомолочной продукции и, что особенно важно, для некоторых видов высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью — прежде всего электроаппаратуры, а также приборов и устройств, применяемых в медицине²³¹.

230. Подробнее см. Рутко Д.Ф. Указ. соч., с.106.

231. Голубев С.Г., Береснев Д.В., Ефремова А.О. Перспективы продвижения белорусской продукции на рынки Китая в свете американо-китайской торговой войны /Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции 20–21 сентября 2018 года, г. Минск. В двух томах. Том 2. Минск: Право и экономика, 2018. С. 20–21.

Значительное развитие должно получить инвестиционное сотрудничество. В сентябре 2016 г. посол РБ в КНР К. Рудый объявил о том, что сотрудничество двух стран переходит на новый уровень — от «кредитного» этапа к «инвестиционному». В частности, это найдет отражение в том, что КНР постепенно перестанет предлагать Белоруссии кредиты и перейдет к прямым инвестициям²³². Трансформация кредитного финансирования в прямые инвестиции Китая в РБ может осуществляться как путем акционирования и приватизации модернизированных китайскими компаниями предприятий, так и путем привлечения китайских подрядчиков к прямому инвестированию в иные проекты.

В 2018 г. достигнута договоренность о китайских инвестициях в 160 проектов на территории РБ. В начале 2017 г. был сформирован перечень белорусских предприятий для вхождения китайских инвесторов в их акционерный капитал, включающий 20 акционерных обществ, 2 государственных предприятия и инвестпроект по строительству гидроэлектростанции на реке Западная Двина; в ближайшее время предполагается его расширение.

Уже началось осуществление ряда крупных инвестиционных проектов. Так, в июле 2018 г. Белорусская национальная биотехнологическая корпорация совместно с китайской корпорацией «СИТИК Групп» в 2018 г. начали строительство высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла под Минском. За три года здесь предполагается создать комплекс суперсовременных предприятий по производству аминокислот и комбикормов для животноводства; общие инвестиционные затраты составят более 730 млн долл.²³³ В поселке Колодищи корпорация «СИТИК-Групп» начала строительство завода по производству специальных машин на базе ООО «Амкодормаш», на котором будут выпускаться фронтальные и универсальные погрузчики, а также

232. Астахова С. Белоруссия и Китай: новый этап взаимоотношений // Россия и новые государства Евразии. М., 2016, №4. С. 40.

233. Кононович Е. Отношения всепогодной дружбы // Советская Белоруссия. 2018, 31 июля.

тракторы с шарнирно-сочлененной рамой. Проект оценивается в 230 млн долл.; под строительство завода правительство РБ взяло у Китая потребительский кредит на 192,7 млн долл.²³⁴ Созданное в октябре 2017 г. ООО «Белкалий-Мигао», в котором доля ОАО «Беларуськалий» составляет 49%, а доля китайской Migaо Corporation – 51%, построило первый в РБ завод по производству нитрата калия мощностью 160 тыс. т в год. Общий объем инвестиций на строительство завода оценивается в 130 млн долл.²³⁵

В ближайшие годы намечается значительное усиление транспортно-транзитной составляющей во взаимном сотрудничестве в рамках проекта ЭПШП. В Концепции развития логистической системы РБ на период до 2030 г. ЭПШП рассматривается в качестве основного источника грузов для транзита через белорусскую территорию. К 2025 г. РБ рассчитывает на увеличение транзита китайских грузов до 1 млн контейнеров в год, что в 4 раза больше, чем в 2017 г. По оценке некоторых экспертов, когда проект ЭПШП заработает на полную мощность, через Белоруссию будет проходить как минимум 10% товарооборота между КНР и Евросоюзом, исчисляемого сотнями миллиардов долларов²³⁶. Это, среди прочего, может способствовать росту белорусского экспорта в КНР: поскольку грузопоток из Китая в Европу через РБ более чем вдвое превышает грузопоток в обратном направлении, появляется возможность загружать порожние контейнеры, следующие в КНР, белорусскими товарами.

Дальнейшее развитие должен получить в ближайшие годы КБИП «Великий камень». Предполагается, что к 2020 г. число его резидентов достигнет 100, а объем инвестиций – 2–2,5 млрд долл. В настоящее время на стадии активного строительства находятся 10 проектов КБИП, включая заводы

234. Алексеев В. Амкодор начал строить новый завод с китайцами. – URL: <http://www.belmarket.by/amkodor-nachal-stroit-novyy-zavod-s-kit..>

235. Харитонов Д. Беларуськалий и китайская Migaо начали строительство завода по производству нитрата калия. <http://www.belmarket.by/belaruskaliy-i-kitaiskaya-migaо-nachali-s...>

236. Кононович Е. Этапы большого пути // Советская Белоруссия. Минск, 2017, 16 мая.

по производству автомобильных двигателей, лазерного оборудования, спецтехники и др.²³⁷

Говоря о перспективах белорусско-китайского сотрудничества, важно иметь в виду и российский фактор. Масштабы этого сотрудничества дают основания некоторым экспертам говорить о грядущей китайской экспансии, затрагивающей и российские интересы. Во-первых, Китай интересуется теми же предприятиями, что и Россия; во-вторых, имея альтернативных и более платежеспособных китайских покупателей на свои активы, Белоруссия укрепляет собственные позиции на переговорах с российской стороной²³⁸. Некоторые круги в Белоруссии рассматривают стратегическое партнерство с Китаем в качестве своего рода противовеса влиянию России, отношения с которой в последнее время заметно осложнились²³⁹.

Вместе с тем, утверждения о возможности внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации республики с России на Китай представляются необоснованными. Важнейшим стратегическим союзником РБ, несмотря на все трудности во взаимных отношениях, несомненно, является Россия, и Китай никогда не сможет ее заменить — хотя бы в силу географической удаленности и цивилизационных различий. Доля Китая во внешнеторговом обороте РБ составляла в 2019 г. лишь 6,2%, доля в общем объеме иностранных инвестиций — 1,6%, тогда как доля России достигала соответственно 49,2 и 45,1%; в ближайшей перспективе картина вряд ли заметно изменится. Это, однако, не умаляет значения быстро развивающегося белорусско-китайского сотрудничества, вносящего в последние годы заметный вклад в развитие экономики РБ и укрепление ее международных позиций.

237. *Свирко Е.* Инвестиции в «Великий камень» превысили \$1 млрд URL: <http://www.belmarket.by/investicii-v-velikiy-kamen-prevysili-1-mlrd..>

238. *Астахова С.* Указ. соч. С. 17–18.

239. См., например, *Ходасевич А.* Лукашенко выбирает Пекин // Независимая газета. 2016, 3 октября.

РАЗДЕЛ 3

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ТОРГОВЫЕ ПРОЕКТЫ ЕАЭС**

ТОРГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ЕАЭС СО СТРАНАМИ АЗИИ²⁴⁰

Политические обстоятельства (ухудшение отношений со странами Запада с 2014 г., режим санкций) и экономические императивы (продолжающееся усиление позиций и расширение роли стран Азии в мировой экономике) преопределили постепенный разворот российской внешнеэкономической политики на Восток.

Концепция Большой Евразии как огромного пространственного континуума – сообщества стран и народов, имеющих глубокие исторические связи, многократно становилась предметом исследований и публикаций задолго до вышеназванных событий²⁴¹. Эти исследования и поиск надежных крупных партнеров в условиях продолжавшегося бума мега-региональных инициатив, подвели российское руководство к идее Большого евразийского партнерства. На политическом уровне этот термин впервые был использован В.В. Путиным в ходе его выступления на площадке Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2016 г. Президент Путин высказал мнение, что центром такого партнерства должен стать Евразийский экономический союз, а также

240. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51- 93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

241. Важный вклад в разработку концепции континентальной интеграции внесли Е.Ю. Винокуров и А.М. Либман. Концепция евразийской континентальной интеграции нашла отражение в их книгах «Eurasian Integration: «Challenges of Transcontinental Regionalism» (E. Vinokurov, A. Libman (2012) London: Palgrave Macmillan) и «Евразийская континентальная интеграция» (Е. Винокуров, А. Либман (2012), Санкт-Петербург: ЕАБР).

страны, с которыми уже сложились тесные отношения – Китай, Индия, Пакистан, Иран²⁴².

В институциональном плане поворот на Восток воплощается, в частности, в форме Соглашений о свободной торговле, заключаемых с отдельными странами Азиатского региона. Подписываются и торговые соглашения иного формата: об экономическом партнерстве (с КНР), промежуточное (временное) переходное – с Ираном. Субъектом переговоров и стороной соглашений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). ЕАЭС (в составе пяти государств), как таможенный союз, предусматривает и отчасти проводит единую торговую политику – по крайней мере, в сфере торговли товарами. Торговля услугами пока не полностью интегрирована в ЕАЭС, и в этой части правосубъектность остается за национальными государствами.

Целью данной статьи является выявление особенностей торговых соглашений о свободной торговле ЕАЭС, мотивов выбора партнеров, а также ожидаемых экономических результатов ССТ. Выводы основаны на сравнительном анализе состава и текстов соглашений, а также ожидаемых экономических результатов (на примере соглашения с Вьетнамом). Выводы основаны на сравнительном анализе предпосылок, состава и текстов соглашений, динамики торговли с Вьетнамом, а также учитывают результаты расчетов с использованием модели частичного равновесия. Статья построена следующим образом. В первой части дается общее описание уже заключенных ЕАЭС торговых соглашений со странами Азии. Второй раздел посвящен обсуждению мотивов выбора партнеров по соглашениям. В третьем разделе оцениваются и анализируются эффекты соглашения ЕАЭС с Вьетнамом.

242. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. 154 Раздел 4. ЕС и проект Большой Евразии. Петербург // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 15.02.2019).

3.1.1. Торговые соглашения ЕАЭС со странами Азии: общее и особенное

К апрелю 2020 г. ЕАЭС как организация заключил пять торговых соглашений, из которых четыре – со странами Азии (табл. 3.1). Это соглашения с Вьетнамом, Сингапуром, Ираном и Китаем. Соглашения стали результатом многолетней работы экспертов стран-участниц и политических решений их властей. При этом каждое из соглашений по-своему уникально по составу, сфере действия, намеченным целям. В то же время просматривается и определенная логика. Все они несут печать протекционистских традиций и понятной для первых соглашений такого рода осторожности.

Таблица 3.1. Торговые соглашения ЕАЭС со странами Азии

Страна-партнер	Подписано	Вступило в силу	Полное название
Вьетнам	29 мая 2015 г.	5 октября 2016 г.	Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны
Китай	17 мая 2018 г.	25 октября 2019 г.	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны
Иран	17 мая 2018 г.	27 октября 2019 г.	Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном
Сингапур	1 октября 2019 г.	Нет	Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур – с другой. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны.

Источник: ЕЭК, 2020.

Соглашение с Китаем стоит особняком: это рамочное соглашение, нацеленное на упрощение ведения бизнеса и координацию экономической кооперации. Никакого снижения тарифных барьеров соглашение ЕАЭС с КНР не предусматривает. Несколько более смелым в отношении либерализации торговли товарами можно назвать соглашение с Ираном. Оно предусматривает значительные взаимные преференции в сфере тарифной защиты. Тарифные уступки Ирана распространяются на 33% промышленных и 89% сельскохозяйственных товаров, поставляемых в страну из ЕАЭС. При этом по с/х товарам предусмотрено снижение среднего уровня пошлин с 32,2 до 13,2%. В целом по промышленным товарам средний уровень ставок ввозных пошлин Ирана снизится с 22,4 до 15,4%, по сельскохозяйственным товарам — с 32,2 до 13,2%. Снижение применяемых ставок ввозного тарифа ЕАЭС для иранских сельскохозяйственных товаров составит 5 процентных пунктов, для промышленных товаров — 3,3 процентных пункта²⁴³. Помимо эффектов тарифной либерализации, основной ожидаемый результат данного соглашения заключается в повышении степени взаимной предсказуемости и прозрачности: предусматривается исходить из норм и правил Всемирной торговой организации (ВТО), что важно, т.к. Иран пока не стал ее членом. Соглашение с Ираном имеет ограниченный срок действия: оно заключено на три года. Это связано с действующим режимом санкций и с осторожностью иранских переговорщиков и политиков. Впрочем, стороны обязались в течение трех лет начать переговоры о переходе от временного преференциального соглашения к полномасштабному ССТ.

В отличие от соглашения с Ираном, ограниченного сферой торговли товарами, соглашения ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром по их составу (по крайней мере, исходя из оглавления) можно отнести к категории ССТ+. Оба документа

243. Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. ЕЭК, 2019.

включают такие разделы, как «Интеллектуальная собственность», «Государственные закупки», «Конкуренция», «Устойчивое развитие», «Электронные технологии в торговле». Однако знакомство с текстами соглашений приводит к выводу об ограниченном характере договоренностей, выходящих за рамки торговли товарами. Зачастую речь идет о сближении позиции, создании совместных комиссий для рассмотрения соответствующих вопросов и т.д.

Единые рынки услуг Евразийского экономического союза еще находятся в стадии формирования, законодательство и регулятивные механизмы стран ЕАЭС в данной сфере различаются. В этой связи в тексте ССТ с Вьетнамом раздел «Торговля услугами, капиталовложения и перемещение физических лиц» касается только России. В ССТ с Сингапуром такого раздела пока нет вообще: стороны условились, что в ближайшее время продолжат переговоры о либерализации торговли услугами и инвестиционного режима и заключат соответствующие соглашения с отдельными государствами — участниками ЕАЭС. Таким образом, соглашения о свободной торговле с Вьетнамом и Сингапуром можно классифицировать как ССТ+/- (в том смысле, что заявленная широкая повестка на деле реализована пока слабо).

Что касается собственно торговли товарами, то ССТ с Вьетнамом в целом соответствует правилам ВТО, предусматривая либерализацию основной части товарооборота. Сразу после вступления в силу Соглашения о свободной торговле с ЕАЭС Вьетнам обнулil для поставщиков из стран ЕАЭС ввозные таможенные пошлины на 58% тарифных линий. В отношении еще 30% товарной номенклатуры ставки ввозных таможенных пошлин снижаются до 0% в течение переходного периода. Таким образом, отмена ввозных таможенных пошлин вьетнамской стороной не охватывает только 12% позиций товарной номенклатуры²⁴⁴.

244. Экспорт во Вьетнам. Особенности ведения бизнеса во Вьетнаме. ЕЭК. Москва, 2015, с. 34.

При этом со стороны Евразийской экономической комиссии как переговорщика от ЕАЭС была проявлена крайняя осторожность, объяснимая новизной процесса – ССТ с Вьетнамом стало первым соглашением такого рода, заключенным от имени ЕАЭС, и было подписано вскоре после создания самого ЕАЭС и его расширения за счет Армении и Киргизии – в том же 2015 г. Осторожность, в частности, проявилась в том, что соглашением предусмотрен «триггерный» режим, по существу, напоминающий тарифные квоты: так, беспошлинно из Вьетнама может ввозиться только около пятой части поставляемого в ЕАЭС риса, по ряду текстильных и швейных товаров заложена возможность возврата к стандартным уровням пошлин при достижении объемов их импорта, представляющих угрозу для местных производителей²⁴⁵. В перечень чувствительных для ЕАЭС продуктов удивительным образом попал не только чай, но и кофе, у нас не произрастающий.

Одновременно с ССТ с Вьетнамом вступили в силу двусторонние белорусско-вьетнамский и российско-вьетнамский межправительственные протоколы о поддержке производства автотехнических средств на территории Вьетнама, которые установили преференциальный режим реализации инвестиционных проектов по промышленной сборке белорусской и российской автотехники во Вьетнаме²⁴⁶.

Соглашение с Сингапуром является весьма своеобразным по асимметрии тарифных уступок, являющихся, по сути, односторонними. Сингапур – одна из самых открытых экономик мира, с нулевыми ввозными пошлинами на все товары, кроме некоторых видов транспортных средств, пива и некоторых алкогольных напитков, табачных изделий, определенных видов нефтепродуктов, которые облагаются

245. Мазырин В.М. Первое соглашение о свободной торговле Евразийского экономического союза // Международная экономика. 2015. №11–12. С. 51–63.

246. Кузьмина Е. Зоны свободной торговли с ЕАЭС. РСМД, 29 сентября 2019 г. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zony-svobodnoy-torgovli-s-aeas/> (дата обращения: 09.06.2020)

акцизом, уплачиваемым на таможне²⁴⁷. Поэтому тарифные уступки пришлось делать только ЕАЭС, тарифные обязательства членом Союза предполагают предоставление беспрепятственного доступа для сингапурских товаров, составляющих 40% от всей товарной номенклатуры, сразу после вступления соглашения в силу и более 87% после завершения всех переходного периода (от 3 до 10 лет для различных тарифных линий). По словам бывшего министра торговли ЕЭК В. Никишиной, «товары, чувствительные для нашего рынка – такие как говядина, сыр, крепкие алкогольные напитки, детское питание, молочные продукты, автомобили, самолеты – они у нас будут в товарах изъятия, мы на них пошлины не снижаем». Такая асимметрия не уникальна для ССТ Сингапура с ЕАЭС: это государство заключило целый ряд столь же асимметричных ССТ с крупными и малыми партнерами.

3.1.2. Предпосылки и мотивы заключения ССТ со странами Азии

Значение азиатских партнеров ЕАЭС по ССТ в торговле России и других стран ЕАЭС пока, разумеется, невелико. На три страны, Вьетнам, Сингапур и Иран, приходится 1,4% российского экспорта и 2,1% импорта. Для ЕАЭС в целом эти цифры еще скромнее: 1,1% экспорта и 1,7% импорта стран союза (табл. 3.2). С учетом неполной либерализации торговли с Ираном и изъятий из режимов свободной торговли с Вьетнамом и Сингапуром, снижение пошлин коснется в ближайшие годы (до конца переходных периодов) менее 1,5% всего российского внешнеторгового товарооборота. На три азиатские страны, упоминаемые на сайте Евразийской экономической комиссии и в заявлениях ее представителей в качестве потенциальных партнеров по ССТ, Израиль, Еги-

247. Речь идет о мотоциклах, скутерах и винтажных автомобилях до 1940 года выпуска.
– URL: <https://www.customs.gov.sg/businesses/valuation-duties-taxes-and-fees/duties-and-dutiable-goods>

пет²⁴⁸ и Индию, приходится еще 3,3% экспорта и 1,8% импорта ЕАЭС.

Таблица 3.2. Удельный вес партнеров по торговым соглашениям в торговле РФ и ЕАЭС на 2019 г., %

Страна	Удельный вес			
	В экспорте РФ	В импорте РФ	В экспорте ЕАЭС	В импорте ЕАЭС
Вьетнам	0,27	1,55	0,24	1,28
Сингапур	0,54	0,24	0,51	0,20
Иран	0,28	0,16	0,32	0,25
Итого партнеры по ССТ	1,09	1,95	1,07	1,73

Источник: рассчитано по данным Trademap.org.

Впрочем, если рассматривать только нетопливный экспорт России и Казахстана, удельный вес Вьетнама и Ирана в экспорте окажется выше, т.к. доля топлива в поставках в эти два государства ниже, чем в целом в структуре экспорта РФ, Казахстана и ЕАЭС. В этом смысле либерализацию торговли с Вьетнамом и Ираном можно рассматривать как один из способов облагораживания структуры экспорта и экономики в целом, расширения экспорта сельскохозяйственной, химической и машиностроительной продукции. К Сингапуру этот аргумент неприменим: топливо составляет до 90% российского экспорта в эту страну – больше, чем в российском экспорте в целом.

Другой подход к поиску экономической рациональности либерализации торговли с конкретными партнерами – количественная оценка экономии бизнеса на таможенных платежах (и, соответственно, потерь бюджетов от недобора этих платежей). В табл. 3.3 приведены такие расчеты по трем ССТ по данным на 2019 г. Как видно из таблицы, наибольшую экономию сулило бы обнуление пошлин в торговле с Ираном (до которого, впрочем, еще далеко). При ввозе российских товаров в Иран сумма платежей могла бы уменьшиться на 228 млн долл. – столько же потерял бы и иранский бюджет.

248. Египет, разумеется, в большей мере африканская, но отчасти и азиатская страна.

Российский бюджет от полной либерализации торговли с Ираном потеряет гораздо более скромную сумму – 37 млн долл., т.к. российские пошлины ниже иранских, да и импорт из Ирана меньше экспорта российских товаров в эту страну. В случае с Сингапуром последствия тоже асимметричны, однако с обратным знаком: потери российского бюджета и выигрыш бизнеса (и, частично, потребителей) составит 16 млн долл., тогда как экспортеры в Сингапур на уплате пошлин сэкономят не смогут – они нулевые.

Таблица 3.3. Средневзвешенные ввозные тарифы в торговле России с азиатскими партнерами по ССТ, 2019, %

Индикатор	Вьетнам	Сингапур	Иран
Средневзвешенный тариф для товаров из РФ	3,24	0	19,0
Средневзвешенный тариф для товаров из страны-партнера в РФ	1,49	2,9	5,6
Сумма ввозных пошлин, уплаченных при ввозе товаров из РФ, млн долл.	36,8	0	228,1
Сумма ввозных пошлин, уплаченных в РФ при ввозе товаров из страны-партнера, млн долл.	48,9	16	21,8
Импорт в страну-партнера из РФ, млн долл.	1136,1	4718	1197,5
Импорт из страны-партнера в РФ, млн долл.	3783,0	588,3	391,4

Источник: рассчитано по данным Trademap.org.

Чтобы понять специфику ЕАЭС как участника переговоров по либерализации торговли, необходимо учитывать две особенности этой интеграционной группировки. Во-первых, ЕАЭС – асимметричное РТС с явным доминированием России. Интеграционная активность российского руководства характеризуется преобладанием политической мотивации: интеграция как сближение с традиционными друзьями и партнерами-союзниками. Во-вторых, ЕАЭС – это преимущественно ассоциация стран, экспортирующих сырье. Обрабатывающая промышленность здесь редко конкурентоспособна по мировым стандартам; либерализация торговли с успешными экспортерами готовой продукции может ухудшить ситуацию для таких производителей. При этом ввозные тарифные барьеры товаров топливно-сырьевой группы обычно значительно ниже, чем для готовой продукции по-

требительского назначения (известный эффект тарифной эскалации), так что взаимное обнуление тарифов в торговле таких экспортеров сырья, как Россия и Казахстан, с партнерами — экспортерами готовых изделий может обернуться улицей с односторонним движением — почти односторонним снижением ввозных пошлин странами ЕАЭС. Этот аргумент дополнительно объясняет доминирование неэкономических мотивов заключения ССТ в случае России, а значит, и ЕАЭС.

Речь идет прежде всего о вопросах международных отношений. Если для малых государств ЕАЭС первостепенное значение имеют отношения с Россией как главным партнером (не умаляя значения их деятельности по расширению контактов с другими странами), то российские руководители (в т.ч. как наследники советских руководителей) привыкли мыслить глобально. Евразийский экономический союз для них — средство укрепления международных позиций в мире, где международные объединения играют растущую роль. Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России / ЕАЭС — относительно успешный проект — как в исторической перспективе, так и в географическом сравнении. Это первая реально работающая интеграционная инициатива на постсоветском пространстве. И это уже второй полноценный таможенный союз в мире, которому удалось ликвидировать таможенный контроль на внутренних границах. Тем не менее, даже вместе взятые, пять стран не выглядят как экономический субъект, сопоставимый с мощными соседями на Западе и на Востоке, или мегарегиональными инициативами, которые находились на подъеме в середине второго десятилетия. Россия и ЕАЭС нуждаются в экономических партнерах, которые могли бы подкрепить и их политические амбиции. В условиях кризиса отношений с Западом естественным становится стремление к укреплению отношений с Китаем, странами АСЕАН, Ираном.

Есть и политико-психологические причины заключения двусторонних соглашений о либерализации торговли. Это

своеобразное следование мировой моде, характерное не только для России. Страны, в т.ч. ключевые развитые экономики, формируют свои сети ССТ. Это поведение заразительно; исследователи отмечают этот эффект, используя разные термины («транзитивность», «эффект “домино”» и др.) для обозначения одного и того же явления: копирования поведения развитых государств другими странами²⁴⁹. Одновременно, организация ССТ со странами за пределами бывшего СССР стало еще одной формой конкуренции с мировыми державами – в сфере построения сетей ССТ.

Помимо общих политических причин, рассмотренных выше, существуют и индивидуальные объяснения для каждой страны-партнера. Выбор конкретных государств в качестве партнеров по ССТ также обусловлен не только экономическими причинами. В этом контексте выбор Вьетнама в качестве первого партнера по ССТ был достаточно логичным. Отношения между Россией и Вьетнамом восходят к 1960-м годам, когда СССР стал главным союзником вьетнамских коммунистов в войне с США и борьбе за объединение страны. Множество объектов промышленности и инфраструктуры было построено во Вьетнаме с участием российских специалистов. В СССР, а позже – в России и других странах бывшего Союза учились тысячи вьетнамских студентов; многие из них помнят русский язык и сегодня занимают ключевые позиции в своих отраслях экономики или даже входят в руководство страны. Все это создает благоприятные условия для развития сотрудничества. В то же время надо понимать, что Вьетнам – 100-миллионная страна с молодым населением, активно диверсифицирующая свои внешние связи. Старые связи использовать можно и нужно, однако «в карете прошлого далеко не уедешь»: на смену старшему поколению приходят молодые, более прагматично настроенные руководители. Чтобы удержаться на быстрорастущем вьетнамском рынке, страны

249. Baldwin, Richard, 'A domino theory of regionalism' (1993), CEPR Discussion Paper 857; NBER Working Paper, 4465. Taedong Lee and ByoungInn Bai, 'Network analysis of free trade agreements' (2013), The Korean Journal of International Studies 11(2):264, 293.

ЕАЭС должны предлагать конкурентоспособные товары и услуги.

Помимо фактора старых связей, выбор Вьетнама в качестве первого партнера по ССТ имеет и иные обоснования. Вьетнам — участник ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — крупного и динамичного объединения, с которым Россия стремится развивать долгосрочные партнерские отношения.

Наконец, выбор Вьетнама выглядит крайне удачным с точки зрения тестирования возможных результатов либерализации торговли с крупнейшим партнером — Китаем, экономика которого по структуре и факторам конкурентоспособности похожа на вьетнамскую. В этом же контексте надо рассматривать и обсуждение возможного ССТ с Индией, значение которой в торговле стран ЕАЭС многократно уступает экономическому потенциалу этой страны.

Сингапур же интересен как ключевая и наиболее высокотехнологичная экономика Юго-Восточной Азии, мост в регион для бизнеса стран СНГ. Авторитет Ли Куан Ю как автора модели модернизации, вероятно, также сыграл роль в выборе этого партнера по ССТ.

Выбор Ирана в качестве партнера по торговому соглашению, очевидно, продиктован прежде всего взаимодействием двух стран в регионе Ближнего и Среднего Востока, да и в мировом масштабе. Задача торгового соглашения — укрепить экономический фундамент сотрудничества. Схожие рассуждения применимы и к двум другим ближневосточным странам, с которыми ведутся переговоры по ССТ — Израилю и Египту. В случае с Ираном нельзя также не упомянуть интерес Армении, для которой тесные связи с Ираном — один из способов преодоления географической изоляции от партнеров в условиях конфликта с Азербайджаном и замороженных связей с Турцией.

3.1.3. ССТ с Вьетнамом: достигнутые и потенциальные результаты

В силу того, что соглашения с Ираном и Сингапуром еще только вступают в период реализации, предварительные итоги можно подводить лишь по ССТ с Вьетнамом. При этом надо помнить, что переходный период и здесь еще не завершен — он должен закончиться в 2027 г.

На Россию приходится 93,8% вьетнамского импорта из ЕАЭС и 91,9% вьетнамского экспорта в ЕАЭС²⁵⁰, и мы ограничимся анализом ее двусторонней торговли с Вьетнамом. Товарооборот между Россией и ЕАЭС с Вьетнамом рос и до подписания ССТ, но после его ратификации темпы роста взаимной торговли увеличились. В 2015–2018 годах российский экспорт во Вьетнам вырос на 35%, а импорт — на 79% (рис. 3.1). При этом положительное сальдо Вьетнама в торговле с Россией еще более укрепилось. В 2019 году вьетнамский экспорт в Россию продолжил свой рост, а вот российский экспорт во Вьетнам упал более чем вдвое, с 2,4 до 1,1 млрд долл.

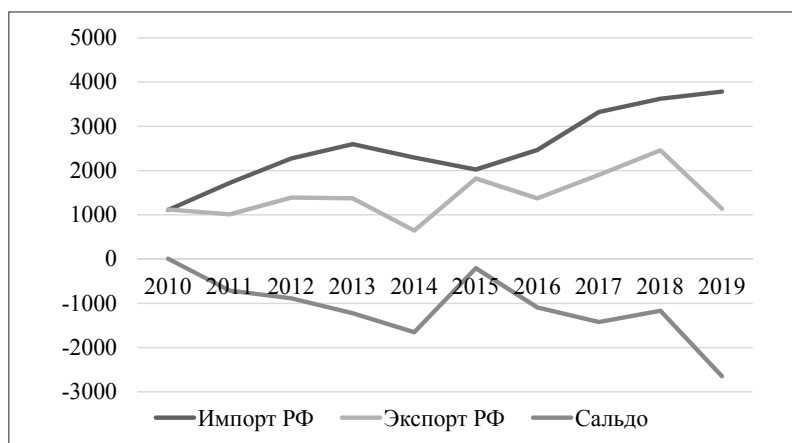

Рис. 3.1. Российская торговля с Вьетнамом, 2010–2019, млн долл.
Источник: построено по данным Trademap.org.

250. Рассчитано по данным Trademap.org.

По оценке Министерства экономического развития РФ, отрицательное сальдо у России в торговле с Вьетнамом (-2,6 млрд долл. на 2019 г.) объясняется сильным сокращением российских поставок наземного транспорта (-93%), злаковых культур (-77%), оружия и боеприпасов (-100%)²⁵¹. Поставки оружия росли в 2016–2018 гг., достигнув 730 млн долл., однако в 2019 г. новых поставок не производилось. Очевидно, это не имеет отношения к выполнению соглашения о свободной торговле. Другая важнейшая причина спада экспорта — приостановка поставок российской пшеницы во Вьетнам по фитосанитарным причинам: в поставленных партиях были обнаружены семена сорняков в количествах, превышающих допустимые, и вьетнамская сторона попросила российскую приостановить сертификацию экспортных поставок зерна²⁵².

Есть и другие объяснения негативного развития в 2019 г. Это снижение мировых товарных цен на черные и цветные металлы, продукты нефтехимии и ряд других продуктовых групп. В связи со снижением цен в 2019 г. сократился несырьевой российский экспорт в целом. Играть роль и отраслевые факторы, отражающие изменения во вьетнамской экономике и ее спрос на импорт. Наблюдатели указывают на сокращение поставок удобрений из-за перехода от минеральных к органическим удобрениям в с/х, а также на снижение поставок черных металлов — за счет развития местной металлургии²⁵³. Однако по итогам первого квартала масштабы российского экспорта во Вьетнам частично восстановились, минеральное сырье и топливо составило 38% его объема (в 2019 г. — более половины) (рис. 3.2.)²⁵⁴.

-
251. Портал внешнеэкономической информации. Министерство экономического развития РФ. — URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia/ (дата обращения: 10.06.2020 г.)
 252. Вьетнам не принимает зерно. Коммерсант, 17.10.2019 — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4127098> (дата обращения: 81.05.2020 г.)
 253. Информационный портал. — URL: https://vvs-info.ru/helpful_information/poleznaya-informatsiya/vietnam1p2019g/ (дата обращения: 29 05. 2020.)
 254. Внешняя торговля России с Вьетнамом в 1 кв. 2020 г. — URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-05/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-vietnamom-v-1-kv-2020-g/> (дата обращения: 1.06.2020)

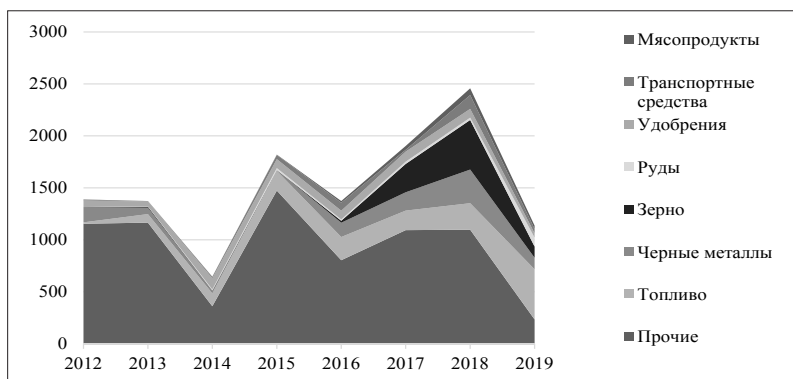

Рисунок 3.2. Структура и динамика российского экспорта во Вьетнам, 2012–2019, млн долл.

Источник: построено по данным Trademap.org.

В структуре вьетнамского экспорта в Россию главное место (на 2019 – более 46%) занимают мобильные телефоны. Из 10 млн смартфонов Samsung, поставленных в Россию в 2019 г., 47% поступило с вьетнамских заводов этой фирмы²⁵⁵. Среди других значимых товарных групп – одежда, обувь, кофе, рыба и морепродукты (рис. 3.3).

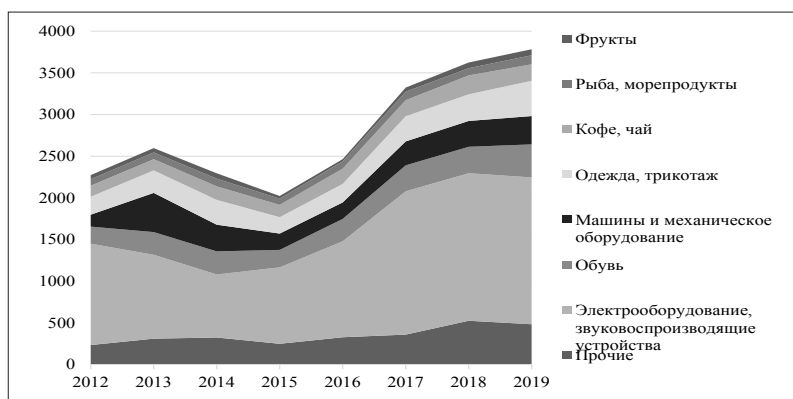

Рис. 3.3. Структура и динамика российского импорта из Вьетнама, 2012–2019, млн долл.

Источник: построено по данным Trademap.org.

255. [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_(рынок_России)) (дата обращения: 11.06.2020.)

Динамичный рост вьетнамского экспорта в Россию убеждает в том, что именно вьетнамский (а опосредованно – и корейский) бизнес оказался главным бенефициаром ССТ с ЕАЭС.

Соглашения о либерализации торговли принято оценивать по их эффектам: эффектам создания торговли и отклонения торговли. Рассмотрим вероятные эффекты обнуления ввозных пошлин во взаимной торговле России и Вьетнама с помощью модели частичного равновесия SMART. Модель SMART, разработанная экспертами Всемирного банка и входящая в состав пакета аналитических инструментов WITS – World Integrated Trade solutions, используется для оценки эффектов потенциальных двусторонних торговых соглашений, предусматривающих ту или иную степень либерализации торговли.

Расчеты (табл. 3.4) показали, что в случае полной либерализации торговли товарами импорт России из Вьетнама вырастет на 78,2 млн долл., или на 2,2%, по сравнению с уровнем 2018 года. При этом вклад потокообразующего эффекта (увеличение покупок вьетнамских товаров за счет снижения цен и высвобождения дополнительного дохода) и потокоотклоняющего эффекта (вытеснения товаров, импортируемых из других государств, вьетнамскими товарами) в увеличение импорта примерно равный. Импорт Вьетнама из России вырастет в сопоставимых масштабах: на 69,6 млн долл., или на 3,3%. Прирост импорта примерно на $\frac{3}{4}$ придется на потокообразующий эффект и на $\frac{1}{4}$ – на потокоотклоняющий эффект.

Таблица 3.4. Потенциальные эффекты обнуления ввозных пошлин в российско-вьетнамской торговле (расчет по данным 2018* г.)

Страны	Эффект создания торговли	Эффект отклонения торговли	Общий ожидаемый рост импорта	
			млн долл.	%
Для России	37,7	40,7	78,2	2,2
Для Вьетнама	51,6	17,8	69,6	3,3

Источник: рассчитано с помощью SMART/WITS.

* На май 2020 г. модель SMART еще не позволяла провести расчеты на базе данных 2019 года.

Конечно, эти расчеты не стоит принимать за точный прогноз. Как мы видели на примере 2019 года, на объемы и структуру двусторонней торговли влияют разные факторы, и уровень ввозных пошлин – далеко не самый важный из них. И расчеты по данным 2019 г. дадут другие оценки.

Поставщики товаров во Вьетнам не только вытесняют товары своих конкурентов за счет эффекта отклонения торговли, но и сами могут становиться жертвами аналогичного эффекта: Вьетнам активно развивает свою сеть ССТ (соглашения подписаны уже с полусотней стран), и его страны-партнеры также получают преференциальный доступ на вьетнамский рынок. Таким образом, это рынок с высоким уровнем конкуренции, где выигрывают поставщики, заботящиеся не только о цене, но и о качестве своих товаров и механизмах их продвижения.

3.1.4. Выводы

Россия оказывает решающее влияние на выбор партнеров по либерализации торговли и на ход переговоров в рамках ЕАЭС. Особенностью российского подхода к заключению соглашений о либерализации торговли является преобладание политической мотивации над экономической. Для первых торговых соглашений такого рода характерны также осторожность и избирательность. Экономические выгоды в краткосрочной перспективе выглядят необязательными, хотя и желательными. Наибольшее значение ССТ имеют для России, впрочем, Белоруссия и Казахстан также оказываются в выигрыше за счет роста экспорта сельскохозяйственной и машиностроительной продукции. Для Армении большое значение имеет ССТ с Ираном.

ССТ с Вьетнамом пока принесло наибольший выигрыш вьетнамским экспортерам и потребителям России и других стран ЕАЭС. Асимметричный результат либерализации торговли с Вьетнамом может трактоваться как предвосхищающий аналогичный, но гораздо более масштабный дисбаланс

в торговле с Китаем в случае либерализации последней. Впрочем, быстрый рост импорта из Вьетнама лишь отчасти связан со снижением пошлин: Россия (а также Белоруссия и Казахстан) отменила пошлины на мобильные телефоны с 1 сентября 2013 г., т.е. до заключения ССТ. Выявление причинно-следственной связи между заключением ССТ и динамикой экспорта и импорта требует более детального анализа.

СОГЛАШЕНИЕ О ЗСТ ЕАЭС-СИНГАПУР: НОВЫЙ ШАГ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА «ИДТИ ВОВНЕ»

3.2.1. ЕАЭС идет «вовне»

Преференциальное соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Сингапуром, которое было заключено 1 октября 2019 г., является принципиально новым типом соглашений о сотрудничестве с зарубежными государствами. Такие соглашения подписаны с Вьетнамом, Сербией, Ираном (временное) и активно обсуждаются в переговорах с Египтом, Индией, Израилем и некоторыми другими странами. Задачу создания подобных новых экономических партнерств была поставлена Президентом РФ в 2015 г. Аналогичное преференциальное соглашение не удалось заключить с Китаем, где после 3 лет переговоров пришлось ограничиться традиционным договором о торгово-экономическом сотрудничестве. Уже после договора с Сингапуром ЕАЭС подписал аналогичный документ с Сербией.

Постановка задачи перехода к новым экономическим партнерствам на основе расширенных соглашений о ЗСТ была связана с прогрессом тенденций к регионализации и трансрегионализации, которые характеризуются появлением преференциальных экономических партнерств нового типа с либеральными условиями взаимной торговли и инвестиций. Последние становятся важнейшими элементами глобальной экономики и международного разделения труда. Хотя эти процессы не протекают гладко, сейчас можно назвать ряд таких уже подписанных или находящихся на завершающей

стадии переговоров соглашений – Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение ЕС – Канада, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве («новое ТТП»), Соглашение о ЗСТ ЕС – Вьетнам, Соглашение об экономическом партнерстве ЕС – Япония, Соглашение о зоне свободной торговли ЕС – Сингапур, Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли, Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (10 стран АСЕАН + Китай, Республика Корея, Япония, Австралия, Новая Зеландия²⁵⁶), Соглашение о зоне свободной торговли ЕС – МЕРКОСУР. Стоит отметить, что ЕС заявил о возможности подписания такого рода соглашений с почти 80 странами.

Импульс к регионализации и трансрегионализации дает усиление протекционизма в мировой торговле и инвестициях, а также развязывание экономических и технологических войн, масштабы которых беспрецедентны. В таких условиях происходит развитие региональных и трансрегиональных экономических объединений, где ликвидируются многие барьеры для внешнеэкономических связей, устанавливаются многие современные нормы регулирования внешних связей и предоставляются широкие дополнительные возможности для экономики их участников²⁵⁷.

Огромный интерес представляет создание новых интеграционных союзов для России, против которой развернуты жесткие санкционные войны и экономика которой сильно зависит от развития экспортных и импортных связей. В таких экономических партнерствах нового типа заинтересованы и партнеры по ЕАЭС, так как они нацелены на решение задач своей структурной и технологической модернизации, которая невозможна в условиях четвертой промышленной

256. В ноябре 2019 г. Индия, которая первоначально участвовала в переговорах по данному соглашению, отказалась участвовать в нем из-за рисков роста конкуренции с китайскими компаниями и усиления дефицита торгового баланса со странами-участницами данного соглашения.

257. Хейфец Б.А. (2019). Новые экономические мегاپартнерства и Россия. СПб: Алетейя.

революции без широкого международного сотрудничества. Кроме того, они входят вместе с Россией в Таможенный союз и строят общее экономическое пространство, предполагающее проведение согласованной торговой политики по отношению к третьим странам. Использование ЕАЭС как совместной платформы для развития внешних связей усиливает переговорную силу входящих в него небольших государств, имеющих ограниченный экономический потенциал. Данное соображение очень важно в связи с обострением борьбы за влияние на постсоветское пространство таких мощных экономических сил, как Китай с его глобальным проектом «Пояс и путь», Евросоюз и США.

3.2.2. Более мягкие союзы

Новые соглашения ЕАЭС о ЗСТ с рядом зарубежных стран отличаются от перечисленных выше соглашений о всеобъемлющих ЗСТ или экономических партнерствах, которые предполагают высокий уровень открытости – отмену во взаимной торговле 90% и более импортных пошлин, снятие всех нетарифных барьеров и препятствий для взаимных инвестиций и т.п. Это связано с оценкой реальных условий развития стран ЕАЭС и их конкурентоспособности на внешних рынках. Так, перед новыми экономическими партнерствами ЕАЭС на первоначальном этапе ставилась задача «сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения, на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов»²⁵⁸.

Во многом из-за неготовности к реальной экономической открытости не состоялось создание ЗСТ ЕАЭС – Китай, которая могла бы стать центральным элементом модели со-

258. Путин В. В. (2015) Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864/work> (Дата обращения 20.01.2020).

пряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Пояс и путь». После почти трех лет переговоров в мае 2018 г. было подписано непреференциальное торгово-экономическое соглашение ЕАЭС с Китаем, которое можно назвать компромиссным, так как оно не предусматривает снижения пошлин и таможенных тарифов. В то же время это соглашение решает целый ряд важнейших вопросов, которые повысят эффективность взаимного сотрудничества между ЕАЭС и Китаем. В нем ставятся конкретные задачи помочь бизнесу участвующих стран устанавливать взаимовыгодные торгово-экономические связи и создать комфортные условия для их развития (упрощение процедур торговли, работа по взаимному признанию стандартов и технических регламентов, защита прав интеллектуальной собственности, регулирование электронной коммерции и т.п.).

Первое соглашение нового типа о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом во многом носило пробный характер и не несло серьезных рисков для экономики стран ЕАЭС. Соглашение предусматривало снижение или обнуление импортных пошлин только для примерно 12% товаров и массу исключений, оно включает комплекс мер по защите внутреннего рынка стран ЕАЭС от возможных рисков существенного увеличения поставок из Вьетнама²⁵⁹.

Временное соглашение с Ираном, который не является членом ВТО и не должен следовать нормам этой организации, охватывает 55% совокупного экспорта ЕАЭС и 49% импорта Ирана в ЕАЭС. Однако данное соглашение, вступившее в силу 27 октября 2019 г., не предусматривает полного отказа от таможенных пошлин и касается ограниченного круга традиционных товаров, не затрагивая отраслей, производящих глубокую переработку. В целом по промышленным товарам средний уровень ставок ввозных пошлин Ирана для стран

259. Глинкина С.П. и др. (2018). Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. М.: Эдитус. 260 с.; ЕЭК (2018) Обзор Соглашения о свободной торговле между государствами-членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotr> (Дата обращения 20.01.2020).

ЕАЭС снизится с 22,4 до 15,4%, по сельскохозяйственным товарам – с 32,2 до 13,2%. Для Ирана снижение импортных пошлин ЕАЭС для сельскохозяйственных товаров составит 5%, для промышленных товаров – 3,3%²⁶⁰.

Договоренности ЕАЭС с Сингапуром также носят осторожный характер. Переговоры продолжались почти 4 года. 1 октября 2019 г. были подписаны рамочное Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Сингапуром и Соглашение о свободной торговле товарами (далее – соглашение о ЗСТ)²⁶¹. Позднее предполагается заключить еще пять соглашений о торговле услугами и об инвестициях на двустороннем уровне. Это позволит создать всеобъемлющую зону свободной торговли формата «товары + услуги + инвестиции»²⁶². Согласно соглашению о ЗСТ, ЕАЭС предоставит беспошлинный доступ для сингапурских товаров, составляющих 40% от всей товарной номенклатуры, сразу после вступления соглашения в силу, а в дальнейшем такой режим распространится на 87% всех экспортируемых Сингапуром товаров. При этом ЕАЭС не снизит пошлины на чувствительные для его рынка товары – такие как говядина, сыр, крепкие алкогольные напитки, детское питание, молочные продукты, автомобили, самолеты.

Сингапур же, имеющий невысокий уровень таможенной защиты, не будет применять импортные пошлины практически ко всем товарам из стран ЕАЭС. В Сингапуре таможенные пошлины существуют только в отношении импортных транспортных средств, алкогольных напитков, табачных изделий, нефтепродуктов.

260. ЕЭК (2019). Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sog1_torg/Documents. (Дата обращения 20.01.2020).

261. ЕЭК (2019). Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp> (Дата обращения 20.01.2020).

262. *Едовина Т.* (2019). Сингапур добавит ЕАЭС свободы // Коммерсантъ. 1 октября.

Для сравнения, совсем иные условия для сингапурского бизнеса закреплены в подписанном в октябре 2018 г. и вступившем в силу в ноябре 2019 г. соглашении о ЗСТ между Евросоюзом и Сингапуром – European Union – Singapore Free Trade Agreement (EUSFTA). Евросоюз является вторым после Китая торговым партнером Сингапура. Согласно EUSFTA, ЕС в течение первого года отменит тарифы на 84% импорта Сингапура, а в период от 3 до 5 лет на остальные 16%. Будут упразднены нетарифные технические барьеры для экспортеров из Сингапура и ЕС. Это принесет пользу широкому кругу секторов как в ЕС, так и в Сингапуре, таких как электроника, производство автомобилей и автозапчастей, фармацевтика, возобновляемые источники энергии, а также мясо и мясные продукты. Кроме того, предусмотрено расширение доступа к рынку для поставщиков услуг, а также создание равных условий для бизнеса на рынках друг друга, в том числе с помощью определенных отраслевых правил, касающихся недискриминации и прозрачности²⁶³.

Такие стратегии ЕАЭС и ЕС объясняются разной готовностью этих региональных интеграционных группировок к режиму свободной торговли и инвестиций. В этом плане государства ЕАЭС менее конкурентоспособны и нуждаются в большей таможенной защите. Соглашения о ЗСТ носят для них пробный характер, но позволяют по мере повышения эффективности их экономик расширять масштабы и углублять степень взаимодействия, накапливая опыт функционирования современных ЗСТ.

3.2.3. Торговля

Сингапур – активный участник международной торговли. Об этом свидетельствует высокий уровень соотношения экспорта и импорта товаров к ВВП страны (рис. 3.4).

263. ЕК (2019). European Union – Singapore Free Trade Agreement (EUSFTA). – URL: <https://www.enterprisesg.gov.sg/non-financial-assistance/for-singapore-companies/free-trade-agreements/ftas/singapore-ftas/eusfta>. (Дата обращения 20.01.2020).

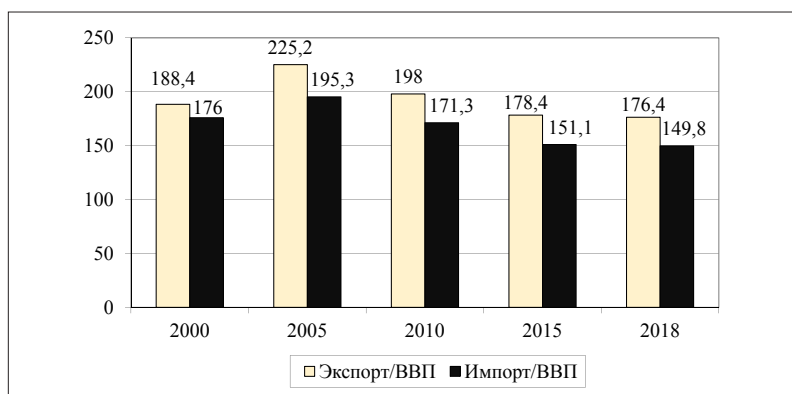

Рис. 3.4. Соотношение экспорта и импорта товаров к ВВП в Сингапуре, %

Источник: База данных Всемирного банка – URL: <https://data.worldbank.org>

Такая роль внешней торговли, обеспечивающей основную часть доходов страны, связана с тем, что Сингапур является небольшим по численности населения (около 6 млн человек) и территории городом-государством, которое не обладает необходимыми ресурсами пригодной для сельского хозяйства земли, полезными минералами и даже пресной воды. Кроме того, большую роль для Сингапура имеет реэкспорт.

В 2018 г. объем сингапурского экспорта товаров и услуг составил 642,3 млрд долл. (11-место в мире), а импорта – 545,6 млрд долл. (13-е место).

Для успешного осуществления внешнеторговых связей Сингапур активно участвует во многих либеральных соглашениях о ЗСТ, снимающих тарифные и нетарифные ограничения в импорте и экспорте. Среди них можно назвать двусторонние соглашения с уже упоминавшимся Евросоюзом, Китаем, Индией, Японией, Республикой Корея, Новой Зеландией, Панамой, Перу, Австралией, Коста-Рикой, Иорданией, Шри-Ланкой, Турцией и США. Кроме того, Сингапур как член АСЕАН участвует или собирается участвовать в ряде многосторонних экономических партнерств. Среди них ЗСТ АСЕАН, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, соглашения о ЗСТ с Ав-

стралией и Новой Зеландией, Кореей, Индией, Японией, Гонконгом, Европейской ассоциацией свободной торговли, Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство.

Все это создает определенные предпосылки для стран ЕАЭС в плане возможного расширения их торговых связей с различными странами, используя сингапурскую локализацию их бизнеса, а также опыт взаимодействия с сингапурскими компаниями. Пока объем торговли ЕАЭС с Сингапуром незначителен, на нее приходится только 0,44% всей внешней торговли Союза. В то же время Сингапур в АСЕАН является вторым после Вьетнама торговым партнером ЕАЭС. При этом в 2014–2019 гг. экспорт товаров из ЕАЭС в Сингапур сократился в 2,5 раза, а импорт в ЕАЭС из Сингапура – почти в 8,7 раз (табл. 3.5). Однако значительно возросло положительное для государств ЕАЭС сальдо внешней торговли – с 733,3 млн долл. в 2014 г. до 1919,6 млн долл. в 2019 г.

Таблица 3.5. Торговля товарами стран ЕАЭС с Сингапуром, млн долл.

Страны	2014			2019		
	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Доля во всей торговле, %	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Доля во всей торговле, %
ЕАЭС в целом	6394,3	5661,0	0,73	2570,5	650,9	0,44
Россия	6156,1	5552,1	0,85	2299,6	587,7	0,47
Казахстан	193,7	102,4	0,20	245,0	44,5	0,39
Беларусь	27,9	3,7	0,07	27,7	15,5	0,11
Армения	6,7	2,8	0,15	1,1	2,0	0,05
Киргизия	9,8	2,5	0,23	-	1,2	0,03

Источник: База данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2018/12-180.aspx (Дата обращения 20.01.2020).

Основные торговые партнеры Сингапура в ЕАЭС – Россия и Казахстан. В 2019 г. 89,5% экспорта стран ЕАЭС в Сингапур обеспечила Россия, а 9,5% – Казахстан. Основу экспорта ЕАЭС составляют сырьевые товары – нефтепродукты (72,3%) и сырая нефть (19,7%). Третьей крупной позицией экспорта были азотные удобрения, но их доля (3,8%) значительно уступала первым двум. Структура импорта отличалась большим разнообразием – компьютеры и компоненты, ле-

карства, приборы и устройства медицинского назначения, какао-бобы, промышленные полимеры, продукты нефтехимии, краска полиграфическая. Самой крупной статьей в 2019 г. стала радиолокационная и радионавигационная аппаратура (103 млн долл.).

Важно и то, что Соглашение о ЗСТ с Сингапуром помимо снижения импортных пошлин будет способствовать смягчению нетарифных барьеров в торговле, а также развитию сотрудничества в таких областях, как экология, электронная торговля, защита прав бизнеса и потребителей, взаимного признания стандартов, технических регламентов и результатов оценки соответствия²⁶⁴.

Сингапур — технологический и экономический лидер

Переход сотрудничества государств ЕАЭС с Сингапуром имеет еще одну важную составляющую. Благодаря эффективной внешней и внутренней экономической политике Сингапур в 1960–1990 гг. совершил громадный экономический рывок, поставивший его в ряд стран «экономического чуда» и сделавшего его одним из «азиатских тигров». Средние темпы прироста в этот период составили около 9%. В дальнейшем Сингапур еще больше укрепил свой экономический авторитет, став признанным лидером в области повышения доходов и уровня жизни населения, привлекательности условий для ведения бизнеса, а также освоения новейших технологий. Важнейшим приоритетом экономической стратегии Сингапура выступает развитие и эффективное использование человеческого капитала (табл. 3.6).

В 2018 г. прирост ВВП Сингапура составил 3,2%, основная часть которого была достигнута за счет роста производства продукции с высокой добавленной стоимостью, особенно в секторах электроники и точного машиностроения, а также сферы услуг, прежде всего, информации и связи, которые выросли на 6,0%.

264. ВАВТ (2019) Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. №39. С. 4.

Таблица 3.6. Показатели развития экономик стран «ядра» АСЕАН и России

Страны	ВВП на д.н. (по текущему валютному курсу), 2018, тыс. долл.	ВВП на д.н. (по ППС), 2018, тыс. долл.	Место в рейтинге конкурентоспособности ВЭФ, 2019	Место в Глобальном инновационном рейтинге, 2019	Место в рейтинге в рейтинге Doing Business, 2020	Высокотехнологичный экспорт, 2018, млрд долл.	Место в рейтинге развития человеческого потенциала, 2019
Сингапур	64,6	101,5	1	8	2	155,4	9
Малайзия	11,4	31,8	27	35	12	90,4	61
Таиланд	7,3	19,1	40	43	21	44,8	77
Филиппины	3,1	9,0	64	54	95	33,9	106
Индонезия	3,9	13,1	50	85	73	6,4	111
Вьетнам	2,6	7,4	67	42	70	74,1	118
Россия	11,3	27,1	43	46	28	10,2	49

Источники: База данных Всемирного банка OpenSti; База данных Всемирного экономического форума - URL: <https://www.weforum.org/> (дата обращения 20.01.2020); Global Innovation Index 2019 – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019-intro4.pdf (дата обращения 20.01.2020); UNDP (2019) Human Development Report 2019. New York.

По душевому доходу (по текущему валютному курсу) Сингапур находится на 9-м месте в мире, опережая практически все крупные развитые экономики. Более существенно то, что Сингапур – одно из самых развитых государств мира, которое занимает последние 20 лет первые строчки в рейтингах Глобальной конкурентоспособности (1-е место в 2019 г.), удобства ведения бизнеса (1-ое место в 2005–2016 гг. и 2-ое место в 2018–2020 гг.) и Глобальном инновационном рейтинге (8-е место в 2019 г.). Последний показатель используется для оценки положения страны в мире по ее инновационному потенциалу, влияющему на возможности освоения инноваций, в том числе технологий четвертой промышленной революции. Для этого учитываются более 80 параметров, которые группируются по двум группам – 1) показатели, характеризующие располагаемые ресурсы и имеющиеся условия для проведения инноваций, и 2) показатели, отражающие конкретные результаты внедрения инноваций. В результате индекс позволяет объективно оценить эффективность затрат и их эффекта по внедрению инноваций в конкретном государстве. В отношении развития человеческого капитала весьма показательны планы правительства Сингапура увеличить государственные расходы на *непрерывное* образование до более 1 млрд сингапурских долл. (740 млн долл.) ежегодно (инициатива Skillsfuture).

Сингапур является одной из самых технологически передовых стран не только в Азии, но и во всем мире. Он стал мировым лидером в цифровизации экономики, которая позволит стать Сингапуру авторитетным центром для развития технологий четвертой промышленной революции, таких как Blockchain, облачные вычисления, искусственный интеллект и автоматизация. Например, Сингапур занимает второе место в мире после Республики Корея по числу используемых промышленных роботов на 10 тыс. занятых в производстве (658 робота в 2018 г.).

Безусловно, что качественное углубление внешнеэкономических связей с такой экономически и технологически

развитой страной дает государствам ЕАЭС дополнительные плюсы для решения самых актуальных задач по их структурно-технологической модернизации.

3.2.4. Инвестиции

Огромное значение в этом плане приобретает инвестиционное сотрудничество стран ЕАЭС и Сингапура. Современный Сингапур занял важное место в глобальных инвестиционных потоках. В 2018 г. объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Сингапуре составил 1481 млрд долл., увеличившись в 2,3 раза по сравнению с 2000 г. По объему ПИИ страна заняла 6-е место в мире (!). Значительно выросли и накопленные Сингапуром ПИИ за рубежом, достигшие в 2018 г. 1021 млрд долл. При этом в отличие от динамики мировых ПИИ в 2015–2018 гг. в Сингапуре наблюдался рост привлеченных текущих ПИИ, по которому он занимал в 2018 г. 5-е место в мире (рис. 3.5).

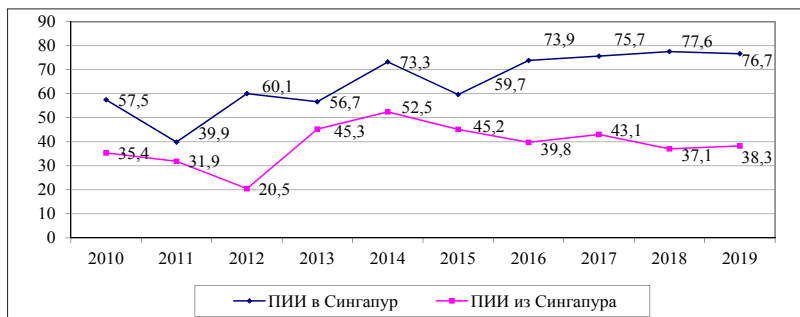

Рис. 3.5. Динамика текущих ПИИ в Сингапур и из Сингапура в 2010–2018 гг., млрд долл.

Источник: База данных ЮНКТАД – URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (Дата обращения 20.01.2020).

На Сингапур в 2018 г. пришлось около 50% всех текущих ПИИ, пришедших в страны АСЕАН, на которые было направлено 11,5% всех мировых ПИИ²⁶⁵. Сингапур наряду с

265. ASEAN (2019). ASEAN Investment Report 2019. Jakarta: ASEAN Secretariat, October. P. 4, 5.

Гонконгом справедливо расценивается как своеобразные ворота для инвестиций в Азиатский регион²⁶⁶.

В определенной мере динамика финансовых потоков в Сингапур и из него связана с использованием этой страны в качестве удобной финансовой гавани. По оценкам экспертов Boston Consulting Group (BCG), Сингапур занимает третье место после Швейцарии и Гонконга среди офшорных финансовых центров мира²⁶⁷. Однако Сингапур — не офшор, он не упоминается ни в одном из черных списков офшоров и активно поддерживает современные международные нормы прозрачности в финансовых операциях, в 2017 г. присоединился к Многостороннему соглашению об автоматическом обмене финансовой информацией.

Законодательство Сингапура — одно из самых лояльных в мире по отношению к бизнесу. Ставка налога на корпоративный доход — 17% — самая низкая в АСЕАН, по НДС (7%) он уступает только Брунею, где такой налог не взимается. О высоком месте Сингапура в рейтинге Doing Business, стабильно удерживаемом на протяжении последних 20 лет, говорилось выше.

В Сингапуре существует 10 точечных свободных экономических зон, крупнейшими из которых являются порт Юронг и аэропорт Чанги. Они предоставляют широкий спектр услуг по хранению и реэкспорту товаров. Их таможенная очистка и реэкспорт требуют минимальных формальностей, они не облагаются таможенными пошлинами и НДС.

Сингапур участвует в созданной рамках АСЕАН уникальной особой инвестиционной зоне АСЕАН, которая обеспечивает лучшие условия для взаимных инвестиций стран данного интеграционного объединения, а также для инвестиций зарубежных МНК, расположенных в регионе²⁶⁸

266. База данных ЮНКТАД. Op. cit.

267. BCG (2018). Global Wealth Report 2018. Boston. June. P. 13.

268. Хейфец Б.А. (2018). Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики РАН. №5. С. 107–120.

По данным Банка России, на 1 июля 2019 г. на Сингапур пришлось 4264 млн долл. из 445341 млн долл., накопленных в России ПИИ (почти 1%). Накопленные же Россией в Сингапуре ПИИ составили 4164 млн долл. из 380743 млн долл., накопленных ПИИ за рубежом (1,1%)²⁶⁹.

При этом здесь возможны определенные нюансы, связанные с использованием Сингапура в качестве транзитной юрисдикции для финансовых операций. Например, по оценке Российского фонда прямых инвестиций, на начало 2018 г. общие инвестиции Сингапура в Россию превысили 17 млрд долл. На это повлияла операция 2016 г., когда швейцарским сырьевым трейдером Glencore и катарским суверенным фондом QIA была зарегистрирована в Сингапуре специальная компания QNG Shares Pte. Ltd, которая за 10,2 млрд евро купила 19,5% акций «Роснефти».

Основная часть накопленных в России сингапурских инвестиций приходится на добычу полезных ископаемых (65,6%) и оптовую торговлю (20,3%), существенное место занимают ПИИ в транспорт и хранение, информацию и связь, финансовую деятельность (рис. 3.6).

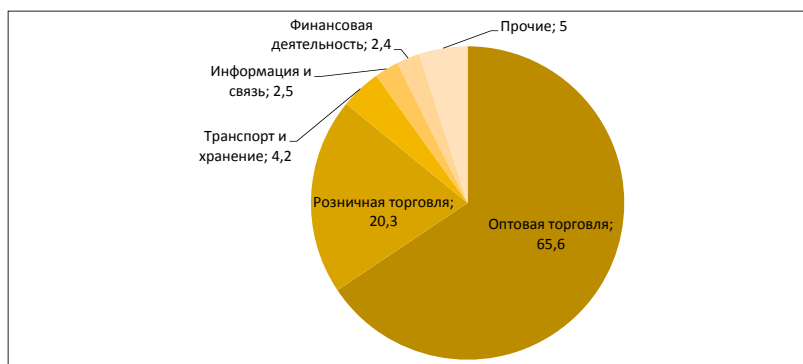

Рис. 3.6. Отраслевое распределение ПИИ из Сингапура в Россию на конец 2018 г., %

Источник: рассчитано автором по ВестиФинанс (2018). РФПИ подписал с компаниями Сингапура соглашения на \$1 млрд - URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/110116>.

269. Банк России – URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (Дата обращения 20.01.2020).

По состоянию на 2017 г. в Сингапуре присутствовало 690 российских компаний, а в России работают 20 сингапурских компаний. Ожидается дальнейшее расширение сотрудничества в сфере цифровизации, инноваций и профессиональной подготовки²⁷⁰.

Особенностью Сингапура является ведущая роль во всех стратегических секторах экономики государственных компаний, в том числе в сфере транспорта и коммуникаций, судостроения, финансового сектора и недвижимости, инфраструктуры. Государство контролирует такие крупнейшие компании, как Singapore Airlines, Olam International, SingTel, ST Engineering, Keppel Shipyard, MediaCorp, инвестиционной компании Temasek Holdings Private Limited и другие. Потенциально это облегчает решение многих вопросов для России, где высока доля государственного сектора в экономике.

Суверенный фонд Сингапура – GIC (Government of Singapore Investment Corporation), управляющий активами на сумму около 400 млрд долл., вложил в Россию 6 млрд долл., в том числе совместно с РФПИ в такие компании, как Московская биржа, «АПРОСА», «Транснефть».

Можно назвать и другие сингапурские инвестиции в Россию. Так, совместный консорциум «Базового элемента», РФПИ и Changi Airports инвестировал средства в аэропорт во Владивостоке, который был преобразован в основной международный транспортный хаб Дальнего Востока РФ. Changi Airports Changi Airports также будет участвовать в управлении этим аэропортом, а также региональными аэропортами в Краснодаре, Геленджике, Анапе.

Сингапурская компания Jurong Consultants Pte Ltd участвует в создании особых экономических зон промышленно-производственного типа «Моглино» (Псковская область) и «Алабуга» (Республика Татарстан), а также в строительстве инновационного центра «Иннополис Казань» в Татарстане.

270. Чжанг К. (2019). Зона свободной торговли с Сингапуром поможет ЕАЭС заключить соглашение с АСЕАН. – URL: <https://eurasia.expert/zst-s-singapuruom-pomozhet-eaes-soglashenie-s-asean/> (Дата обращения 20.01.2020).

Сингапурская Olam International Ltd. купила ряд предприятий пищевой промышленности в России, в том числе 75% акций «Русской молочной компании» (за 83 млн долл.), «Азовский зерновой терминал», завод по расфасовке растворимого кофе в Подмоскowie, планирует строительство 4-х молочных ферм и расширение посевов зерновых в Пензенской области.

В ноябре 2018 г. РФПИ с сингапурскими компаниями были подписаны инвестиционные контракты на общую сумму 1,1 млрд долл. Среди них выделяются проекты, связанные с развитием новых технологий. Это соглашение с сингапурской компанией Makara Capital, специализирующейся на финансировании сделок и управлении активами в сфере инноваций, инфраструктуры и энергетики²⁷¹, соглашение сингапурской компании Indorama Corporation и АО «Ядран-Ойл» из Татарстана о совместных инвестициях в развитие действующего газохимического комплекса «Аммоний» по производству аммиака, метанола и карбамида.

В свою очередь, создание филиала в Сингапуре позволяет получить дополнительные доходы. Об этом свидетельствует пример российской компании CreoPop (производитель аппаратных средств компьютера), которая потратила на изготовление одного прототипа в Сингапуре вдвое меньше времени, чем она это делает в России²⁷².

Российские компании «Газпрома», «Роснефти», «ЛУКОЙЛа», «ВТБ-капитала», «Мечела», «Фосагро» и «Спортмастера» и «Лаборатория Касперского» уже активно используют Сингапур для работы на азиатском континенте, включая страны АСЕАН, открыв там свои представительства. Деловой авторитет в Сингапуре завоевали такие основанные российским бизнесом компании, как RusSing Holdings, Acronis,

271. ВестиФинанс (2018). РФПИ подписал с компаниями Сингапура соглашения на \$1 млрд - URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/110116> (Дата обращения 20.01.2020).

272. ИМПЭКС КОНСАЛТ (2016). Почему российские ИТ-компании переезжают в Сингапур. - URL: <https://www.start-business-in-singapore.com/blog/pochemu-rossijskie-it-kompanii-pereezhayut-v-singapur.html>. (Дата обращения 20.01.2020).

InfoWatch, Parrallels, Ruvento BaseRide и другие. Сингапурская компания Asian American Medical Group, РФПИ и АО «Русатом Хэлскеа», специализирующееся на продвижении на российском и зарубежных рынках ядерных технологий для медицины, договорились о совместной реализации проекта по строительству центра ядерной медицины в г. Искандар-Путери (Малайзия).

В октябре 2009 г. был создан Российско-Сингапурский деловой совет (РСДС) с целью содействия развитию внешнеэкономических связей между предприятиями и организациями России и Сингапура. Сегодня 67 российских компаний являются членами совета. Свыше 40 иностранных (преимущественно – сингапурских) компаний являются его постоянными партнерами. Отделения совета открыты в Новосибирске, Самаре и Сингапуре. Представители совета работают в Орле, Барнауле, Чебоксарах, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге²⁷³.

В 2017 г. в Сингапуре по инициативе РСДС была основана компания Progression, на базе которой в том же году был открыт Центр продвижения российских высокотехнологичных компаний и представления инвестпроектов. В цифровом и натурном форматах здесь представлена продукция свыше 160 компаний²⁷⁴. Среди конкретных проектов можно назвать проект создания в Сингапуре Инжинирингового центра в интересах радиоэлектронного кластера Ростеха, где свои идеи и разработки смогут продвигать российские и сингапурские компании и университеты.

Создана международная информационно-сервисная B2B-платформа RSTrade, которая помогает российским компаниям продвигать промышленные товары гражданского назначения несырьевого сектора экономики в страны Юго-Восточной Азии, Индии и Австралии, а также организовывать импорт товаров из этих стран в Россию.

273. Ростех (2019). Дружба с «городом льва»: о Российско-Сингапурском деловом совете. 28 октября – URL: <https://rostec.ru/news/druzhba-s-gorodom-lva-o-rossiysko-singapurskom-delovom-sovete/> (Дата обращения 20.01.2020).

274. Ibid.

Инвестиционное сотрудничество с Сингапуром развивают и другие страны ЕАЭС. В Сингапуре, например, работают торговые дома «БелАЗа», «Белшины», «Минского тракторного завода». В Казахстане работают более 100 совместных с сингапурскими компаниями предприятий обрабатывающей промышленности, торговли, ИКТ, строительства и финансов. Казахстанско-сингапурская Keppel Kazakhstan, кроме интересов в нефтяной отрасли, создает проекты управления свободными экономическими зонами. Еще одна компания – JURONG Holding – инвестирует в проект «Химический парк «Тараз» порядка 8 млрд долл.²⁷⁵ Сингапурские компании намереваются участвовать во внедрении Open Trade Blockchain (Международный финансовый центр «Астана» и CRIMSONLOGIC PTE LTD), в венчурном финансировании (АО «НУХ «Байтерек» и ENTERPRISE SINGAPORE BOARD), в создании венчурного фонда и развитии технологий и программных решений для финансовых услуг.

Сингапурская R Way Solution участвует в строительстве малотоннажного нефтеперерабатывающего завода мощностью по переработке до 1 млн тонн нефти в год в поселке Атасу Карагандинской области, а также сети АЗС (260 станций по всему Казахстану). Вся линейка готовой продукции НПЗ Атасу будет соответствовать требованиям стандарта Евро-5 и ориентирована на внутренний рынок²⁷⁶.

Казахстанская АО «Kazakh Invest» вместе с сингапурской International Cement Ltd, Alacem LLP будут участвовать в строительстве цементного завода в Алмаатинской области, а АО «Национальная компания «Kazakh Invest» и WESTGASOIL PTE. LTD из Сингапура – заводов по производству метанола и олефинов.

275. Караваев А. ЕАЭС – Сингапур: в чем прибыль от зоны свободной торговли. URL: <https://ru.sputniknews.kz/columnists/20191001/11661624/eaes-singapur-zst.html> (Дата обращения 20.01.2020).

276. Тотал (2018). Малый НПЗ планируют запустить в Карагандинской области. URL: https://total.kz/ru/news/gossektor/malii_npz_planiruut_zapustit_v_karagandinskoj_oblasti_date_2018_04_02_18_07_25 (Дата обращения 20.01.2020).

Сингапурская МНК CGCorpGlobal приобрела завод Lotus по производству лапши быстрого приготовления в Туркестанской области. Планируется осуществить модернизацию этого предприятия и увеличить производственные мощности. Объем инвестиций в проект оценивается в 15 млн долл. Кроме того, на территории предприятия будет открыта линия по производству пищевых специй. В Казахстане имеется качественное сырье для данного производства, которое позволит и внедрить международные стандарты качества, и экспортировать его продукцию в Россию и страны Центральной Азии.

Таким образом, углубление сотрудничества с Сингапуром, заключение рамочного соглашения о ЗСТ ЕАЭС – Сингапур является важным шагом во включении евразийской интеграции в мировую экономику с использованием современных механизмов взаимодействия. Это отвечает выбранной стратегии ЕАЭС на развитие новых экономических партнерств с теми государствами, сотрудничество с которыми может принести конкретный экономический эффект (принцип win-win). В этом плане развитие взаимовыгодных связей с Сингапуром может помочь в привлечении дополнительных инвестиций и ускорении технологического развития государств ЕАЭС, а также приобрести передовой опыт в государственном управлении и организации бизнеса. Огромное значение достигнутых договоренностей заключается в том, что они позволяют компаниям из ЕАЭС выйти на новые рынки в таком быстроразвивающемся регионе, как Юго-Восточная Азия. В этом плане Сингапур является важнейшим игроком в АСЕАН, соглашение с ним дополняет уже имеющееся соглашение о ЗСТ Вьетнамом и может стать основой для подобного соглашения с АСЕАН в целом. В свою очередь, такая политика соответствует идее формирования Большого евразийского пространства.

В то же время новые договоренности с Сингапуром учитывают конкретные условия развития государств ЕАЭС и не связаны на первом этапе с чрезмерной либерализацией вза-

имных связей. По мере накопления опыта подобного сотрудничества, безусловно, в него будут вовлекаться новые сферы и использоваться новые формы взаимодействия ЕАЭС и Сингапура.

Глава 3.3

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ НА ПРИМЕРЕ СОГЛАШЕНИЯ О ЗСТ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

12 февраля 2020 г. Европейский парламент официально ратифицировал Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом. Это произошло несмотря на распространение в мире пандемии COVID-19, которое может оказать значительное негативное влияние на их экономику, инвестиции и социальную сферу²⁷⁷.

Европейский союз (ЕС) является одним из главных торговых партнеров для Вьетнама. Так, с 2000 по 2019 г. торговля между Вьетнамом и ЕС в целом выросла в 13,7 раза с 4,1 млрд долл. до 56,45 млрд долл. Экспорт Вьетнама в ЕС увеличился в 2019 г. до 41,54 млрд долл., а импорт из ЕС – до 14,9 млрд долл.²⁷⁸

Интерес ЕС к Вьетнаму как партнеру по соглашению, на наш взгляд, объясняется следующими факторами. Проводя на протяжении ряда лет открытую внешнеэкономическую политику, Вьетнам накопил большой опыт по участию в зонах свободной торговли (ЗСТ). В частности, среди десяти стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) Вьетнам имеет наибольшее количество подписанных и ратифицированных Соглашений о зонах свободной торговли (ССТ). ССТ, в которых Вьетнам участвует в качестве

277. Журнал «Коммунист» 13.03.2020 – URL: http://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/hiep-dinh-evfta-tu-goc-nhin-chien-luoc

278. Журнал «Коммунист» 13.03.2020 – URL: http://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/hiep-dinh-evfta-tu-goc-nhin-chien-luoc

страны – члена АСЕАН, включают: Зону свободной торговли АСЕАН (АФТА), Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), ССТ АСЕАН и Китая, с Республикой Корея, Индией, Японией, Австралией и Новой Зеландией; четыре двусторонних ССТ Вьетнама с Чили, Японией, Республикой Корея и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

ЕС также имеет большой опыт сотрудничества в формате преференциальных торговых соглашений. За период с конца 1990-х по 2016 г. им было подписано подобных соглашений с 35 странами, включая Чили, Египет, Исландию, Израиль, Иорданию, Республику Косово, Ливан, Лихтенштейн, Северную Македонию, Черногорию, Марокко, Норвегию, Палестину, Сербию, ЮАР, Республику Корея, Швейцарию, Тунис, Турцию, Украину²⁷⁹.

В результате подписания Соглашения о свободной торговле с ЕС Вьетнам получил ряд привилегий, как получил их и ЕС. Вьетнам и ЕС взяли на себя обязательство по расширению доступа к своим рынкам и снятию более 99% тарифов на промышленные и сельскохозяйственные товары в дополнение к действующим нулевым тарифным ставкам на одежду, обувь, морепродукты, мебель и прочие товары СРВ²⁸⁰, на автомобили, машины, оборудование, напитки, лекарства и продукты сельского хозяйства, поступающие во Вьетнам из ЕС. Европейский союз отменяет пошлины на товары Вьетнама, а Вьетнам либерализует 65% импортных пошлин на товары из ЕС, включая машины и оборудование. Другие действующие пошлины постепенно будут отменяться в течение десяти лет. Например, на говядину – через три года, молочные продукты – максимум через пять лет, замороженную свинину – через семь лет, вина и спиртные напитки – через семь лет²⁸¹.

279. Правила происхождения по соглашениям о свободной торговле. Сайт европейского союза – URL: <https://trade.ec.europa.eu/tradehelp/free-trade-agreements>

280. Сайт Министерства торговли промышленности Вьетнама – URL: http://evfta.moit.gov.vn/?page=overview&category_id=2809fd0e-b509-41c4-aa5f-fc2257d628c2

281. Там же.

Содержание торгового соглашения между ЕС и Вьетнамом показывает, что его воздействие на их экономику будет значительным и длительным (на 10–15 лет и более). Зона свободной торговли ЕС с Вьетнамом позволит продолжить наращивать профицит торгового баланса у Вьетнама, поскольку экспорт в ЕС увеличивается быстрее, чем импорт Вьетнама из ЕС. По выводам экспертов, рост экспорта Вьетнама в ЕС будет постоянно расти: на 20% – в 2020 г., на 42,7% – в 2025 г., на 44,37% – в 2030 г. Импорт СРВ из ЕС увеличится более низкими темпами: на 15,28% – в 2020 г., на 33,06% – в 2025 г., на 36,7% – в 2030 г.²⁸² В сравнении с другими развивающимися странами Вьетнам имеет сильные конкурентные преимущества в расширении экспорта в ЕС таких товаров, как текстиль, обувь, сельскохозяйственная и рыбная продукция, деревянная мебель, мотоциклы, алкогольные напитки. Все обязательства, связанные с инвестициями, либерализацией торговли услугами, государственными закупками, с защитой интеллектуальной собственности, откроют новые возможности и обеспечат общую выгоду ЕС и СРВ.

Как отмечено в Соглашении о свободной торговле, это – документ нового поколения, который может поощрять европейских инвесторов к активным вложениям капиталов на вьетнамском инвестиционном рынке по аутсорсингу, стимулировать работу местных производителей комплектующих и аксессуаров, пользоваться льготными тарифами ФТА. Инвесторы ЕС получают больше стимулов для инвестирования и ведения бизнеса во Вьетнаме, особенно в тех областях, где они имеют сильные преимущества: финансовые услуги, логистика. В 2019 г. ЕС имеет 2 375 проектов (увеличение на 182 проекта по сравнению с 2018 г.) из 27 стран Европейского союза (ЕС) во Вьетнаме с общим зарегистрированным инвестиционным капиталом в 25,49 млрд долл. (увеличение на до 1,19 млрд долл.) приходится 7,70% всех проектов ПИИ во

282. Ле Динь Тинь, Хан Лам Занг «Евро-вьетнамское соглашение свободной торговли со стратегической точки зрения – URL: <https://thongtinphapluatdansu.edu.vn/2020/04/13/hiep-dinh-evfta-tu-gc-nhn-chien-luoc/>

Вьетнаме и 7,03% от общего зарегистрированного ПИИ во Вьетнаме²⁸³.

Инвесторы из ЕС присутствуют практически во всех важных секторах экономики Вьетнама, уделяя особое внимание промышленности, строительству и услугам. К другим областям, которые интересуют во Вьетнаме инвесторов ЕС, относятся обрабатывающее производство в промышленности, сетевое распределение электроэнергии, риэлторский бизнес, строительство.

3.3.1. Проблемы реализации ЗСТ

В организации зон свободной торговли у Вьетнама существует много трудностей. Хотя он активно участвует в ЗСТ, но ему не хватает научных и практических исследований, четкой стратегии, экспертизы. Вьетнамские ученые пишут, что Вьетнам не в полной мере подготовил основные внутренние условия для подписания ССТ с Европейским союзом²⁸⁴. Не все вьетнамские предприятия, участвующие в зоне свободной торговли ЕС с Вьетнамом, повысили свою конкурентоспособность. Государственные предприятия пока не играют ведущую роль в отраслевой реструктуризации экономики, инновациях и развитии новых технологий. Частный вьетнамский сектор, включая микро-, малые и средние фирмы, имеет небольшие финансовые ресурсы и не получает поддержку от государства. Отечественные отрасли обрабатывающей промышленности сталкиваются с необходимостью конкурировать по цене и качеству своих товаров с зарубежными конкурентами.

Вьетнам постоянно сталкивается с проблемами, связанными с новыми тенденциями торгового протекционизма на более сложном, изменчивом и непредсказуемом уровне, чем

283. Журнал “Финансы” Министерства финансов Вьетнама – URL: <http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/tac-dong-cua-evfta-den-nen-kinh-te-viet-nam-va-mot-so-khuyen-nghi-322234.html>

284. Ле Тхи Тхуи. Соглашение о свободной торговле нового поколения: Возможность и вызов для Вьетнама // Общественная наука. №5, 2017 г.

когда-либо ранее. По словам Чу Тханг Чунг (Министерство промышленности и торговли), как только произошла американо-китайская торговая война и США усилили меры по защите торговли китайскими товарами, на мировом рынке также появилась тенденция к глобальному протекционизму. Фактически, Вьетнам страдает от тяжелых последствий политики США в области торговой защиты. Например, как только США применили антидемпинговые меры в отношении китайского импорта стали в соответствии с Законом 232, многие стальные изделия, импортируемые из Вьетнама, стали объектом антидемпинговых пошлин до 250%²⁸⁵. В сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности (отраслях, являющихся во все времена сильной стороной Вьетнама) защитный барьер не только не снят, но подлежит особому рассмотрению правительства и бизнеса.

В политике диверсификации структуры экспорта Вьетнама не произошло существенных изменений. В экспорте в основном представлены сельскохозяйственная и трудозатратная продукция промышленности. Некоторые экспортные товары (каучук, кокос и овощи, уголь) в большей степени ориентированы на китайский рынок, на его долю приходится более 70% всего их экспорта. По данным Государственного статистического управления Вьетнама, к концу мая 2020 года экспортный оборот товаров Вьетнама оценивается в 99,36 млрд долл. За 5 месяцев было 17 товаров с экспортным оборотом более 1 млрд долл., что составляет 82% от общего экспортного оборота, из которых: телефоны и комплектующие достигли 18 млрд долл.; электроника, компьютеры и комплектующие достигли 15,3 млрд долл.; текстиль – 10,4 млрд долл.; машины, оборудование и запчасти – 8,5 млрд долл.; обувь – 6,8 млрд долл.; дерево и изделия из дерева – 4 млрд долл.; транспортные средства и запасные части – 3,1 млрд долл.; рыболовство – 2,8 млрд долл.; железо и сталь – 1,6 млрд долл.; металлопродукция – 1,3 млрд долл., овощи и фрукты – 1,6

285. Веб-сайт центра ВТО Вьетнама – URL: <http://trungtamwto.vn/hiep-dinh-khac/12961-day-dac-rao-can-thuong-mai-vao-thi-truong-my>

мрд долл., каучук – 470 млн долл., перец – 309 млн долл. В некоторых сельскохозяйственных продуктах увеличился экспортный оборот: рис достиг 1,4 млрд долл., кофе – 1,4 млрд долл., а кешью – 1,2 млрд долл.²⁸⁶

Соглашение о свободной торговле между ЕС и СРВ требует стратегического подхода во всех трех измерениях: времени, пространстве и масштабе/степени. По продолжительности оно окажет долгосрочное, существенное влияние на экономику Вьетнама и реализацию его внешнеэкономической политики. С точки зрения пространства торговое соглашение с Европой помогает Вьетнаму диверсифицировать численность своих торговых партнеров и расширить стратегическое пространство в контексте усиливающейся конкуренции между большими странами. С точки зрения масштаба обязательства по Соглашению охватывают многие области и ориентированы на высокие стандарты, способствуя выведению Вьетнама на новый уровень в глобальной цепочке товарных поставок, обмена ценностями и открытий XXI в.

3.3.2. Влияние пандемии COVID-19 на экономику Вьетнама

По нашему мнению, значительное влияние на экономику Вьетнама и ЕС в ближайшие годы окажет COVID-19. Вьетнамская экономика будет расти, несмотря на пандемию. Ожидается, что темпы экономического роста Вьетнама сократятся до 4,8% в 2020 г. из-за воздействия COVID-19, о чем говорится в новом отчете Азиатского банка развития (АБР)²⁸⁷. В частности, вьетнамская экономика будет испытывать трудности от падения спроса со стороны основных торговых и инвестиционных партнеров. Экономический рост в 2020 г. замедлился до 3,8% в первом квартале 2020 г. по сравнению с

286. Сайт Торгово-промышленная палата Вьетнама – URL: <http://www.vccinews.vn/news/29385/5-thang-viet-nam-xuat-sieu-1-9-ty-usd.html>

287. Информационный сайт правительства Вьетнама – URL: <http://baochinhphu.vn/Kinh-te/ADB-Viet-Nam-giam-toc-do-COVID19-nhung-se-som-hoi-phuc/391959.vgp>

6,8% за аналогичный период прошлого года. Запрет на путешествия, иные ограничения, введенные правительством для замедления распространения вируса, привели к снижению внутреннего потребления. Рост в сельском хозяйстве стагнировал из-за снижения спроса на сельскохозяйственный экспорт и сильного засоления в дельте Меконга. Рост в секторе услуг, наиболее пострадавшем от пандемии, сократился до 3,2% в первом квартале 2020 г. по сравнению с 6,5% в соответствующий период в 2019 г. В случае сдерживания эпидемии COVID-19 в ближайшие два–три месяца, по прогнозам²⁸⁸, наиболее уязвимыми будут такие отрасли, как туризм, транспорт, торговля, экспорт сельскохозяйственной продукции. Другие виды деятельности Вьетнама с высокой гибкостью в зоне свободной торговли могут столкнуться с падением роста, в то время как только несколько компаний могут поддерживать нормальную работу.

Для поддержки экономической деятельности в начале марта 2020 г. вьетнамское правительство обнародовало пакет мер по реструктуризации внешней задолженности на сумму 10,8 млрд долл., снизило процентные ставки и комиссионные. Правительство сформировало бюджетный пакет на сумму 1,3 млрд долл., который снижает налоги и сборы для пострадавших фирм и откладывает уплату их налогов. Центральный банк СРВ снизил учетную ставку на 0,5–1%, а также уменьшил процентные ставки по депозитам в суммах менее чем на шесть месяцев и по краткосрочным кредитам в ссудах приоритетным секторам.

По данным ведущего ежегодного экономического издания АБР «Азиатское развитие 2020», основы экономики Вьетнама остаются устойчивыми. Если пандемия будет сдержана в первой половине 2020 г., рост должен восстановиться до 6,8% в 2021 г. и оставаться сильным в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Директор АБР во Вьетнаме

288. Кан Ван Лык. Доклад Банка инвестиции и развития вьетнама «Воздействие Ковид-19 на экономику вьетнама – URL: <http://trungtamwto.vn/chuyen-de/15243-dai-dich-covid-19-tac-dong-manh-den-nganh-kinh-te-nao-cua-viet-nam>

Эрик Сиджвик утверждает, что «несмотря на замедление экономической активности и негативные риски, связанные с пандемией COVID-19, экономический рост Вьетнама по прогнозам останется одним из самых высоких в Юго-Восточной Азии»²⁸⁹. Движущие силы экономического роста, такие как растущий средний класс и динамичный частный сектор, все еще устойчивы. Деловая среда в стране продолжает улучшаться. Согласно отчету Doing Business 2019 о деловой среде²⁹⁰, Вьетнам занимает 69/190 стран. По шкале 100 бизнес-среда во Вьетнаме достигла 68,36 балла, превысив 1,59 балла в Doing Business 2018 (66,77 балла). Вьетнам в настоящее время отстает от 4 стран в АСЕАН, включая Сингапур (2-е место), Малайзию (15-е место), Таиланд (27-е место) и Бруней (55-е место); но стоит выше Индонезии (73-е место), Филиппин (124-е место), Камбоджи (138-е место), Лаоса (154-е место), Тимора-Лешти (178-е место) и Мьянмы (171-е место).

Из 10 оцененных индексов Вьетнам имеет 6 пунктов роста (уплата налогов, доступ к электричеству, разрешения на строительство, разрешение споров по контрактам, запуск бизнеса, регистрация прав собственности); 3 индекса остались такими же, как и в предыдущем отчете (доступ к кредитам, трансграничные торговые операции, защита миноритарных инвесторов) и 1 индекс понижения (урегулирование банкротства бизнеса, снижение на 0,23 балла по сравнению с предыдущим отчетом).

Вместе с тем государственные расходы на борьбу с последствиями пандемии, вероятно, возрастут. Большое количество двусторонних и многосторонних торговых соглашений, в которых участвует Вьетнам, обещающих улучшение доступа к рынкам, будут способствовать восстановлению экономики

289. Вьетнамская экономика будет расти, несмотря на COVID-19 – MyVietHome. URL: <https://myviethome.com/vetnamskaya-ekonomika-covid19.html> (дата обращения: 20.02.2020).

290. Газета «Финансы» Министерства финансов Вьетнама – URL: <http://thoibaotaichinhvietnam.vn/pages/thoi-su/2018-11-01/wb-viet-nam-xep-thu-69-190-ve-moi-truong-kinh-doanh-2019-63771.aspx>

страны. Вьетнам также выиграет от сдерживания пандемии и возможного возвращения экономического роста Китая, что поможет возродить глобальные производственно-сбытовые цепочки.

3.3.3. Заключение

Соглашение свободной торговли между Вьетнамом и Европейским Союзом - это ЗСТ нового поколения, которая отличается от традиционных Соглашений о зоне свободной торговли. У такого Соглашения три преимущества:

- планы ЗСТ нового поколения относятся к так называемым неторговым вопросам (труда, окружающей среды, устойчивого развития и улучшенного управления);
 - по сравнению с «традиционными соглашениями о свободной торговле» и соглашениям ВТО «соглашения нового поколения» касаются новых тем: инвестиций, конкуренции, государственных закупок, электронной коммерции, развития малого и среднего предпринимательства, технической помощи развивающимся странам, а также условий для менее развитых стран в целях корректировки своей политики в соответствии с уровнем их развития;
 - в дополнение к существующим положениям прошлых Соглашений о свободной торговле и рамочной программе ВТО Соглашения ЗСТ нового поколения, такие как ЕС – Вьетнамское Соглашение о зоне свободной торговли, расширяют объем вопросов: торговли товарами, состояния животных и растений в международной торговле, торговли услугами и правом интеллектуальной собственности, которые можно рассматривать как соглашения ТРИПС (TRIPS) plus и ТРИПС super-plus, торговых гарантий, правил происхождения, прозрачности, урегулирования споров между инвесторами и государственными органами (ISDS), ряда других.
- Евро-вьетнамское соглашение свободной торговли

(ЕВССТ) повысит роль и позицию Вьетнама в отношениях ЕС–АСЕАН, а также создаст модель соглашения о свободной торговле (ССТ) между АСЕАН и ЕС в будущем. ЕВССТ не только ограничена в отношении между Вьетнамом – ЕС, но также предоставляет возможность обеим сторонам соглашения. Для Вьетнама – после долгого периода индустриализации и модернизации; при реализации ЕВССТ у Вьетнама будет достаточно возможностей для продвижения отношений с диверсификацией партнеров и облегчения дипломатического сотрудничества в контексте мировых политических и экономических потрясений.

Подписание обязательств ЕВССТ в тесной и всеобъемлющей форме с ЕС поможет Вьетнаму снизить риск чрезмерной зависимости от одного или нескольких рынков, таких как Китай, АСЕАН и США. В то же время ЕВССТ обещает помочь экономическим стратегиям правительства Вьетнама рассеивать риски в долгосрочной перспективе. Это рычаг, стимулирующий других партнеров укреплять отношения с Вьетнамом, особенно в сфере торговли и инвестиций. В частности, инвесторы из ЕС также получают возможность доступа к рынкам стран, которые подписали соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, с более преференциальным режимом, помогая продвигать отношения между ЕС и странами АСЕАН в частности или целым блоком АСЕАН в целом. Внедрение ЕВССТ создаст благоприятные условия для подписания ряда соглашений о свободной торговле с другими партнерами по ЕС, укрепления баланса экономических отношений с важными партнерами и уменьшения зависимости Вьетнама от экономик Юго-Восточной Азии. В то же время ЕВССТ создает предпосылку для обсуждения в будущем соглашения о ЗСТ между ЕС и АСЕАН, из которого Вьетнам будет продолжать укреплять свои позиции в регионе, способствуя процессу устойчивого развития АСЕАН.

Уровень приверженности в ЕВССТ между ЕВТТА и Вьетнамом создаст открытую инвестиционную среду, способствующую деятельности предприятий обеих сторон.

Вьетнам — первая развивающаяся страна в мире, подписавшая это соглашение с ЕС, и четвертая страна в Азии (вторая в АСЕАН) после Японии, Южной Кореи и Сингапура. После выполнения обязательств Вьетнам и ЕС будут соблюдать содержание EVFTA, чтобы создать правовую основу для сотрудничества и содействия импорту и экспорту бизнеса.

ЕВССТ напрямую влияет на деятельность по привлечению ПИИ экономики Вьетнама. После реализации ЕВССТ Вьетнам сможет укрепить торговое и инвестиционное сотрудничество между вьетнамскими предприятиями и крупными корпорациями, тем самым присоединившись к ведущим мировым цепочкам создания стоимости. Вьетнам имеет возможность стать перевалочной зоной и воротами для торговли и инвестиций ЕС в Азии.

В дополнение к ПИИ из ЕС, ЕВССТ постоянно открывает возможности для Вьетнама для привлечения ПИИ с других рынков. Когда ЕВССТ будет внедрена во Вьетнаме, ЕС, компании из США или Азии приедут во Вьетнам, чтобы получить 0% налога при экспорте в ЕС. Фактически, снижение налога до 0% для вьетнамских товаров при экспорте в ЕС сделает иностранные компании, в том числе не входящие в ЕС, более мотивированными для передачи инвестиций и производства во Вьетнам. В то же время компании-экспортеры во Вьетнаме должны найти способ соответствовать стандарту «сделано во Вьетнаме» в соответствии с определением ЕС, чтобы воспользоваться нулевым налогом по обязательствам в рамках ЕВССТ.

Прогнозируется, что в период 2020–2035 гг. не только увеличится количество рабочих мест, но также ожидается, что качество жизни работников также улучшится, причем наибольшее увеличение — это низкоквалифицированная рабочая группа²⁹¹. Ожидается, что средняя заработная плата вьетнамских рабочих увеличится на 3% благодаря влиянию

291. Нгуен Тхи Тху Чанг. Воздействие Соглашения EVFTA на макроэкономический рост Вьетнама в 2020 году. — URL: <http://tapchicongthuong.vn/bai-viet/nhung-tac-dong-tu-hiep-dinh-evfta-den-tang-truong-kinh-te-vi-mo-cua-viet-nam-nam-2020-71977.htm>

ЕВССТ. Кроме того, у работников будет много возможностей для конкуренции и повышения квалификации. ЕС устанавливает требования к качеству продукции, а также строгие производственные процессы. Именно это давление будет передаваться предприятиями работникам, создавая возможности для учебы, обменивания опытом и саморазвития.

Глава 3.4

МОНГОЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ²⁹²

«Разворот на Восток» воспринимается как важный и необходимый шаг в современной торговой политике России, вызванный пониманием роста важности региона для национального развития, необходимости диверсификации экспорта и импорта. Катализатором этого процесса стали экономические санкции, наложенные на Россию после событий 2014 г. рядом традиционных торговых партнеров. При этом особая роль в развитии торгово-экономического сотрудничества уделяется Китаю, странам АСЕАН и Японии. Вместе с тем одному из ближайших соседей, история взаимодействия с которым в советский период была довольно насыщенной, достается существенно меньше внимания. В рамках данной работы сделана попытка показать, что, несмотря на скромные объемы различных видов внешнеэкономических связей России и Монголии, в торговой политике РФ этому соседу следует уделять большее внимание.

3.4.1. Методологические основы исследования

В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть эволюцию развития российско-монгольских торговых отношений в институциональном контексте. Для этого автор опирается на подход неолиберального институционализма, в соответствии с которым государства стремятся сотрудничать, имея дело с асимметричной или недостаточной информации.

292. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51- 93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

ей и стремясь ограничивать степень неопределенности. Такой подход использовался, например, для оценки российско-бразильских отношений²⁹³. Авторы соглашались с мнением ван Брегейка о том, что чем больше расстояние между странами, тем больше событий в рамках государственного взаимодействия необходимо для уменьшения неопределенности в торговле, а надлежащая экономическая дипломатия могла бы стимулировать торговые связи между государствами²⁹⁴. Несмотря на то, что Россия и Монголия имеют общую протяженную границу, расстояние между столицами – центрами принятия политических решений – довольно велико. Монголия как страна с небольшим внутренним рынком и более скромным экономическим потенциалом начиная с 90-х гг. XX в. не входила в сферу стратегических интересов России. Даже в настоящее время в своем «развороте на Восток» Россия ориентируется прежде всего на Китай – в противовес странам Запада, а также на Индию и Японию – уже в противовес Китаю²⁹⁵.

Существенными элементами экономической дипломатии являются государственные визиты и другие формы взаимодействия, в том числе заключение международных договоров по различным аспектам экономического и политического сотрудничества. Поэтому сначала рассмотрим данные о двусторонних визитах на высшем уровне, заключенные соглашения между двумя странами. Затем попытаемся проследить на основе анализа двусторонней торговли и инвестиционных связей экономические эффекты институциональных взаимоотношений.

-
293. Koval A., Dantas A. 2019. Contemporary Russian-Brazilian Trade Relations Contemporary Russian-Brazilian Trade Relations. In: Russian Trade Policy Achievements, Challenges and Prospects. Sutyurin S. F., Trofimenko, O. Y. & Koval, A. G. (ред.). London: Routledge, 2019.
294. van Bergeijk, PAG 2009, Economic Diplomacy and the Geography of International Trade, Edward Elgar Publishing, Cheltenham and Northampton.
295. Cheang C. 2019. Russia's Pivot to the East: A New Balance? – URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/russias-pivot-to-the-east-a-new-balance/#.XpdUnfgzY2x>

3.4.2. Результаты исследования

В начале 1990-х годов XX века экономическое сотрудничество с Монголией резко сократилось после распада Советского Союза и фокусировкой России на решение внутренних проблем. Некоторый подъем в двусторонних отношениях начался лишь после 2000 года. Если говорить о двусторонних визитах, то главы Российской Федерации посещали Монголию по официальным каналам 4 раза. Первый Президент России Б.Н. Ельцин в статусе президента Монголию не посещал. Впервые страну посетил 13–14 ноября 2000 года с официальным визитом В. Путин. Затем 26 августа 2009 г. состоялся государственный визит Д. Медведев²⁹⁶. В. Путин посещал Монголию еще дважды: 3 сентября 2014 г. с рабочим визитом и 2–3 сентября 2019 г. — с официальным. Во всех случаях поездки так или иначе были связаны с участием в мероприятиях, посвященных совместной победе на Халхин-Голе. Каждая такая встреча сопровождалась заключением тех или иных международных соглашений. Так, например, по итогам переговоров 2009 г. была подписана Декларация о развитии стратегического партнерства между Россией и Монголией.

Монгольские лидеры также посещали Россию с визитами. Среди недавних — поездка в декабре 2019 г. премьер-министра Монголии Ухнаагийн Хурэлсух, где он встретился с президентом, председателем правительства Российской Федерации. Стороны обсуждали вопросы двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, промышленной, транспортной, энергетической, сельскохозяйственной, культурно-гуманитарной и других областях²⁹⁷.

В настоящее время отношения между странами поддерживаются на уровне глав государств, правительств, внешнеполитических ведомств, регионов. Функционирует российско-монгольская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудни-

296. Информационная служба Кремля — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/45435>

297. РИА новости 2019. Премьер-министр Монголии прибыл с визитом в Россию. 03.12. — URL: <https://ria.ru/20191203/1561890641.html>

честву. Вопросы межрегионального сотрудничества России и Монголии рассматриваются в рамках подкомиссии по региональному и приграничному сотрудничеству. Также действует Рабочая группа по контактам Монголия—ЕАЭС и механизм Россия—Монголия—Китай. Монголия и Россия придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, принципов равноправия, взаимной выгоды и взаимного уважения интересов сторон.

Основой современных российско-монгольских отношений являются Бессрочный договор о дружбе и стратегическом партнерстве между Россией и Монголией, заключенный в 2019 г., сменивший Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией 1993 г. Всего между двумя странами действует более 150 различных договоров и соглашений. Эти документы охватывают широкий спектр вопросов, связанных с сотрудничеством двух стран. К ним можно отнести соглашения, касающиеся взаимодействия как по общим вопросам торгово-экономического взаимодействия, так и по конкретным его направлениям. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от того, на реализацию каких целей они направлены.

В первую группу входят договоры, касающиеся общих вопросов двустороннего сотрудничества, например Соглашение между Российской Федерацией и Монголией о внесении изменения в Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 17 декабря 1957 г., заключенное путем обмена нотами от 27 сентября 2019 г. и 11 октября 2019 г.²⁹⁸ В 2019 г. было подписано Межправительственное соглашение о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству²⁹⁹. Между регионами России и аймаками Мон-

298. Соглашение между РФ и Монголией о внесении изменения в Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 17 декабря 1957 г., заключенное путем обмена нотами от 27 сентября 2019 г. и 11 октября 2019 г.

299. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.)

голии также действуют 33 соглашения о межрегиональном сотрудничестве³⁰⁰.

Ко второй группе можно отнести договоры, направленные на взаимодействие в рамках конкретных отраслевых сфер. Например, сюда попадают соглашения о сотрудничестве в области электроэнергетики (2019)³⁰¹, об условиях транзитных перевозок грузов (2018)³⁰², о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (2000)³⁰³, о поощрении и взаимной защите капиталовложений (1995)³⁰⁴. В 2018 г. Россия, Китай и Монголия договорились создать Рабочую группу по реализации Программы Экономического коридора трех стран. В качестве приоритетного проекта определена модернизация и развитие Центрального железнодорожного коридора, частью которого является совместное российско-монгольское предприятие «Улан-Баторская железная дорога»³⁰⁵. Также Россия (с 2008 г.) и Монголия (с 1991 г.) (наряду с Китаем и Республикой Корея) участвуют в проекте «Расширенная Туманганская инициатива» (РТИ) – изначально «Программа по развитию района реки Туманная» (ПРРТ). Ее целями являются, в том числе, развитие инфраструктурных проектов и повышение инвестиционной привлекательности региона³⁰⁶.

-
300. Минэкономразвития 2019. Россия и Монголия расширяют межрегиональное и приграничное сотрудничество – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_mongoliya_rasshiryayut_mezhregionalnoe_i_prigranichnoe_sotrudnichestvo.html.
301. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области электроэнергетики (Москва, 3 декабря 2019 г.)
302. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об условиях транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом (Улан-Батор, 8 июня 2018 г.)
303. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (Улан-Батор, 14 ноября 2000 г.)
304. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Улан-Батор, 29 ноября 1995 г.)
305. Минэкономразвития 2018. Россия, Монголия и Китай создадут Рабочую группу по реализации Программы Экономического коридора – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_mongoliya_i_kitay_sozdadut_rabochuyu_gruppu_po_realizacii_programmy_ekonomicheskogo_koridora_.html
306. Greater Tumen Initiative 2020. – URL: <http://www.tumenprogramme.org/?list-1524.html>

Третья группа соглашений посвящена перемещению граждан двух стран. Они затрагивают визиты как для туристических целей, процессы международной миграции рабочей силы: об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии (2014)³⁰⁷, о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства (2012)³⁰⁸.

Четвертая группа направлена на обмен информацией, необходимой для предотвращения финансовых нарушений: о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (2011)³⁰⁹, о сотрудничестве в области банковского надзора (2008)³¹⁰, о сотрудничестве и обмене информацией по вопросам соблюдения налогового законодательства (2001)³¹¹.

Еще одна группа соглашений касается взаимодействия по политическим вопросам и касается совместной деятельности в военно-политической сфере: о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом (2019)³¹², Протокол об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе (2018)³¹³, о взаимной охране интеллектуальной

-
307. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан РФ и граждан Монголии (Улан-Батор, 3 сентября 2014 г.)
 308. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства (Москва, 17 февраля 2012 г.)
 309. Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу и подразделением финансовой информации при Банке Монголии о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (Ереван, 13 июля 2011 г.)
 310. Соглашение между Центральным банком РФ (Банком России) и Центральным банком Монголии (Монголбанком) о сотрудничестве в области банковского надзора от 17 сентября 2008 г.
 311. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве и обмене информацией по вопросам соблюдения налогового законодательства (Москва, 18 мая 2001 г.)
 312. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.)
 313. Протокол о возобновлении действия Соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе от 3 марта 2004 г. (Улан-Батор, 27 июня 2018 г.).

собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества (2011)³¹⁴, о взаимной защите секретной информации (2003).³¹⁵

Также следует отметить соглашения, заключенные между отдельными государственными органами двух стран: о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии (2001)³¹⁶, о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии (2000)³¹⁷ и ряд других.

Взаимодействие между странами не ограничивается двусторонним уровнем. Так, важные элементы сотрудничества осуществляются на уровне ЕАЭС³¹⁸. Они, в том числе, касаются вопросов санитарных и фитосанитарных мер (2017)³¹⁹, технического регулирования (2017)³²⁰.

Наиболее продуктивным на соглашения оказался 2019 г. Важнейшим является Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией. Росгеология и монгольское Агентство полезных ископаемых и нефти подписали соглашение о сотрудничестве в сфере разведки полезных ископаемых. Стороны также намерены сотрудничать в сфере поиска, разведки и эксплуа-

-
314. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о взаимной охране интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества (Москва, 31 мая 2011 г.)
 315. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о взаимной защите секретной информации (Москва, 1 июля 2003 г.)
 316. Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии (Москва, 11 апреля 2001 г.)
 317. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции РФ и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии (Москва, 17 октября 2000 г.)
 318. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Монголии (Москва, 17 июня 2015 г.)
 319. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Главным управлением Специализированной инспекции Монголии в области ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер (Улан-Батор, 4 октября 2017 г.)
 320. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Агентством по стандарту и метрологии Монголии в области технического регулирования и аккредитации (Улан-Батор, 4 октября 2017 г.)

тации месторождений подземных пресных вод, осуществлять капиталовложения в национальных валютах, российские железнодорожники готовы помогать монгольским партнерам в модернизации путей, обновлении локомотивного парка, строительстве новых транспортных магистралей³²¹.

В целом, следует отметить, что договоры, имеющиеся между Россией и Монголией, носят всеобъемлющий характер. Действительно, они охватывают широкий спектр направлений двустороннего взаимодействия. Наличие мощной институциональной платформы в сочетании историческими связями, налаженными еще в советские годы, могло бы послужить основой для углубленного развития экономических связей. Однако на практике этого не происходит.

Присутствие России в реализации тех или иных проектов в Монголии не всегда вызывает позитивную реакцию. Так, некоторые представители монгольского общества считают, что Россия традиционно стремилась к тому, чтобы Монголия была зависимой от нее. Страна находилась в зоне экономического и политического влияния СССР до 1991 г., в связи с чем вполне логично было ожидать негативной реакции на действия России в определенных сферах сотрудничества. Например, вызывает недовольство зависимость от российских поставок электроэнергии, а также противодействие Россией строительству ряда ГЭС на реках страны по экологическим соображениям³²². Определенное раздражение существует и в российском обществе в связи со списанием части внешнего долга Монголии, сформировавшегося перед Советским Союзом³²³.

Причины сложностей в укреплении экономических связей лежат в особенностях развития двух стран. Некоторые аспекты торговой политики России оказывают непосредственное влияние на формирование экономических связей с Монголией. Россия, находящаяся между Западом и Восто-

321. Gazeta.ru 2019 – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/09/02_a_12620713.shtml

322. REGNUM 2019. <https://regnum.ru/news/polit/2706968.html>

323. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об урегулировании финансовых обязательств Монголии перед РФ (Москва, 14 декабря 2010 г.)

ком, традиционно в своей торговой политике в большей степени ориентирована на Запад. Даже после переориентации торговых потоков в условиях экономических санкций, провозглашенного «разворота на Восток», проекта БРИКС и др., основные торговые партнеры страны находятся в противоположной стороне.

Монголия, по сравнению с другими государствами, представляет ограниченные возможности для сотрудничества. Это аграрно-индустриальная страна, основным сектором экономики которой традиционно являлось сельское хозяйство, в нем и сейчас занято чуть менее половины трудоспособного населения страны, а доминирующей сферой выступает животноводство³²⁴. Производство ориентировано в большой степени на добычу полезных ископаемых. Следует отметить, что страна сталкивается с проблемой глубокой переработки сырья, и это проявляется в сырьевом характере экспорта Монголии. Население страны составляет чуть более 3 миллионов человек³²⁵, что говорит о довольно узком рынке сбыта.

Страна не имеет выхода к морю и граничит только с двумя государствами – Россией и Китаем, что также влияет на развитие торговли. Они являются двумя ключевыми торговыми партнерами Монголии, причем объемы торговли с Китаем существенно превышают аналогичные показатели с участием России. Как свидетельствуют приводимые ниже данные, доля РФ в экспорте невелика. Стараясь отойти от доминирования Китая и России во внешних связях Монголии, она пытается проводить так называемую многовекторную политику, в частности, идею 30:30:40, в которой во внешнеэкономических связях на долю Китая и России, по мнению руководства страны, должно приходиться по 30 процентов, а на долю третьих стран – 40³²⁶. Надо сказать, что этот подход к настоящему

324. Баасантогтох О. 2016. Проблемы трудовой занятости сельского населения Монголии // Евразийство и мир. 2019. № 1. С. 68–74.

325. Countrymeters 2020. Население Монголии – URL: <https://countrymeters.info/ru/Mongolia>

326. Российский совет по международным делам 2019. Национальные и экономические интересы России в Монголии. 7 февраля 2019 г. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/natsionalnye-i-ekonomicheskie-interesy-rossii-v-mongolii/>

времени большого успеха не имел и целевые показатели вряд ли будут достигнуты в ближайшее десятилетие.

Среди основных проблем Монголии выделяют также недостаток инвестиций, неравномерное распределение населения (в центре страны, столице, г. Улан-Батор, проживает практически половина всех жителей страны), политическая нестабильность и частая смена монгольских правительств, коррупция и вывоз капитала³²⁷. Кроме того, отмечается непоследовательная политика Монголии и его высшего руководства, а также постоянные изменения в правовой среде относительно иностранных инвестиций, связанных с владением крупными месторождениями полезных ископаемых³²⁸.

Россия является вторым по величине торговым партнером Монголии после Китая. Несмотря на это, товарооборот с Россией относительно невелик. Более того, в 2018 г. продажа товаров в Россию составляла всего 1,1% монгольского экспорта, тогда как поставки из России достигали 28,1% монгольского импорта (для сравнения: для Китая соответствующие показатели в 2018 г. составляли 85 и 32,6% соответственно)³²⁹. Соответственно, в Монголии наблюдается беспокойство по поводу большого отрицательного сальдо торгового баланса. Рисунок 3.7 показывает относительную значимость двусторонней торговли для России и Монголии. На фоне общих данных по российскому экспорту поставки из России в Монголию находятся у нулевой отметки и различимы на графике только по вспомогательной оси: при общем объеме экспорта России в 2018 году практически в 500 млрд долл. общий импорт Монголии составлял лишь 5,9 млрд, при этом из России — 1,6 млрд. При этом следует отметить, что динамика экспорта в Монголию совпадает с общей динамикой экспорта России.

327. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. 2017. Экономика Монголии в системе большой Евразии. Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты, (1), 136-144.

328. Даваасурэн Авирмэд 2019. О состоянии российско-монгольских отношений 26 декабря 2019 – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/>

329. WTO. Trade Profiles 2019 – URL : https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles19_e.pdf

Это прежде всего связано с изменением цен на основные товары российского экспорта.

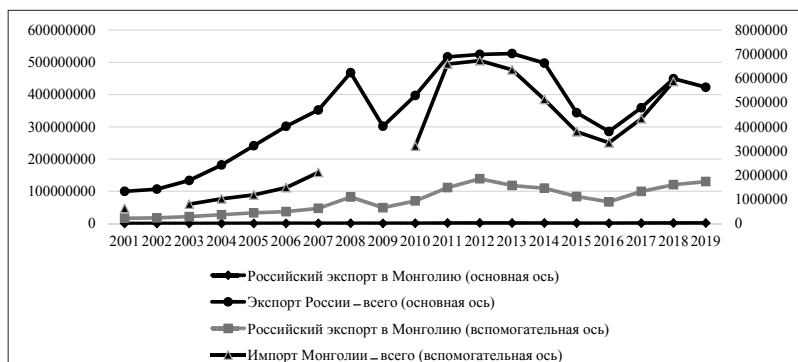

Рис. 3.7. Российский экспорт в Монголию, тыс. долл.

Источник: ITC Trade Map 2020 – URL: <https://m.trademap.org/#/main>

* Сопоставимые данные по импорту Монголии в 2008 и 2009 г. отсутствуют.

Структура российского экспорта в Монголию практически повторяет его общую структуру. Так, на минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки и битумные вещества приходится около 65% поставок, на железо и сталь – всего 4%, на машины, механические устройства, ядерные реакторы, котлы и их части – 3%, на железнодорожные локомотивы, удобрения и семена и злаки – по 2%. Такой состав поставок говорит о том, что в настоящее время экспортный потенциал российской несырьевой продукции весьма ограничен. Вместе с тем, доля промышленной продукции в импорте Монголии в 2017 г. составила 62,5%, а сельскохозяйственной – 14,1% что свидетельствует об их востребованности в этой стране³³⁰.

Рисунок 3.8 наглядно демонстрирует весьма скромную долю России в монгольском экспорте. В структуре монгольского экспорта преобладает продукция горнодобывающей промышленности: 82,7% в 2017 г. Экспорт сельскохозяйственной продукции, которая занимает второе место, составляет всего 7,6%³³¹. В Россию поставляются преимущественно

330. ITC Trade Map, op.cit.

331. Ibid.

соли, сера, камни, штукатурные материалы, известь и цемент (77,7%), а также, с большим отрывом, предметы одежды (9,5%), шерсть и шерстяная пряжа (2,3%).

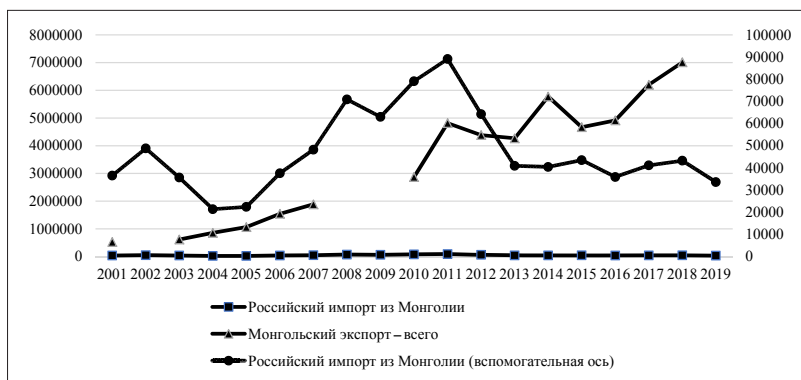

Рис. 3.8. Российский импорт из Монголии, тыс. долл.
 Источник: ITC Trade Map, orcit.

Российские инвестиции в Монголию в последние годы характеризуются преимущественно оттоком капитала из страны. Рисунок 3.9. это наглядно демонстрирует. Россия вышла из ряда проектов, созданных еще во времена СССР, о новых инвестициях, несмотря на заверения в необходимости развивать сотрудничество, речь практически не идет.

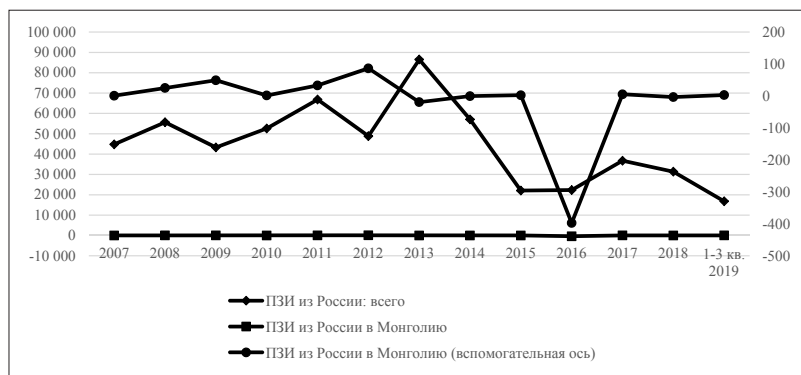

Рис. 3.9. Российские прямые инвестиции в Монголию, млн долл.
 Источник: Центробанк РФ.

Самым ярким примером выхода из активов является продажа в 2016 г. российской доли «Эрдэнэт» – созданного еще в 1973 г. совместного предприятия по разработке одного из крупнейших в мире медно-молибденовых месторождений и акций компании «Монголцвѐтмет». Госкорпорация Ростех, которой были переданы эти активы в 2008 году, высоко оценивала результаты сделок, а в качестве причин выделяла необходимость привлечения финансовых ресурсов для других проектов и в целях проведения комплекса мер по повышению акционерной стоимости предприятий³³². Однако независимые исследователи данного вопроса выделяют жесткую налоговую политику руководства Монголии, направленную на получение дополнительных поступлений в бюджет от налогообложения «сверхприбыли», когда цены на выпускаемую продукцию на мировом рынке были высоки. Когда же вследствие падения мировых цен на медь предприятия столкнулись со снижением доходности, привлекательность активов снизилась еще больше. Также среди причин выхода из капитала этих компаний отмечают непривлечение российской стороны к принятию стратегических решений, касающихся деятельности компаний³³³, высокий уровень коррупции в данном секторе и другие³³⁴. Эти факторы, однако, не препятствуют компаниям из других стран активно инвестировать в горнодобывающую промышленность Монголии. Так, в 2011–2018 гг. на Канаду приходилось 46% притока ПИИ в эту сферу. Капиталовложения также осуществляли компании из стран ЕС и Китая. Доля Российской Федерации скромна и составляет лишь 0,5% ПИИ³³⁵.

332. Ростех (2016). Ростех продал 49% акций «Эрдэнэта» Монгольской медной корпорации. 30 июня 2016 г. – URL: <https://rostec.ru/news/4518501/>

333. Данилов Ю.Г., Никифорова В.В., Леонтьев С.П., Константинов Н.Н., Хосоев Д.В. ГОК «Эрдэнэт»: история и перспективы развития. Горная промышленность. 2019;(5):24–27. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-5-24-27

334. Отгочулуу Ч. 2016. Государственная политика Монголии в минерально-сырьевой отрасли и ее проведение в интересах устойчивого развития страны // Право на этапе перехода. 2016.

335. OECD 2019. Стратегическое планирование инфраструктуры для устойчивого развития в Монголии. – URL: <http://www.oecd.org/env/outreach/Item3-Assessment-Mongolia-RUS.pdf>

Несмотря на эти соображения, сделки генерировали целый ряд вопросов не только в Монголии, но и за ее пределами. Так, у ученых вызывает недоумение позиция России по данным операциям. С одной стороны, страна стремится поддерживать свое геополитическое влияние в регионе, а с другой стороны, она относительно легко вышла из стратегически важных активов. Полученные средства, не превышающие 500 млн долл., представляются незначительными для России, даже в условиях действия наложенных на нее странами запада экономических санкций. Кроме всего прочего, вызывает недоумение и согласие монгольского правительства по продаже активов частному бизнесу, без какой-то стратегической выгоды для государства³³⁶. Непростая ситуация, связанная с данными сделками, повлекла за собой волну арестов в Монголии³³⁷.

Таким образом, можно согласиться с мнением, что в последние годы поступательное развитие в российско-монгольских отношениях происходило в наибольшей степени лишь в политической и геополитической сферах, а в торгово-экономической и инвестиционной областях наблюдается застой³³⁸. Вместе с тем, стороны обсуждают развитие существующих и новые перспективные проекты. Так, на повестке дня стоит вопрос заключения соглашения о зоне свободной торговли с ЕАЭС, о членстве Монголии в ШОС (следует, однако, отметить, что Монголия предпочитает оставаться в статусе наблюдателя).

Сегодня большое внимание уделяется сотрудничеству в рамках совместного российско-монгольского АО Улан-Баторская железная дорога (УБЖД) и АО Транс-Монгольская железная дорога. Последняя нуждается в модернизации (в

336. Предприятие Mongolian Copper Corporation, созданное одним из крупных частных банков страны – «Банком торговли и развития», – выкупило 49% российских акций (Данилов и др. 2019).

337. ADR 2019. В Монголии продолжаются аресты по делу о 49% акций Эрдэнэटा. 06.03 – URL: <http://asiarussia.ru/news/21535/>

338. Даваасурэн Авирмэд. 2019. О состоянии российско-монгольских отношений 26 декабря – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/>

том числе потому, что является, в основном, однопутной). Усовершенствование может дать доступ к важным месторождениям меди и угля в пустыне Гоби. Также она может улучшить транзитный потенциал Монголии и России в Азии, участвуя в обеспечении грузопотоков между Европой и странами Азии. В настоящее время идет строительство ветки Таван Толгой – Зунбаян, а также планируется прокладка другой ветки Зунбаян – Ханги, что позволит увеличить пропускную способность УБЖД.

Россия готова участвовать также в реализации горно-рудных проектов, например, в сотрудничестве по освоению месторождения полиметаллов Асгат на северо-западе Монголии и урановых месторождений на востоке страны; строительству медеплавильного завода на ресурсной базе ГОК Эрдэнэт; модернизации металлургического комплекса в Дархан-Селенгинском промышленном районе и созданию коксохимического комплекса на базе месторождения Таван-Толгой. Техническое перевооружение монгольских предприятий отрасли предполагается осуществлять на основе российских технологий³³⁹.

Еще одним направлением сотрудничества может стать прокладка магистрального газопровода из России в КНР через территорию Монголии. Данный проект еще находится в стадии рассмотрения, в том числе, с точки зрения потенциала и рисков, связанных с его созданием. Однако реализация этого и других планов не в полной мере позволяет раскрыть потенциал сотрудничества между странами. Следует еще раз отметить, что и Россия, и Монголия сильно зависят от экспорта сырьевой продукции и мировых цен на нее. Сотрудничество в двустороннем формате должно быть направлено прежде всего на преодоление данной проблемы путем создания производств с высокой добавленной стоимостью.

339. Министерство иностранных дел Российской Федерации 2019. Интервью Посла России в Монголии И.К.Азизова агентству «РИА Новости» 9 декабря. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/-/asset_publisher/tuvvygVo4bpCH/content/id/3941417

Переориентация Монголии в торговле и инвестициях на другие страны по сравнению с советским периодом ведет к снижению влияния России в данной стране. Дополнительным подтверждением этому является анализ миграционных потоков. Так, самая крупная монгольская диаспора находится в Республике Корея. Монгольская молодежь, в меньшей степени, чем более старшее поколение страны, ориентирована в своих приоритетах на Россию. Для получения образовательных услуг за рубежом также зачастую выбирается страна утренней свежести³⁴⁰.

Однако России, несмотря на малые объемы внешнеэкономических связей с Монголией, не следует отмахиваться от такого партнера. Во-первых, это государство, с которым у РФ есть общая граница, экономическая и политическая его устойчивость важна для обеспечения стабильности в России. Во-вторых, это лояльная по отношению к РФ страна, и поддержание экономических связей может (хоть и незначительно) снизить негативный эффект от экономических санкций, наложенных на Россию. В-третьих, Монголия может выступать в качестве союзника РФ в различных международных организациях, в том числе ВТО. В-четвертых, это страна, с которой у России существуют долгосрочные отношения, а тот факт, что существенная часть населения владеет русским языком, может облегчить ведение бизнеса. И главное – страны могут вместе сотрудничать в борьбе за мир, безопасность, взаимодействовать в решении трудноразрешимых вопросов в Азиатском регионе.

Исходя из вышеизложенного, России следует уделять более серьезное внимание Монголии в реализации своей торговой политики. Ее целями в ближайшие годы могут стать следующие:

- сохранение позитивного имиджа страны, что становится все более сложной задачей вследствие все более

340. Балдано М.Н., Кириченко С.В. 2015. Монголия на перекрестке внешних миграций: монгольские мигранты в Южной Корее. Международный научный журнал «Символ науки». 2015 № 9.

усиливающегося экономического и политического доминирования Китая и других стран³⁴¹;

- сохранение геополитического и экономического влияния России за счет увеличения ее присутствия в крупных инфраструктурных проектах, созданию производств в горнодобывающей промышленности, проектах по созданию производств высокой степени переработки сырья;
- сохранение стабильности военно-политической ситуации в треугольнике Россия—Монголия—Китай;
- развитие пограничного сотрудничества российских субъектов федерации с монгольскими аймаками, развитие российско-монгольской торговли;
- увеличение экспорта продукции машиностроения;
- расширение экспорта продовольственных товаров;
- современные образовательные проекты, экспорт образовательных услуг, «культурная дипломатия», которым в последние годы уделяется очень мало внимания.

Для реализации этих целей следует усилить институциональную поддержку российских компаний, культурных и образовательных учреждений, которые могли бы включить Монголию в сферу своих экономических интересов. Это касается проведения информационных семинаров, выставок, ярмарок и других подобных мероприятий. Примечательно, что по состоянию на июнь 2020 г. на странице торгового представительства России в Монголии указаны лишь его телефон и электронная почта. Какая-либо информация о ведении бизнеса в этой стране отсутствует. В этой связи представляются важными планы сотрудничества между российской Торгово-промышленной палатой и национальной ТПП Монголии. Востребованным представляется и проект создания совместного российско-монгольского фонда инвестиционного сотрудничества, который мог бы оказывать поддержку совместным замыслам. Необходимо также проявить политическую

341. То обстоятельство, что старшее поколение жителей Монголии в целом позитивно относится к России, позволяет облегчить эту задачу.

волю для того, чтобы данные ранее обещания о реализации ранее запланированных инициатив воплотились в жизнь.

3.4.3. Заключение

Итак, анализ институциональной основы российско-монгольских отношений показал, что двусторонние договоры носят всеобъемлющий характер. Взаимодействие на высшем уровне носит позитивный характер, а новый бессрочный базовый договор 2019 г. демонстрирует максимально высокую степень политического доверия и взаимодействия. Проблемы возникают в реализации конкретных торгово-экономических и инвестиционных проектов. Перспективными сферами сотрудничества между странами являются энергетика, транспортная инфраструктура, разработка полезных ископаемых. При этом необходимо помнить, что экспортный потенциал двух стран будет лучше реализован за счет продажи продукции более высокой степени переработки, на что и должны быть направлены совместные проекты двух стран.

Среди проблем, с которыми сталкиваются страны до сих пор, несмотря на мощную институциональную поддержку, являются: довольно слабый интерес со стороны российского правительства к развитию связей с Монголией, недоверие со стороны этой страны (слишком долго те или иные идеи сотрудничества остаются на уровне деклараций), небольшой внутренний рынок Монголии, однобокая структура внешней торговли, характерная для двух стран, постепенное доминирование других стран. Более последовательная политика России в отношении Монголии сможет способствовать укреплению ее позиций в регионе.

РАЗДЕЛ 4

**ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОГО
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ
И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Глава 4.1

ЗАДАЧИ РОССИЙСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА В БРИКС – ПРИОРИТЕТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ, СОТРУДНИЧЕСТВА И ИННОВАЦИОННОГО РОСТА

4.1.1. Глобальная турбулентность и возможные ответы БРИКС

Девиз российского председательства «Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста» обозначил три основных приоритета (рис. 4.1), которые встали во главу повестки, предложенной Россией своим партнерам по объединению. Однако пандемия коронавируса сместила ориентиры в международных делах и внесла свои коррективы в планы российского председательства, тем самым заново расставив акценты. Экстремальная ситуация обнажила многие старательно заматававшиеся под ковер мировые проблемы и потребовала от БРИКС реакции на новые вызовы.

Эта тревожная реальность наложила на то, что было давно уже ясно: нужны определенная перезагрузка БРИКС, выработка новых подходов, поскольку к концу первого десятилетия своего существования БРИКС фактически вступил на стадию плато развития. Для всех стран БРИКС приоритеты остались на Западе, противоречия между ними никуда не делись, сближение позиций, их лучшее взаимное понимание и учет интересов все же не привели к выработке единых подходов к важнейшим мировым проблемам, которые могли бы обосновать претензию БРИКС на более значимую роль в гло-

бальном управлении, тем более к радикальной перестройке его системы.

Нужно отметить, что после довольно проблемного, хотя в целом удачного бразильского председательства, в России возлагались большие надежды на то, что, встав у штурвала БРИКС в 2020 г., Россия сможет предложить и начать реализовывать новый курс, который позволил бы БРИКС преодолеть известную инерцию первого десятилетия его существования. Необходимо сгладить противоречия внутри самого БРИКС, предложить конкретные меры по повышению роли объединения в структуре глобального управления на фоне эрозии существующего мирового порядка и разлада в традиционных, контролируемых Западом, международных организациях.

Для России вызовы, связанные с пандемией коронавируса и соответствующими ограничительными мерами государств-партнеров в разных областях, усугубились также вторым «черным лебедем» — падением цен на нефть и переделом мировых нефтяных рынков, от которых Россия полностью зависит. Не будет преувеличением сказать, что мир в високосном году неожиданно столкнулся с историческим переломом, который почти подорвал глобализацию экономики, заставил по-новому взглянуть на нынешнюю систему глобального управления. Обострились социально-экономические противоречия внутри практически всех стран (многие даже задумались о кризисе самой капиталистической системы производства и распределения), а также между странами, причем разгорелись прежние очаги конфронтации, вдобавок появились новые раздражители. Конечно, все это не может не оказать значительного влияния на российское председательство в БРИКС (к сожалению, неизбежно сокращение масштабов и числа мероприятий) и долгосрочные перспективы развития объединения.

Страны БРИКС — начиная с Китая, в том числе и Россия, подверглись серьезному удару, пандемия и ее последствия стали существенным вызовом для развития экономического

сотрудничества в рамках БРИКС. Разбалансировка мировой экономики, разрыв и переориентация связей привели к определенным спадам и в рамках самого БРИКС, в том числе к ослаблению связей между его участниками, которые оказались занятыми собственными делами и стали руководствоваться своими интересами.

Полномасштабные последствия нынешних событий еще предстоит оценить. По-новому стала восприниматься концепция устойчивого развития. Вместе с тем наряду с сокращением обменов людьми мощный импульс развития получают цифровая экономика и коммуникации. Уже общим местом стало заклинание: «мир не будет прежним».

А как может БРИКС и деятельность России в нем воздействовать на то, каким «станет мир»? Если рассмотреть приоритеты России, то вызовы можно сгруппировать в трех областях, обозначенных как раз как приоритеты российского председательства.

Во-первых, это глобальная стабильность. Пандемия привела к росту национально-государственного эгоизма и обострению межстрановых конфликтов. Чего только стоит «гибридная война» между США и Китаем, логика которой заставляет страны БРИКС определиться со своей позицией, поскольку риск развязывания глобального конфликта день ото дня возрастает. В условиях распада системы поддержания мировой стратегической стабильности, развития региональных кризисов и даже их неожиданного углубления в непосредственной близости к странам БРИКС объединение сталкивается с серьезными вызовами для того, чтобы стать «архипелагом стабильности» во все более непредсказуемом мире. России важно в полной мере использовать эту возможность.

Здесь определенные возможности для взаимодействия с разными акторами может предоставить и институциональный механизм БРИКС+, формированию которого, на наш взгляд, Россия должна способствовать.

Во-вторых, безопасность и стабильность образа жизни. Этот приоритет сводится и к внутренним ее аспектам. При-

оритеты серьезно сместились — так, проблемы терроризма и трансграничной преступности, включая наркотрафик, явно потеряли остроту из-за ограничительных мер. Сегодня, когда многие страны по причине и где-то под предлогом пандемии коронавируса переходят ко внутренним жестким мерам, «цифровому тоталитаризму», не учитывающим права человека, формулирование «новой нормы» в образе жизни является серьезным новым вызовом, на который БРИКС пока ответа даже не ищет, во всяком случае, в многостороннем формате. Предстоит еще осмыслить опыт стран БРИКС в реакции на такого рода вызовы и в том, нужна и возможна ли здесь координация.

Третий приоритет России — инновационный рост, — хотя и должен был открыть окно возможностей для развития сотрудничества между экономиками стран БРИКС, стал в нынешнем году чуть ли не умоглядным в связи с турбулентностью на мировых товарных и валютных рынках. Одновременно жизнь диктует новые технологические приоритеты: странам БРИКС необходима гибкость для того, чтобы их учитывать, тем более в связи с самозакрытием Запада в плане обмена технологиями.

Как известно, в рамках международного экспертного сообщества, в том числе механизма Совета экспертных центров БРИКС, который с российской стороны возглавляет Национальный комитет по исследованию БРИКС, было выработано долгосрочное видение, которое стоит на пяти ключевых столпах: содействие экономическому росту и развитию; мир и безопасность; социальное равенство и устойчивое развитие, улучшение качества жизни; политическое и экономическое управление и достижение всеобщего прогресса путем обмена знаниями и инновациями.

Программы, которые были разработаны на основе такого понимания, очень важны, и многие из них вошли в стратегию деятельности России в БРИКС. Особого внимания заслуживает «Стратегия экономического партнерства до 2025 г.», в рамках которой намечен переход к новым технологиям, в

том числе к цифровому и финансовому сотрудничеству в рамках БРИКС. Как было сказано, БРИКС примеряет на себя роль «архипелага стабильности», базируясь на долгосрочных интересах входящих в него цивилизаций и на выработке курса по удержанию в равновесии бушующего кризисами современного мира. Несмотря на то, что в нынешнем году страны БРИКС столкнулись с указанными выше вызовами, эта стратегическая цель сохраняется.

В связи с этим важно не только взаимодействие внутри самого БРИКС, но и развитие формата БРИКС+, т.е. многогранное сотрудничество с другими странами, в первую очередь с незападными, когда глобализационные и интеграционные процессы в мире столкнулись с серьезным вызовом, в том числе из-за эгоистической позиции ряда членов «Большой двадцатки». БРИКС — именно та сила, которая может выдвинуть общие цели, балансировать их и предложить пути их достижения.

4.1..2. Вызовы кризисного периода и приоритеты российского председательства

На встрече лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки в ноябре 2019 г. Владимир Путин подтвердил важность преемственности повестки в рамках БРИКС и озвучил тезис о том, что Россия в период своего председательства в 2020 г. продолжит развивать магистральные направления сотрудничества в рамках объединения на благо всех стран «пятерки».

Россия неизменно выступает за расширение внешнеполитической координации между странами «пятерки» на ключевых международных площадках, прежде всего в ООН, где странами объединения уже накоплен позитивный опыт взаимодействия. Однако пандемия заставила многие страны сделать ставку на внутреннюю политику, тем самым обострив ряд международных конфликтов и повысив градус международных отношений в этот и без того непростой период. Ка-

залось бы логичным, что в условиях нарастающей торговой войны между США и Китаем странам БРИКС, в том числе и России, предстоит сделать выбор в пользу одной из сторон. Однако ни одна из стран БРИКС, тем более Россия, не заинтересована вступать в противоречия ни с США, ни с Китаем. А значит, роль БРИКС в обеспечении глобальной стабильности и устойчивого мирового порядка, несмотря на его коренной сдвиг в условиях коронакризиса, должна увеличиться. России важно использовать эту возможность и предложить своим партнерам выработать единый и сбалансированный алгоритм действий как в ответ на вызовы пандемии, так и для укрепления роли БРИКС в качестве «островка стабильности» в этом турбулентном мире.

Безопасность – еще один неизменный приоритет, на основе которого Россия выстраивает взаимоотношения с партнерами по БРИКС. Страны БРИКС традиционно выступают с единых позиций по целому ряду вопросов международной повестки в области безопасности – это и миротворчество, и борьба с террористической угрозой и транснациональной преступностью, совместное решение ключевых глобальных и региональных проблем. Россия выступает за то, чтобы страны БРИКС взяли на себя более активную роль в продвижении инициатив на площадке ООН, как ключевого механизма в обеспечении мира и безопасности. Одной из первоочередных задач для взаимодействия «пятерки» в ООН представляется выработка единых международных стандартов в деле предупреждения терроризма и противодействия распространению террористической идеологии, в том числе в Интернете³⁴².

В рамках председательства Россия планировала подхватить эстафету Бразилии и способствовать укреплению сотрудничества стран БРИКС в вопросах борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, возвращения активов, полученных преступным путем. Российская сторона высту-

342. Выступление Президента России Владимира Путина на саммите БРИКС в г. Бразилиа 14 ноября 2019 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62045> (дата обращения: 5 мая 2020 г.)

пила с предложением о разработке контртеррористической стратегии стран БРИКС³⁴³, которая поможет существенно продвинуться на пути к завершению работы над всеобъемлющей конвенцией по борьбе с международным терроризмом и ее принятию Генассамблеей ООН. Однако из-за принятых в связи с распространением коронавируса ограничительных мер эти задачи хоть и временно, но все же отошли на второй план, уступив место национальным планам борьбы с пандемией и ее последствиями.

Пандемия нарушила многие планы. В 2020 г. весь мир отмечает 75-летие окончания Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций. В рамках председательства Россия предложила своим партнерам рассмотреть возможность подготовки совместного заявления, посвященного этим знаменательным событиям. Как представляется, странам БРИКС было бы важно твердо выступить в поддержку миропорядка, основанного на международном праве и Уставе ООН. Однако последствия коронавируса уже на этом этапе привели к тектоническим сдвигам глобального мироустройства, и пока мы можем только предполагать, каким же будет мировой посткоронавирусный порядок.

Третий приоритет — инновационный рост — должен был открыть странам БРИКС новые возможности: задавать тон международной экономической повестке, формировать новую модель развития и сотрудничества в мировой экономике и транслировать ее в другие развивающиеся страны. Суть этой модели заключается в равноправном сотрудничестве без ограничения суверенитета, добросовестной конкуренции и сопряжении инициатив в достижении инклюзивного экономического роста. Однако нынешнее состояние мировой экономики вносит серьезные коррективы в развитие торгово-экономического, финансового и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС.

343. Патрушев заявил о разработке контртеррористической стратегии БРИКС. / РИА Новости. 18 октября 2019 г. — URL: <https://ria.ru/20191018/1559938410.html> (дата обращения: 5 мая 2020 г.)

Несмотря на это, главной задачей России в 2020 г. была и остается актуализация Стратегии экономического партнерства стран БРИКС до 2025 г. Первое издание стратегии было принято странами БРИКС в 2015 г.³⁴⁴ Документ оказал положительное влияние на экономическое сотрудничество стран—участников БРИКС по многим направлениям. Теперь российской стороне предстоит скорректировать предложения по модернизации стратегии на следующую пятилетку в условиях пандемии и последствий, которые та оказала на мировую экономику.

Еще одна эстафетная палочка от Бразилии — придание сотрудничеству по линии БРИКС большей практической составляющей. В первую очередь речь идет об укреплении уже действующих в БРИКС структур и финансовых механизмов — Нового банка развития, пула условных валютных резервов и функционирующей в его рамках системы обмена макроэкономической информацией. В 2020 г. в Москве запланировано открытие Евразийского регионального отделения банка. Россия с партнерами намерены продолжить работу над созданием фонда облигаций БРИКС в национальных валютах. Российская сторона готова предложить и новые инициативы, направленные на расширение сотрудничества налоговых, таможенных и антимонопольных органов стран объединения. Такая практическая работа нацелена на реализацию стратегических целей развития «пятерки».

В перечень задач российского председательства вошло и развитие формата БРИКС+. Страны БРИКС выстраивают поступательное сотрудничество с другими странами и интеграционными объединениями. Ведутся консультации по расширению состава акционеров Нового банка развития, что поможет снизить остроту вопроса о расширении состава самого объединения (рис. 4.1).

344. Стратегия экономического партнерства стран БРИКС. / Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015 году. 9 июля 2015 г. — URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 1 мая 2020 г.)

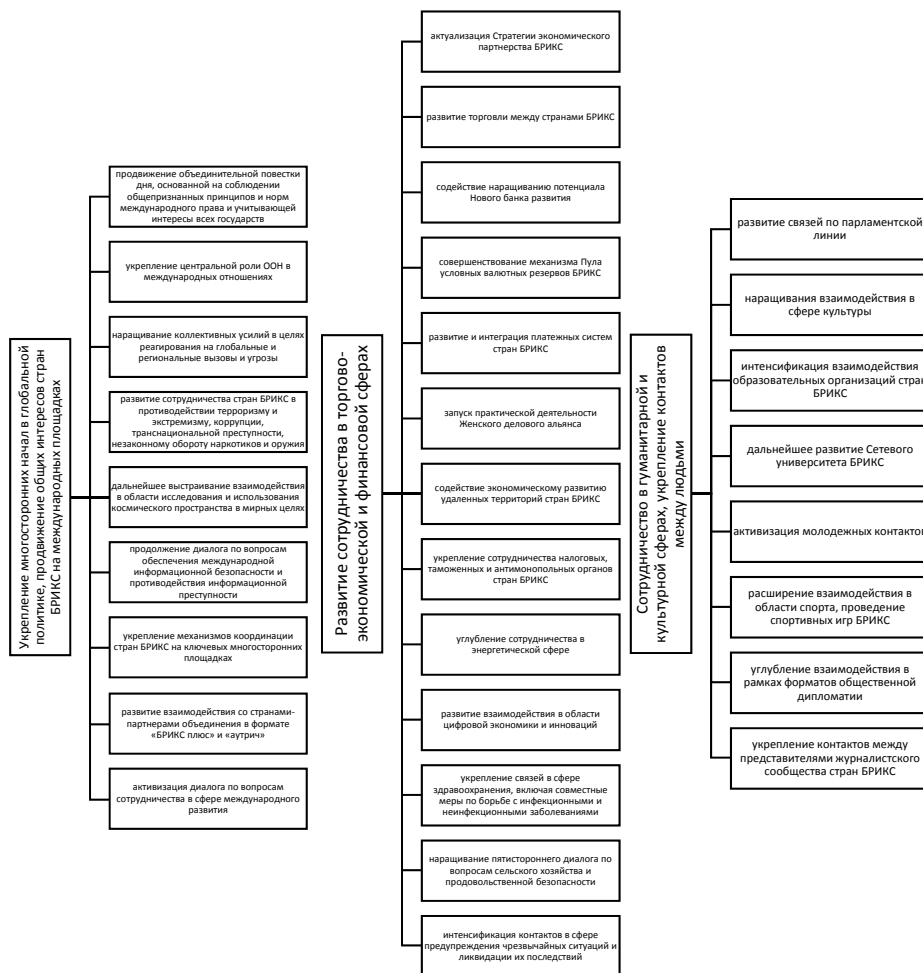

Рис. 4.1. Приоритеты председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2020 г.

Источник: Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2020 г.

По-прежнему одной из главных задач для России является развитие энергетической повестки в рамках БРИКС. Российская сторона продолжает продвигать инициативу формирования Платформы энергетических исследований

БРИКС для проведения совместных исследований в области нефти, газа, энергоэффективности и др.

Еще одним важным направлением сотрудничества в рамках БРИКС Россия считает культурно-гуманитарную сферу. Особое внимание уделяется развитию молодежного трека БРИКС.

В направлении расширения и углубления сотрудничества в области высшего образования Россия делает упор на развитие Сетевого университета БРИКС, расширение контактов между академическими и научными центрами (в период российского председательства значительно возрастает роль академического трека), исследовательскими и высшими учебными заведениями пяти стран. Ряд российских вузов уже приступил к реализации программ студенческих обменов со странами БРИКС. Первая международная программа студенческих обменов реализована на базе Дальневосточного федерального университета, который в феврале 2020 г. принял на обучение 150 студентов из стран БРИКС.

Активно развивается и гражданский трек. Именно Россия в 2015 г. выступила с инициативой создания платформы для развития сотрудничества между гражданским обществом пяти стран. По инициативе России в рамках БРИКС продолжают свое развитие парламентский и женский треки.

В области науки и инноваций Россия намерена продолжить работать над реализацией программы «Чистые реки БРИКС». Приоритетным направлением также является развитие цифровой экономики и искусственного интеллекта, создание комфортной умной городской среды, реализация целей устойчивого развития, внедрение инноваций и др.

Пандемия коронавируса высветила и другие задачи, которые сегодня встали во главе угла развития БРИКС. Ранее страны БРИКС уже выступали с инициативой создания Центра вакцин. Сегодня одной из центральных тем в области здравоохранения стали обеспечение биологической безопасности населения стран БРИКС в период пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией, общий обзор

ситуации в государствах «пятерки» по применению препятствующих распространению COVID-19 мер, а также вопросы взаимодействия национальных систем здравоохранения. Российской стороной предложено создание обзора передовых мер, предпринимаемых странами БРИКС, по противодействию распространению COVID-19 для дальнейшего использования не только странами «пятерки», но и специалистами других стран³⁴⁵.

России, в целом, удалось найти модель взаимодействия в БРИКС в экстремальных условиях изоляции (в год председательства запланировано до 200 мероприятий различного уровня, и этот план реализуется, конечно, частично в виртуальном формате). По словам министра иностранных дел России Сергея Лаврова, «только коллективными усилиями, через сложение национальных действий, БРИКС, как и мир в целом, сможет эффективно противостоять современным вызовам, таким как нынешняя пандемия». Он предложил, чтобы «страны БРИКС плотно координировали свои подходы, в том числе и в международных структурах, тем более что необходимые механизмы и площадки для такой работы у нас есть. Это прежде всего ООН и организации ее системы, «Группа двадцати», ВОЗ, ВТО и др.»³⁴⁶. Более того, в условиях хаотичных изменений, а возможно, даже и смены парадигмы международных отношений, БРИКС остается востребованным механизмом для поиска ответов на вызовы глобальной стабильности, ответов, которые не смогли дать другие страны и интеграционные объединения. Уже сейчас можно сделать вывод, что и в неожиданной ситуации БРИКС, особенно по

345. Минздрав России провел встречу старших должностных лиц стран БРИКС по вопросам здравоохранения. / Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2020 году. 8 мая 2020 г. – URL: <https://brics-russia2020.ru/news/20200508/395195/Minzdrav-Rossii-provel-vstrechu-v-formate-videokonferentsii-starshikh-dolzhnostnykh-lits-stran-BRIKS-po.html> (дата обращения: 8 мая 2020 г.)

346. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам внеочередного совещания глав внешнеполитических ведомств государств БРИКС, Москва, 28 апреля 2020 г. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1VhB2bUjd3/content/id/4107702 (дата обращения: 11 мая 2020 г.)

сравнению с другими международными форматами, сохранил свою витальность и продемонстрировал значительный потенциал интенсификации развития.

Глава 4.2

ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Быстрый рост цифровой торговли³⁴⁷ меняет облик мировой экономики. Уже в 2016 г. примерно 15,5% мирового ВВП производилось в «цифровой экономике»³⁴⁸ и свыше 12% всех товаров продавалось онлайн³⁴⁹. В прогнозе ВТО 2018 г. предполагалось, что внедрение информационных технологий и снижение торговых барьеров будут способствовать росту объема мировой торговли на 31–34% в течение 15 лет³⁵⁰. Определенные ожидания относительно перспектив роста цифровой торговли связывались с тем, что она повышает эффективность использования региональных/преференциальных торговых соглашений (РТС/ПТС), роль которых в мировой экономике будет продолжать увеличиваться³⁵¹. Предполагалось, что это

-
347. Цифровая торговля определяется не только как торговля товарами и услугами, поставка которых осуществляется посредством цифровых технологий. ОЭСР предлагает включать в нее также товары, доставка которых осуществляется физически, но продажа производилась через электронные каналы / *González, F., Ferencz, J.* (2018). “Digital Trade and Market Openness.” OECD Trade Policy Papers No. 217, <https://doi.org/10.1787/18166873> Цифровая торговля — широкое понятие, которое включает в себя электронную коммерцию; на практике два термина используются как синонимы.
348. Huawei Technologies, Oxford Economics (2017). “Digital Spillover. Huawei Technologies. URL: https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf (дата обращения : April 1, 2020)
349. *Bughin, J. Lund, S.* (2017). The ascendancy of international data flows. VOX, January 9.
350. WTO (2018). World Trade Report. Geneva, WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf
351. Congressional Research Service (CRS, 2019). “Digital Trade and U.S. Trade Policy”, CRS report R44565, May 21, URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44565.pdf>

должно произойти благодаря, со одной стороны, вовлечению услуг в международную торговлю, а с другой — благодаря расширению числа участников торговли за счет привлечения микро-, малого и среднего бизнеса (ММСБ) в трансграничные торговые операции.

В силу эффекта пандемии COVID-19 темпы цифровизации торговли и сопутствующих этому изменений скорее всего ускорятся. Меры по самоизоляции в условиях пандемии коронавируса значительно расширяют границы цифровой торговли и ввод цифровых технологий в повседневную жизнь людей в большинстве стран мира. Согласно исследованию Лин, опубликованному в *Harvard Business Review* в апреле, большая часть китайцев в 11-миллионном Ухане были вынуждены пересмотреть свои привычки и совершать покупки через цифровые платформы³⁵². При этом китайские компании должны были в краткие сроки адаптироваться к новым условиям бизнеса и искать решения проблемам нехватки товаров и кадров, чтобы справиться с наплывом заказов. Маловероятно, что без цифровой торговли самоизоляция и дистанцирование были бы возможны в больших мегаполисах, в которых личное пространство людей ограничено. Согласно экспертным оценкам, в ближайшие 18 месяцев можно ожидать выход на рынок большого числа инноваций, рассчитанных на расширение применения ИТ в производственных процессах и цепочках поставок³⁵³.

Таким образом, пандемия COVID-19 способна изменить облик глобализации. В ближайшие несколько лет глобализация будет скорее всего носить цифровой характер³⁵⁴. Эта

352. *Lin Chengyi* (2020). In the Face of Lockdown, China's E-Commerce Giants Deliver. *Harvard Business Review*, April 1. URL: <https://hbr.org/2020/04/in-the-face-of-lockdown-chinas-e-commerce-giants-deliver> (дата обращения : May 8, 2020)

353. *Economist* (2020). "The business of survival—how companies can prepare for the post-pandemic world." Podcasts April 14. URL: <https://www.economist.com/podcasts/2020/04/14/the-business-of-survival-how-companies-can-prepare-for-the-post-pandemic-world> (дата обращения : April 26, 2020).

354. *Shafik, M.* (2020). Speech at LSE on-line discussion "Now or Never: Crafting the Global COVID-19 Response." LSE Podcast April 21. URL: <https://soundcloud.com/lsepodcasts/now-or-never-crafting-the> (дата обращения : April 28, 2020).

трансформация потребует соответствующего регулирования трансграничных потоков цифровой торговли, что в еще большей степени актуализирует вопрос о необходимости единого международного подхода к его созданию³⁵⁵.

4.2..1. Необходимость международного регулирования цифровой торговли

До настоящего момента международное регулирование, прежде всего в рамках ВТО, не успевало адаптироваться к скорости изменений, вызываемых развитием ИТ и их внедрением в повседневную жизнь обществ³⁵⁶. В результате возник вакуум, для заполнения которого правительства вынуждены инициировать проработку вопросов цифровой торговли в рамках РТС. Ряд соглашений, США–Корея, ЕС–Япония и пр., содержат главы по электронной коммерции, но, как правило, принципы, заложенные в них, различны, что увеличивает число барьеров.

В условиях отсутствия общих регуляторных принципов, которые способна предложить ВТО, договоренности в рамках РТС могут носить ограничительный и даже дискриминационный характер по отношению к странам, которые не являются их членами. Поэтому запрос на выработку общих международных норм для регулирования цифровой торговли существует. Например, в 2019 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе 76 стран заявили о начале переговоров об электронной коммерции, чтобы обеспечить компаниям и потребителям «предсказуемую, эффективную и безопасную онлайн-среду для торговли»³⁵⁷. Особенно явно запрос на международное регулирование проявляется среди стран,

355. *Cernat, L.* (2015). Trade Rules and Technological Change: The Case for Mode 5 Services, The E15 Initiative, November, URL: <http://e15initiative.org/blogs/trade-rulesand-technological-change-the-case-for-mode-5-services/>.

356. *González, Ferencz*, 2018, op. cit.

357. European Commission (2019). “76 WTO partners launch talks on e-commerce.” January 25. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1974> (дата обращения: March 28).

рост экономик которых сильно зависит от внешней торговли и которые обладают развитым сектором информационных технологий – Республика Корея, Сингапур, Япония.

Данная глава анализирует подходы Республики Корея (далее – Корея либо Южная Корея) к вопросу регулирования цифровой торговли, как она видит роль ВТО и РТС и как она может балансировать два данных элемента в своей торговой политике в будущем. Корея является одной из наиболее продвинутых стран в вопросе цифровизации экономики и одним из крупнейших производителей информационных технологий (ИТ). Благодаря тому, что страна начала обращать внимание на цифровую торговлю довольно рано, уже в 2001 г. приняв законы о развитии необходимой инфраструктуры, она добилась здесь заметных успехов и часто занимает высокие позиции в международных рейтингах цифровизации. Ее компании выполняют важную роль поставщиков ИТ-технологий в региональных цепочках добавленной стоимости в Азии. Высокая степень интеграции в международную торговлю электронными товарами делает вопросы регулирования чрезвычайно важными для выживания компаний в условиях конкуренции и в конечном итоге – для нормального функционирования экономики и роста благосостояния.

Корея является в некотором роде лакмусовой бумажкой, которая позволяет отслеживать и лучше понимать происходящие мировые процессы. В силу высокой зависимости от внешней торговли и того, что страна вынуждена балансировать между такими экономическими тяжеловесами, как Китай и Япония, ей приходится быстро реагировать на малейшие изменения в сфере торговли и регулирования, чтобы удержать свои конкурентные позиции. Анализ ее положения позволит лучше понять существующие тенденции и сложности, с которыми уже столкнулись или столкнутся в обозримом будущем в той или иной мере все страны при выработке решений о регулировании цифровой торговли, а также заимствовать некоторые стратегические приемы.

4.2.2. Цифровая торговля и приоритеты торговой политики корейского правительства

ИТ являются стратегическим направлением экономического развития Кореи с середины 1990-х гг. Однако по сравнению с ранним этапом, когда они рассматривались преимущественно как самостоятельный экспортный товар, генерирующий экспортные поступления, роль ИТ в современной экономике трансформировалась. Правительство ожидает, что развитие цифровой торговли внесет вклад в решение ряда насущных проблем развития страны. В частности, на повестке стоят – расширение участия ММСБ в экономике, повышение его производительности, стимулирование инновационной активности и создание новых экспортных товаров, где ИТ используются как компонент конечного продукта, для поддержания темпов прироста ВВП.

Среди причин заинтересованности Кореи хотелось бы обратить внимание на следующие.

1) Емкий и динамично растущий рынок электронной торговли обращает внимание на пробелы в регулировании и актуализирует работу для их устранения. Южная Корея находится на седьмом месте в мире и на третьем в Азии после Китая и Японии по объему продаж через Интернет. К 2023 г. Корея может обогнать Японию и Великобританию, заняв третье место по объему продаж онлайн. Практически 10% всех розничных продаж происходят в онлайн-пространстве, преимущественно на таких платформах, как Coupang, Gmarket, и 11street³⁵⁸. Довольно активно осуществляются продажи B2C, на которые приходится около 25% всего объема розничных онлайн-продаж. То есть ритейлеры в сфере электронной коммерции также превратились в важные части корейской экономики, способных оказывать влияние на экономическую динамику.

358. Mehra, G. (2016). Ecommerce in South Korea: Aggressive Discounting, Rewards, March 9, – URL: <http://www.practicalecommerce.com/articles/97724-Ecommerce-in-South-Korea-Aggressive-Discounting-Rewards> (дата обращения : April 12, 2020).

2) Высокое качество инфраструктуры, обеспечивающей электронную торговлю, в Корее является важным фактором роста цифровой торговли. Еще в феврале 2000 г. Корея приняла первые меры по развитию электронной коммерции, а в 2001 г. разработала программу развития электронного бизнеса, направленную на создание среды для него. В результате ей удалось добиться самой быстрой скорости Интернета, которая в сочетании с высокой степенью охвата населения услугами Интернет и мобильной связи³⁵⁹ создает благоприятную среду для развития онлайн-коммерции.

Свою роль играют культурные особенности, которые интенсифицируют введение новаций, ускоряющих рост цифровой торговли. Среди азиатских потребителей корейцы наиболее склонны совершать покупки онлайн нередко с использованием мобильных телефонов. Эта особенность дополнительно стимулирует бизнес предлагать товары и услуги через мобильные/ смарт-платформы.

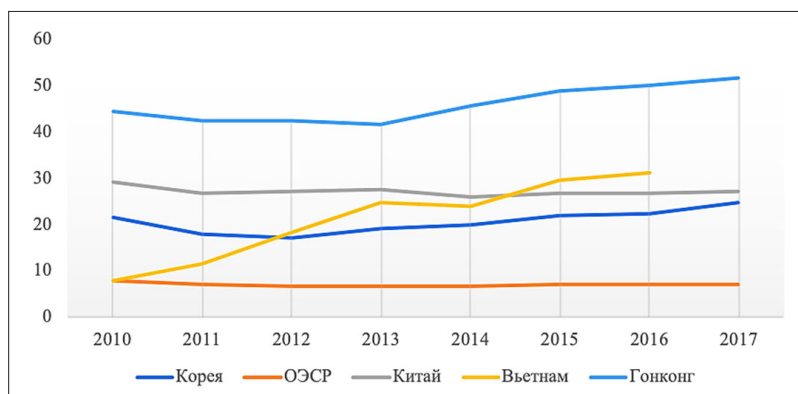

Рис. 4.2. Доля ИТ-товаров в экспорте Кореи и отдельных стран

Источник: составлено автором на основании данных World Bank (2020). Statistics. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения : April 12, 2020).

3) Расширение сектора ИТ в экономике также ставит задачи дальнейшей адаптации к процессам цифровизации.

359. Ministry of Commerce, Industry and Energy (MCIE, 2002). "E-Commerce in Korea," Korea Institute for Electronic Commerce.

ИТ составляют 24% экспорта страны (рис. 4.2), что в три раза выше, чем в среднем по ОЭСР³⁶⁰. На ИТ отрасли приходится 36% произведенной добавленной стоимости в промышленности и 11% совокупной добавленной стоимости, произведенной в экономике³⁶¹.

4) Наличие крупных игроков в секторе ИТ – еще один фактор развития цифровой торговли в Корее. На корейский бизнес приходится значимая часть мирового производства полупроводников, которые составляют скелет цифровой торговли и шире – цифровой экономики. Сегодня корейские компании принимают активное участие в цифровой трансформации других стран. Например, Samsung Electronics способствовал быстрому развитию электронной промышленности во Вьетнаме. По некоторым оценкам, в 2018 г. на компанию приходилось примерно 28% ВВП Вьетнама, которые сегодня являются основной после Кореи производственной базой компании³⁶². Таким образом, корейский бизнес превратился в важный элемент внутрирегионального сотрудничества в сфере ИТ и потенциально может выступать в качестве двигателя цифровой торговли в регионе. Но для этого ему необходимы более понятное регулирование, которые позволит минимизировать издержки на ведение торговли.

5) Снижение экспортного потенциала традиционных секторов корейской экономики и рост сферы услуг способствуют росту цифровой торговли в Корее. На протяжении последнего десятилетия происходило постепенное снижение экспортного потенциала многих традиционных производств – бытовой электроники, судостроения, автомобилестроения. По оценкам INTRACEN³⁶³, экспортный потенциал данных отраслей использован как минимум на 60%, а в случае

360. World Bank. 2020, Op. cit.

361. Bank of Korea (2020). Economic Statistics. URL: <http://ecos.bok.or.kr> (дата обращения : April 12, 2020)

362. Kim Eun-jin (2019). "Samsung Electronics Accounts for 28% of Vietnam's GDP." Business Korea, March 14. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=29966>

363. INTRACEN (2020). Export Potential Map. – URL: <https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?fromMarker=i&exporter=410> (Date of access : 16 April 2020)

автомобильной промышленности – практически на 80%. Судостроительная отрасль, компании которой во второй половине 2000-х годов были главными экспортёрами, переживает процесс реструктуризации и банкротств. Корейские судостроительные компании, *Dawoo Shipbuilding*, *Hyundai Heavy Industries*, *Samsung Heavy Industries*, *STX Offshore & Shipbuilding* – не смогли выдержать конкуренцию с производителями из развивающихся стран на фоне замедления темпов роста мировой торговли³⁶⁴.

б) Появление новых источников экспортных доходов в сфере услуг, поставляемых через информационные сети. Сегодня индустрия «Корейской волны» – ТВ-драмы, музыка – обеспечивает немалую часть экспортных доходов. Исследователи оценили ежегодный вклад в национальную экономику только одной группы *BTS* в 4,1 трлн корейских вон, или \$3,63 млрд долл. Примерно столько же производят 26 средних компаний в Корее³⁶⁵.

Таким образом, цифровая торговля в Корее стала реальностью. Правительство включает эту сферу в долгосрочные планы развития экономики. В частности, пакет мер по борьбе с экономическими последствиями коронавируса предполагает развитие цифровых платформ и роботов. Поэтому сегодня стране необходимо регулирование, которое позволит установить правила игры.

-
364. *Song, Jung-a* (2016) South Korean shipbuilders engulfed in crisis. *The Financial Times*, June 23. – URL: <https://www.ft.com/content/d74127ac-3140-11e6-8825-ef265530038e> (дата обращения : April 12, 2020); *Lee, Hong Liang* (2016). “The almost total meltdown of Korean shipbuilding and shipping sectors.” *Seatrade Maritime News*, June 2. – URL: <https://www.seatrade-maritime.com/asia/almost-total-meltdown-korean-shipbuilding-and-shipping-sectors> (дата обращения : April 12, 2020).
365. *Choi, Moon-bee* (2018). “K-pop Group *BTS* Induces Production Worth 4 Tril. Won per Year.” *Business Korea*, December 2019. – URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27583> (дата обращения : April 30, 2020).

4.2.3. Торговая политика Кореи в вопросе регулирования цифровой торговли

Как отмечалось выше, Корея обратила внимание на развитие цифровой торговли довольно рано. Еще в 2001 г. правительство приняло закон о развитии электронной коммерции, позволивший ей выйти вперед по ряду показателей, характеризующих развитие цифровой торговли. На сегодняшний день Корея относится к числу стран с низким уровнем ограничений для торговли цифровыми услугами. ОЭСР³⁶⁶ поставила ее вместе с Австрией на первое место по уровню Индекса барьеров для торговли цифровыми услугами, который определяется на основании действующих ограничений в торговле услугами (Service Trade Restrictiveness Index) (рис. 4.3). В качестве компонентов индекса используются инфраструктура и электронные транзакции, удобство платежных систем, защита прав интеллектуальной собственности. Имея в 2014 г. уровень регулирования ниже, чем во многих странах, достигнутый благодаря хорошо развитой инфраструктуре, корейское правительство продолжало принимать меры, облегчающие цифровые операции. Например, в России за этот период произошло усиление регулирования.

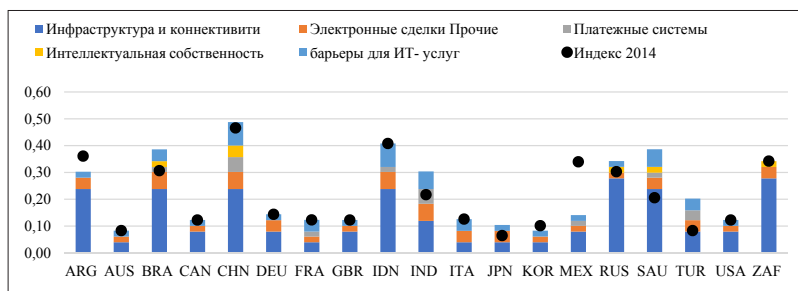

Рис. 4.3. Индекс барьеров в торговле цифровыми услугами для отдельных стран в 2014 г. и 2018 г.

Источник: построено на основе данных Gonzales, Ferencz, 2019, op. cit.

366. Gonzales, F., Ferencz, J. (2019). "Barriers to trade in digitally enabled services in the G20", OECD Trade Policy Papers, No. 232, OECD Publishing, Paris. P.6 URL: <http://dx.doi.org/10.1787/264c4c02-en>

Корея имеет одно из наиболее гибких законодательств в области признания электронных подписей и электронной аутентификации документов. Это достигается широким использованием цифровых сертификатов. Подобная практика повышает эффективность операций и снижает время, необходимое их проведения в режиме онлайн. В конечном итоге это положительно влияет на сроки доставки товаров и услуг.

В вопросе международного регулирования цифровой торговли Южная Корея отводит важную роль ВТО. Частично это поддержка основана на том, что традиционно Корея выступала сторонником международной торговой системы, осознавая, что членство в организации создало благоприятные условия для роста национального дохода в прошлом. Предсказуемое и стабильное регулирование позволяло корейским компаниям, как и бизнесу из других стран, переносить части производственных процессов между странами и регионами, осуществлять транспортировку компонентов и услуг между ними.

Для Кореи ВТО представляет комплекс уже проверенных и функционирующих норм, которые усиливаются наличием механизма разрешения споров. Несмотря на отсутствие в документах ВТО прямого упоминания цифровой торговли за исключением Соглашения по информационным технологиям, общие принципы режима наибольшего благоприятствования и прозрачности применимы к трансграничной передаче данных. Многие из соглашений ВТО, такие как GATS, TRIPS, составлены таким образом, что могут применяться в сфере цифровой торговли в части недискриминации по доступу на рынок, защиты прав интеллектуальной собственности и др.³⁶⁷ Более того, они используются государствами в качестве отправной точки для составления обязательств по электронной коммерции в рамках соглашений о зонах свободной торговли.

367. *Wu, M. (2017). Digital Trade-related Provisions in Regional Trade Agreements: Existing Models and Lessons for the Multilateral Trade System, Washington, D.C. and Geneva; Gonz lez, Ferencz, 2018 op. cit.*

Среди документов ВТО следует особо упомянуть Соглашение об информационных технологиях (ИТА), которое стало одним из первых нормативных документов, регулирующих торговлю ИТ-товарами. Корея была в числе тех 29 стран, которые предложили заключить ИТА на Министерской конференции в Сингапуре в 1996 г. В 2012 г. Корея вместе с другими 32 странами—членами ВТО инициировала расширение действия данного соглашения, которое было принято на 10-й конференции в Найроби. Согласно достигнутым договоренностям, ставки таможенного тарифа на 201 вид ИТ-товаров были снижены. ВТО оценила объем торговли данными товарами в 1,3 трлн долл., что примерно составляет 7% от общего объема мировой торговли товарами³⁶⁸.

Таким образом, изначально Корея была активно вовлечена в формирование исходных принципов цифровой торговли. Сегодня она продолжает участвовать в инициативах по созданию дополнительных и совершенствованию имеющихся правил регулирования цифровой торговли. Одна из последних — это продолжать переговоры по вопросам электронной коммерции совместно со странами—членами ВТО на министерской конференции в Буэнос Айресе в 2017 г.³⁶⁹ В ходе 11-й министерской конференции Корея поддержала инициативу «сохранения практики невзимания тарифов на электронные сделки». Также в составе группы из 71 страны Корея объявила о намерении продолжить работу для запуска переговоров ВТО по торговым аспектам электронной торговли³⁷⁰.

Позиция Кореи в отношении возникающих инициатив по формированию режима международного регулирования цифровой торговли позволяет говорить о ее высокой заинтересованности в сохранении центральной роли ВТО. Благода-

368. WTO (2020). “Information Technology Agreement — an explanation” — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/inftec_e/itaintro_e.htm

369. WTO (2017). Joint Statement on Electronic Commerce at the Eleventh Ministerial Conference, (document WT/MIN(17)/60), Geneva: WTO.

370. Ibid.

ря международной торговой системе у Кореи, как и многих других стран-членов, есть возможность использовать весьма обширный набор регулятивных инструментов. Кроме того, ВТО предоставляет своего рода платформу для продвижения и отстаивания собственных интересов. Кооперируясь с другими странами-участницами, Корея может принимать участие в создании новых правил³⁷¹. Поэтому она будет прикладывать усилия, чтобы сохранить и по возможности усилить роль международного подхода к регулированию торговли. Дополнительным аргументом в пользу этого служит Орган по урегулированию споров.

Механизм разрешения споров является одним из немногих инструментов, дающих возможность защитить национальные компании от рыночной власти сильных игроков. У Кореи есть серьезные опасения относительно монополистических практик крупных американских корпораций в сфере ИТ – Google, Amazon, Facebook и Apple (или GAFA), и корейское правительство готово принимать меры и сотрудничать с другими странами – членами ВТО, чтобы защитить свой бизнес от «несправедливых» и «хищнических» действий данной четверки³⁷². Угроза недобросовестной конкуренции, под которой понимается использование доминирующего положения на рынке для ослабления конкурентов, и «пиратского» копирования программного обеспечения – два важных вопроса, регулирования которых Корея хотела бы добиваться посредством ВТО.

В то же время корейское правительство осознает, что для поиска решений в рамках многостороннего подхода нужно время, тогда как быстрый ход трансформаций требует мер уже сегодня. Для этих целей используются преференциальные соглашения о торговле. Корея одной из первых стала

371. 유재원, 강문성 강인수, 박성훈, 송백훈, 송유철, 이호생, 항홍열 (2019). 풍요적 통상국가 실행을 위한 추진전략 연구 KIER 중장기전략연구, 19-04. P. 218. // Ю, Кан, Кан, Пак и др. Торговая стратегия для повышения благосостояния. KIER, 19-04.

372. Pulse News (2019). S. Korean govt to propose WTO rules for fair digital trade ecosystem. January 16. –URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?year=2019&no=33228> (дата обращения : March 30, 2020).

включать отдельные вопросы электронной коммерции в соглашения о зонах свободной торговли. Соглашение с Сингапуром, подписанное еще в 2004 г. уже содержало главу по электронной коммерции, хотя на тот момент оно было весьма общим, в том числе потому, что «цифровая повестка» не была разработана. Сегодня свыше 80% корейских ССТ включают главы об электронной коммерции.

Однако следует заметить, что уровень обязательств в отношении цифровой торговли сильно отличается в зависимости от партнера. Как правило, соглашения с экономически развитыми партнерами имеют более проработанные нормы. С этой точки зрения соглашение с США является наиболее всеобъемлющим из всех, несмотря на то, что оно было подписано девять лет назад.

В данном соглашении Корея впервые пошла на то, чтобы разграничить цифровые товары и услуги. Также в тексте присутствует формулировка «цифровой продукт», отсылающая к различным электронным сделкам. Данная формулировка используется еще в пяти соглашениях – с Перу, Сингапуром, Канадой, Колумбией и Центральной Америкой, что объяснимо, так как эти страны также подписали ССТ с США, в которых регулируются вопросы цифровой торговли. Но Корея постаралась избежать термина «цифровой продукт» в соглашениях с Вьетнамом, ЕС и Китаем, поскольку данная формулировка может широко трактоваться и применяться к физическим товарам, в которых присутствует электронный компонент³⁷³. В этих договорах, которые потенциально могут быть отнесены к «электронным товарам», упоминаются в части «торговля

373. В этом отношении показательным является объяснение Марка Боханнона, советника и вице-президента Ассоциации производителей программного обеспечения и ИТ, перед Конгрессом США о преимуществах использования термина «цифровой продукт» для Штатов. Еще в 2003 г. им отмечалось, что использование термина «цифровой продукт» позволяет «не увязнуть в вопросах классификации», а также избежать отсылки к многочисленным международным документам, регулиующим различные сферы торговли // US Congress (2003). Trade in services and e-commerce: the significance of the Singapore and Chile free trade agreements : hearing before the Subcommittee on Commerce, Trade, and Consumer Protection of the Committee on Energy and Commerce, House of Representatives, One Hundred Eighth Congress, first session, May 8, 2003.

услугами», нередко в сносках³⁷⁴. Данный небольшой пример относительно дефиниций того, что можно отнести к торговле цифровыми товарами и услугами, демонстрирует некоторую амбивалентность Кореи по данному вопросу. Получается, что, с одной стороны, она хотела бы установить более понятные правила игры, но с другой – эти правила должны иметь возможность варьироваться в каждом конкретном случае. Есть ряд других примеров, указывающих на неопределенность в позиции Кореи к адаптации правил в зависимости от партнера по соглашению (Ibid).

Соглашение Корея–США выделяется широким охватом различных вопросов в сравнении с другими соглашениями (табл. 4.2). В нем обсуждаются условия недискриминации цифровых продуктов, запрет пошлин, совместное признание электронных подписей, защита потребителей, развитие трансграничной передачи данных и пр. В главе о защите прав интеллектуальной собственности поднимается вопрос доменов, который до сих пор не получил однозначной интерпретации на международном уровне. Многие соглашения, подписанные Кореей после соглашения с США, ограничиваются подтверждением моратория ВТО на таможенные пошлины в отношении электронных товаров, предусматривают признание электронных подписей, кооперацию по вопросам кибербезопасности, но не идут дальше этого.

Таблица 4.1. Цифровая торговля в корейских РТС

	Синг	ЕС	Перу	США	Австралия	Канада	Китай	Вьет	Колум	ЦА*
Определение	О		О	О	О	О	О	О	О	О
Невзимание таможенных пошлин	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О
Разница между товарами и услугами		О		О			О			
Недискриминация	О			О						О
Внутреннее законодательство					О			О		

374. Kim, E. (2018). E-commerce in South Korea FTAs: Policy Priorities and Provisional Inconsistencies. p. 88.

Окончание табл. 4.1.

	Синг	ЕС	Перу	США	Австралия	Канада	Китай	Вьет	Колум	ЦА*
Признание электронных подписей	О		О	О	О		О	О		
Защита онлайн-потребителей			О	О	О	О		О	О	О
Безбумажная торговля			О	О	О	О	О	О	О	О
Защита индивидуальной информации			О	О	О	О	О	О	О	О
Трансграничные потоки данных				О						
Развитие e-commerce		О	О	О		О	О	О	О	О
Коммерческие послания					О					
Разделение затрат на подключение к Интернету										
Нахождение исходного компьютера (source computer)										
Кибербезопасность										
Исходный код (Source code)										
Разрешение споров										

*ЦА – Центральная Америка.

Источник: Duval, Y., Kong Mengjing (2017). "Digital Trade Facilitation: Paperless Trade in Regional Agreements." ADBI Working Paper Series No747, p.8 – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/321851/adbi-wp747.pdf> (Дата обращения : April 10, 2020); Kim, (2018) op. cit.

Отдельно стоит выделить меры безбумажной торговли (paperless measures), которые Корея считает важными для себя, так как они напрямую связаны с упрощением торговых операций и снижением барьеров. Из обсуждаемых на мировом уровне 27 видов мер в корейско-американском соглашении упоминаются 15, такое же число присутствует в соглашении Кореи с Китаем. В соглашении с Вьетнамом их 14, а в остальных – существенно меньше³⁷⁵.

Таким образом, вырисовывается картина неоднородности мер по регулированию цифровой торговли, которые Корея обсуждает в рамках преференциальных соглашений. Создается впечатление, что в отсутствие единых правил ВТО Корея пока не спешит принимать решительные меры, по крайней мере открыто, выступая их инициатором. Она со-

375. Duval, Kong. 2017, op. cit.

размеряет обязательства в зависимости от партнера по соглашению и его заинтересованности в данном вопросе. То есть, как отметила Ким, Корея является «ведомым» партнером, особенно если другая сторона имеет большой экономический вес и более четкие приоритеты относительно цифровой торговли.

Имея желание идти дальше в вопросах регулирования торговли цифровыми услугами и включать более широкий спектр ассоциированных вопросов, Корея пока делает довольно осторожные шаги. Возможно, что, являясь сравнительно небольшой экономикой и придавая большое значения вопросам геополитики, ей более комфортно действовать в составе группы, нежели индивидуально. Даже предлагая инициативы, она предпочитает реализовывать их совместно с заинтересованными партнерами. По этой причине формат коалиций ВТО может быть более удобен в ее случае. Также заметим, что количество РТС в мире, в которых охвачена большая часть вопросов, имеющих отношение к регулированию цифровой торговли, ограничен, поэтому до известной степени Коре отражает общий тренд.

Для того, чтобы определить, где находится Корея по вопросу международного регулирования цифровой торговли, можно применить подход Хилмана из Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне. Американский эксперт предлагает разделить страны на три группы – *либералов* во главе с США, регуляторов во главе с ЕС и меркантилистов, где наиболее ярким представителем является Китай (Hillman, 2018)³⁷⁶. Цель регуляторов во многом совпадает с целью либералов, но при этом они призывают к большей роли государства в вопросах защиты прав граждан. Меркантилисты устанавливают барьеры на обмен данными, требуют локализации данных и передачи технологий среди

376. Hillman, J.E. (2018). "The Global Battle for Digital Trade: The United States, European Union, and China Back Competing Rules." Center for Strategic and International Studies, April 13 – URL: <https://www.csis.org/blogs/future-digital-trade-policy-and-role-us-and-uk/global-battle-digital-trade>

прочих мер. При данном разделении Корею можно отнести в группу *регуляторов* вместе с ЕС, так как на данном этапе корейское правительство стремится, как и европейские страны, установить общие правила игры на внутреннем рынке. В декабре 2018 г. оно провело ряд поправок в Закон о Сетях, который требует, чтобы провайдер, предоставляющий услуги корейским гражданам, имел местного представителя. Тем самым корейское правительство устанавливает требования к защите данных своих потребителей. Корея пошла на данные меры после того, как ЕС принял закон о защите данных (EU General Data Protection Regulation).

Однако, как упоминалось ранее, в стране есть крупный бизнес, который в перспективе будет заинтересован в освоении иностранных рынков посредством цифровой торговли. В случае такого развития событий Корея может продвинуться ближе к *либералам*. Дополнительным фактором здесь может стать региональная конкуренция и формирование единого цифрового пространства в Азии.

Таким образом, в настоящий момент Корея отдает предпочтение смешанному подходу. Ей хотелось бы видеть более сильную роль ВТО, которая позволит создать минимально приемлемые правила для большинства стран. На базе этого преференциальные соглашения будут использоваться для максимизации эффекта за счет дополнительных обязательств с отдельными партнерами. Но вполне возможно, что более быстрое развитие цифровой торговли в посткоронавирусный период заставит Корею принимать более решительные меры в формате РТС.

4.2.4. Цифровая торговля и возможности для российско-корейских отношений

Вопрос о возможностях для сотрудничества России и Кореи в вопросе совершенствования регулирования цифровой торговли весьма неоднозначен. С одной стороны, страны имеют общие интересы, которые выражаются в усилении

роли ВТО и установлении мер защиты в отношении действий GAFA. Как и Корея, Россия на протяжении ряда лет отмечала, что она поддерживает многосторонний подход в урегулировании международных проблем как экономического, так и геополитического характера. Кроме того, присоединившись к ВТО сравнительно недавно и приложив для этого изрядные усилия, Россия не заинтересована в том, чтобы роль ВТО заметно ослабла.

С другой стороны, Россия и Корея находятся на разных позициях с точки зрения регулирования различных аспектов цифровой торговли. Согласно Индексу барьеров в торговле услугами ОЭСР, упоминавшемуся ранее, число барьеров в России выше, чем в Корее (см. рис. 4.3). Это может стать спорным моментом при обсуждении конкретных мер, в том числе в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле.

Если принять во внимание, что регулирование, как правило, отражает общее состояние торговых отношений, их интенсивность, то для того, чтобы сотрудничество России и Кореи в вопросе регулирования цифровой торговли развивалось динамично, страны должны иметь высокую заинтересованность в друг друге как в торговых партнерах. То есть должен иметь место рост двусторонней торговли ИТ-товарами и услугами. Но статистические данные говорят об обратном.

После 2010 г. позиции Кореи как поставщика ИТ товаров на российский рынок заметно ослабли. Снижение объемов поставок из Кореи произошло на фоне укрепления позиций Китая (табл. 4.2). Россия также не является для Кореи основным рынком сбыта. Двусторонняя торговля цифровыми услугами находится на еще более низком уровне (табл. 4.3). Для России в Азии основными партнерами являются Китай и Сингапур. Соответственно, интерес России к Корее в развитии электронной коммерции на данный момент неочевиден.

Для Кореи, в свою очередь, Россия может представлять потенциальный интерес с точки зрения большого потребительского рынка. В целом у россиян сформировалось положительное и в некоторых случаях даже лояльное отношение к

корейским товарам. Среди молодежи популярностью пользуются корейские фильмы и музыка. То есть корейские компании были бы заинтересованы в развитии бизнеса на российском рынке, через который они также могут выйти на рынки стран СНГ. Но у корейского бизнеса большую озабоченность вызывают вопросы защиты прав интеллектуальной собственности.

Таблица 4.2. Российский импорт ИТ-товаров из отдельных стран, отдельные годы, млн долл.

Страна	2010		2015		2017		
	Торговля ИТ-товарами	В том числе коммуникационное оборудование	Торговля ИТ-товарами	В том числе коммуникационное оборудование	Торговля ИТ-товарами	В том числе коммуникационное оборудование	В том числе компьютеры и периферийные устройства
Китай	10605,09	2983,287	10188,63	4307,697	12302,21	5353,046	4344,315
Гонконг	14,95342	7,63444	37,47657	1,644332	91,52634	21,34084	44,23892
Тайвань	548,9557	163,543	430,9416	91,63397	787,54	116,8768	322,7981
Япония	561,1395	58,45161	218,2456	34,63414	229,9714	42,91602	82,68765
Корея	1058,737	369,9429	338,686	58,18051	397,0838	38,43282	112,6621
Сингапур	112,8947	3,827774	161,4459	6,35294	231,308	22,60231	155,8986
Вьетнам	434,1642	304,9834	1015,596	717,6958	1819,015	1373,429	242,5143

Источник: UNCTAD, 2020, op.cit.

То есть с обеих сторон имеется ряд ограничений для развития двусторонней цифровой торговли. Тем не менее это не исключает возможности диалога, наоборот, его отсутствие нежелательно по ряду причин. Во-первых, при отсутствии общих международных принципов национальное регулирование формируется таким образом, что в будущем потребуются больше времени и усилий на его гармонизацию и устранение барьеров для бизнеса. Во-вторых, подходы к регулированию могут сильно разойтись, если Корея будет двигаться по траектории ближе к либералам, а Россия, наоборот – ужесточать регулирование. В-третьих, текущее положение дел говорит в пользу того, что роль цифровой торговли будет возрастать. Соответственно, в условиях отсутствия диалога уровень развития российско-корейских экономических отношений может отстать от ключевых трендов мировой экономики. В то же время дискуссия и минимальные шаги в данном направ-

лении могут заложить основу для более масштабного сотрудничества.

Таблица 4.3. Торговля России телекоммуникационными услугами с отдельными странами Азии, отдельные годы, млн долл.

Страна	2010		2015		2017	
	Торговля телекоммуникационными, компьютерными и информационными услугами					
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Китай	20,4	54,1	42,7	126,5	43,3	64,5
Гонконг	19,1	74,1	74,3	74,6	95	61,4
Тайвань	1,9	1,2	2,1	6,6	1,3	0,6
Япония	24,9	11,5	15,3	12,5	18,5	19,4
Корея	10,1	21,6	10,7	22,6	19	24,2
Сингапур	1,9	7,9	28	15,7	47,1	110,8

Источник: UNCTAD, 2020, op.cit.

Россия и Корея уже сегодня могут начать реализовывать инициативы в пяти различных сферах, обозначенных в табл. 4.4, чтобы активизировать двустороннее сотрудничество в цифровой торговле. Пять сфер – это кадры, потребители, операционная инфраструктура, регулирование и финансы. Один из самых доступных видов сотрудничества – это совместная подготовка кадров для цифровой торговли и ее регулирования посредством программ обмена, грантов, финансируемых правительством и бизнесом. Преимущества сотрудничества в области кадров позволит не только обеспечить двусторонние проекты квалифицированным персоналом, но и избежать разрыва в уровне цифровых навыков (*digital skill gap*). В долгосрочной перспективе оно будет способствовать обновлению персонала своевременно и определению новых возникающих сфер, которые требуют подготовки кадров, и направлять в них специалистов.

Двусторонние центры по изучению потребительского спроса необходимы для успешной реализации проектов в сфере цифровой торговли. Культурные особенности каждой делают необходимым более глубокий анализ потребительских предпочтений, отношений не только к товарам, но и самому процессу покупки. Центры по изучению потребитель-

ского спроса позволят улучшить функционирование цифровых платформ, повысить их безопасность для потребителей.

Таблица 4.4. Возможные направления сотрудничества между Россией и Кореей для развития двусторонней цифровой торговли

Сфера взаимодействия	Возможные инициативы для сотрудничества
Кадры	Создание двусторонних центров подготовки кадров
	Изучение тенденций в спросе на кадры Государственные и частные программы грантов для подготовки кадров
Потребители	Центры по изучению потребительского спроса в условиях цифровизации на базе университетов и исследовательских центров
	Программы по изучению культурных особенностей потребителей
Операционная инфраструктура	Внедрение цифровых технологий в каналы двусторонней торговли
	Создание программного обеспечения для улучшения процесса покупки, оплаты Интеграция операционных и логистических систем
Регулирование	Упрощение торговых процедур
	Обеспечение эффективности логистических маршрутов Создание более четких правил для цифровой торговли на двустороннем уровне
Финансы	Двусторонние финансовые институты для микро-, малого и среднего бизнеса для предоставления финансирования для развития бизнеса, но также на случай неопределенности.

Источник: составлено автором.

Операционная инфраструктура является фундаментом сотрудничества. От нее во многом зависит эффективность операционных процессов, таких как проведение оплаты, поддержка и пр. Кооперация в отмеченных областях требует регулирования. Для бизнеса важно иметь четкие правила, поскольку это влияет на издержки. Но скоординированные усилия могут стать основой для более масштабного регулирования двусторонней торговли. Наконец, доступ к финансовым ресурсам является важной составляющей бизнеса. Цифровая торговля открывает возможности для микро-, малых и средних компаний, но они не смогут их реализовать, не имея доступа к финансовым программам. Двусторонние финансовые институты, которые бы представляли бизнесу комплексный спектр услуг для развития цифровой торговли, могли бы сыграть важную роль в развитии двусторонней торговли.

В заключение хотелось бы отметить следующее: цифровая торговля открывает возможности для России и Кореи создать новый вектор в развитии двусторонних отношений. Она потребует вовлечения новых участников, новой инфраструктуры, и это активизирует диалог особенно в период восстановления после пандемии COVID-19, нарушившей традиционные цепочки торговли. С этой точки зрения у России и Кореи гораздо больше взаимной заинтересованности в создании режима международного регулирования, чем может показаться на первый взгляд. Однако ожидание, пока будет создано регулирование, может быть не лучшей стратегией, принимая во внимание быстрый темп цифровых трансформаций, поэтому важно уже сегодня делать шаги в направлении развития двусторонней цифровой торговли.

Глава 4.3

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫМИ ТОВАРАМИ³⁷⁷

На сегодняшний день осуществляется активный переход к информационному обществу, который характеризуется высокой скоростью беспрецедентных технологических изменений. Цифровая трансформация связана прежде всего с совокупностью взаимосвязанных, взаимодополняющих и конвергирующих технологий – информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Развитие ИКТ оказывает влияние на различные сферы деятельности общества, в том числе и на экономические процессы. Используя инструментарий ИКТ, бизнес трансформирует цепочки спроса и предложения, внутренние бизнес-процессы организации; государственные органы переходят на предоставление услуг в цифровом формате; индивиды модифицируют характеристики своего экономического поведения, особенно в части потребления и расходов. Непосредственно и опосредованно развитие ИКТ может сокращать интенсивность рыночных колебаний и транзакционные издержки, влиять на конкурентную позицию страны или региона, воздействуя на производительность и экономический рост.

В Национальной программе РФ³⁷⁸ цифровая экономика определена как экономика, в которой данные в цифровой

377. Глава подготовлена в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51- 93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

378. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 г. №16).

форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет. Роль цифровой экономики в России видится в повышении эффективности современной экономики в основном за счет автоматизации всех процессов и технологий обработки данных³⁷⁹.

Основные направления трансформации производства определяются тремя глобальными технологическими тенденциями: сетевая интеграция, интеллектуализация и гибкая автоматизация³⁸⁰, развитие данных тенденций скорее всего приведет к тому, что значительная часть производства будет осуществляться без участия человека.

На сегодняшний день международные торговые и финансово-экономические организации в своей практической деятельности исходят из того, что продукция сектора ИКТ (ICT products, ICT-продукты) – это такие продукты, которые «которые должны быть направлены в первую очередь на обеспечение функций обработки информации и коммуникаций за счет использования электронных средств, включая передачу и отображение» (ОЭСР, 2008) [1]. В 2011 г. ОЭСР разработана классификация ICT-продуктов, включающая в себя соответствующие товары и услуги (таб. 4.5).

Таблица 4.5. Классификация ICT-продуктов

Категория	Количество подкатегорий
ICT-товары, в т.ч.	52
Компьютеры и периферийное оборудование	19
Оборудование систем связи	8
Бытовое электронное оборудование, в т.ч. бытовая техника	11
Электронные компоненты и прочие ICT-товары	14
ICT-услуги, в т.ч.	47
Производственные услуги для ICT-оборудования	5
Программное обеспечение для бизнеса и услуги лицензирования	11

379. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы / Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203.

380. Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. ВЭФ, 2019.

Окончание табл. 4.5.

Категория	Количество подкатегорий
Консультационные услуги по вопросам ИКТ	10
Телекоммуникационные услуги	12
Аренда (лизинг) ИСТ-оборудования	3
Прочие ИСТ-услуги	6
Итого	99

Источник: составлено авторами по данным: OECD Guide to Measuring the Information Society 2011. OECD Publishing

Данная классификация основана на характеристиках высокотехнологичных продуктов. Она периодически модифицируется, что обусловлено быстро изменяющимся характером товаров и услуг в секторе ИКТ.

4.3.1. Научно-техническое сотрудничество России и Республики Корея

Актом, регламентирующим научно-техническое сотрудничество России и Республики Корея, является Соглашение между Правительством СССР и Правительством Республики Корея о научно-техническом сотрудничестве от 14.12.1990 г. Основные документы о сотрудничестве, которые тем или иным образом затрагивают сферу цифровой экономики, подписанные по итогам государственного визита Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Российскую Федерацию (июнь 2018 г.), и действия, предпринятые в рамках этих документов, представлены в табл. 4.6.

Таблица 4.6. Основные документы, регламентирующие научно-техническое сотрудничество России и Республики Корея

Наименование документа	Содержание/Мероприятия
1. Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития России и Министерством науки и информационно-коммуникационных технологий Республики Корея о создании российско-корейской инновационной платформы для Четвертой промышленной революции.	Инновационная платформа разработана для содействия ведению предпринимательской деятельности в рамках Индустрии 4.0. путем объединения инновационных фундаментальных технологий России с прикладными информационно-коммуникационными технологиями Кореи. Деятельность платформы будет направлена на содействие проведению совместных исследований и НИОКР в области науки, промышленности и технологий 12.07.2018 г. – первое заседание совместной рабочей группы по инновациям:

Окончание табл. 4.6

Наименование документа	Содержание/Мероприятия
<p>2. Меморандум о взаимопонимании между Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерством науки и информационно-коммуникационных технологий Республики Корея по сотрудничеству в области связи и информационно-коммуникационных технологий.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • обсуждение развития сотрудничества стран в таких областях как беспроводная связь, нейротехнологии и искусственный интеллект, блокчейн, аддитивные технологии и 3D-печать, робототехника и сенсорика, беспилотный транспорт и других; • договор о начале совместного проекта по поддержке технического сотрудничества между малым и средним бизнесом, венчурными компаниями и стартапами. <p>21.06.2019 г. открытие в Инчхоне Корейско-Российского инновационного центра.</p> <p>Цели деятельности Центра:</p> <ul style="list-style-type: none"> • поддержка технологического сотрудничества, малых и средних предприятий с венчурным капиталом; • осуществление стратегической разработки совместных проектов и всестороннее управление ими. <p>Сферы кооперации: новые производственные технологии, цифровое проектирование и моделирование, создание и применение новых материалов, робототехника, анализ больших данных, технологии искусственного интеллекта и промышленного интернета вещей.</p>
<p>1. Совместное заявление о соглашении о свободной торговле между Россией и Республикой Корея. Текущий статус: ведутся переговоры</p>	<p>Заявление о запуске переговоров по соглашению об инвестициях и свободной торговле услугами от 20.06.2019 г.</p> <p>Ожидаемые цели соглашения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • повышение международной конкурентоспособности российского сектора услуг, • способствование достижению целевых показателей и расширению географии корейских капиталовложений в экономику России, в том числе в региональном разрезе; • способствование формированию новых цепочек добавленной стоимости, прежде всего, за счет перспективных инвестиционных проектов, роста торговли сопутствующими услугами, обмена технологиями и знаниями

Источник: составлено авторами³⁸¹.

381. Документы, подписанные по итогам государственного визита Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Российскую Федерацию. 22.07.2018. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/5320>; Россия и Южная Корея начали переговоры по соглашению об инвестициях и свободной торговле услугами. 20.07.2019. — URL: https://economy.gov.ru/material/rossiya_i_yuzhnaya_koreya_nachali_peregovory_po_soglasheniyu_ob_investitsiyah_i_svodnoy_torgovle_uslugami.html; В Корею открылся Корейско-Российский инновационный центр. 28.06.2019. — URL: <https://nticenter.spbstu.ru/news/6978>; Открытие «Корейско-Российского инновационного центра». 24.08.2019. — URL: <https://deaci.org/otkrytie-korejsko-rossijskogo-innovacionnogo-centra/>; Корея. Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d11/soglasheniya_o_svodnoy_torgovle/koreya.html; Strengthen Science, Technology, Innovation and ICT Cooperation with Russia. — URL: <https://english.msit.go.kr/english/msipContents/contentView.do?cateId=msse42&artId=1390184>; Korea and Russia to Strengthen Science and Technology Cooperation in Response to Fourth Industrial Revolution. URL: <http://english.msip.go.kr/english/msipContents/contentView.do?cateId=msse42&artId=2061764>

В процессе научно-технического сотрудничества и с целью его дальнейшего развития возникли и развиваются совместные рабочие институты России и Республики Корея: совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству; совместный комитет по научно-техническому сотрудничеству; совместный координационный комитет по атомной энергии; российско-корейский комитет по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов; комитет по сотрудничеству в области промышленности; российско-корейский комитет по сотрудничеству в области телекоммуникаций и информационных технологий; рабочая группа по упрощению и осуществлению инвестиций³⁸². Каждый из этих институтов, действуя в рамках своей компетенции, вносит заметный вклад в активизацию совместных исследований и разработок.

Сотрудничество стран в развитии высоких технологий способствует достижению национальных приоритетов. Корея, развивая контакты с Россией, ставит целый ряд задач развития национальной высокотехнологичной промышленности: обеспечение роста инвестиций в фундаментальные исследования; разработка оригинальных ключевых технических решений; создание международной зоны науки и бизнеса; развитие исследований в области ядерной безопасности; создание автономной корейской ракеты-носителя, искусственных спутников; учреждение исследовательских университетов.

Научно-техническое сотрудничество Кореи и России осуществляется в аэрокосмической отрасли, в атомной энергетике, ИКТ, промышленных технологиях, исследованиях Антарктики, фармацевтике, нанотехнологиях. Наибольший интерес у южнокорейской стороны вызывают российские разработки в области лазерной технологии, биотехноло-

382. Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности / А.Г. Пикалова, Е.Г. Насыбулина, А.В. Соколов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. С.37–38.

гии, производства композитных и сверхпрочных материалов, генной инженерии, ядерной энергетики, электроники, аэрокосмической техники. В 2014 г. было достигнуто соглашение о создании на территории инновационного центра «Сколково» российско-корейского инновационного центра. У фонда «Сколково» также имеются соглашения о сотрудничестве с компанией Samsung (2012 г.), с Корейским научно-исследовательским институтом электроники и телекоммуникаций (2011 г.) и корейским технопарком «Кванчжу» (2012 г.)³⁸³. В 2019 г. была реализована пилотная для Фонда «Сколково» программа по привлечению зарубежных стартапов Softlanding in Skolkovo, в которой приняли участие представители пяти высокотехнологичных компаний из Южной Кореи, занимающихся разработкой бытовой техники и промышленного оборудования, в том числе роботов³⁸⁴.

В 2015 г. Российская венчурная компания и Корейский технический венчурный фонд (Korean Techno-Venture Foundation) подписали протокол о взаимодействии, который предусматривает обмен передовым опытом в управлении инновациями, по реализации совместных венчурных и технологических проектов, организации совместных семинаров, выставок, по поддержке малых и средних технологических предприятий, а также содействие обмену учеными, исследователями, техническим персоналом и специалистами.

В 2019 г. Россия и Республика Корея подписали план сотрудничества в рамках инициативы «девяти мостов», которая активизирует взаимодействие стран в процессе развития и внедрения современных технологий в такие отрасли, как производство и транспортировка природного газа, железнодорожное сообщение, морские порты, производство и транс-

383. Пикалова А.Г. и др. Указ соч. С. 102–106.

384. «Самое важное - люди»: в Сколково с успехом завершена первая программа софтлендинга. 15.07.2019. — URL: <http://sk.ru/news/b/articles/archive/2019/07/15/samoe-vazhnoe--lyudi-v-skolkovo-zavershena-pervaya-programma-softlendinga.aspx>

портировка электроэнергии, арктические судоходные маршруты, судостроение, трудовая политика, сельское хозяйство и рыболовство³⁸⁵.

Россия и Республика Корея являются партнерами в рамках многосторонних инициатив, в том числе:

- Международный термоядерный экспериментальный реактор (ITER);
- Международное партнерство по водородной экономике;
- Международное партнерство по секвестру углерода³⁸⁶.

В 2018 г. была начата реализация двух совместных инвестиционных проектов. Необходимость разработки такого Соглашения о защите инвестиций и торговле услугами, в том числе и в секторе финансовых технологий и страховых инновационных технологий, была определена в ходе визита в Россию Президента Южной Кореи Чжэ Ин Муна в июне 2018 г. Второй проект – создание с целью поддержки проектов корейских компаний в России, странах СНГ, Восточной Европы и в Монголии Глобального инфраструктурного фонда. Сумма инвестиций этого фонда в Россию составит около USD 100 млн. Направления инвестирования включают проекты в сфере развития высокотехнологичных «умных» объектов инфраструктуры в регионах Дальнего Востока. Основными реципиентами инвестиций станут субъекты малого и среднего бизнеса. О создании фонда было объявлено в рамках Первого российско-корейского форума межрегионального сотрудничества, который прошел в ноябре 2018 г. в г. Пхохане (Республика Корея).

В 2020 г. запланировано создание российско-южнокорейского фонда для инвестиций в инновации. Проект вклю-

385. *Zakharova L.* Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy. Korea Economic Institute of America. Academic Paper Series. Dec. 10, 2019. P.1-9.; *Voloshchak V.* A Closer Look at South Korea's Plan for Cooperation With Russia. 09.01.2019. – URL: <https://thediplomat.com/2019/01/a-closer-look-at-south-koreas-plan-for-cooperation-with-russia/>; *Ким Ю., Яхменев П.А.* О расширении сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации в сфере цифровой экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. №5. С. 148–162.

386. *Пикалова А.Г.* и др. Указ соч. С. 102–106.

чает создание фонда в размере \$1 млрд за счет совместных взносов России и Республики Корея на равной основе. Первым шагом станут вложения в размере \$400 млн (по \$200 млн каждой стороной). В Республике Корея уже сформирована рабочая группа с участием различных заинтересованных организаций для запуска подготовительного фонда в 2020 г. Планируется сотрудничество с российскими инвестиционными агентствами в сфере поиска перспективных технологий, имеющихся у российских компаний, в таких отраслях, как новые материалы, компоненты и оборудование. Вложения планируется осуществлять на основе соглашения о совместных инвестициях между корейским и российским фондами. Основное внимание будет уделено проектам, которые можно будет локализовать в России или в Республике Корея либо коммерциализировать их в течение 3–5 лет³⁸⁷.

4.3.2. Внешняя торговля высокотехнологичной продукцией России и Республики Корея

Очевидно, что научно-техническое сотрудничество России и Республики Корея является одним из факторов развития внешней торговли высокотехнологичной продукцией и той, и другой страны. Следует зафиксировать тот факт, что в первой четверти XXI в. степень влияния данного фактора не имела большого значения для российских показателей, которые оставались на невысоком по сравнению с Республикой Корея уровне.

Так, например, графики, представленные на рис.4.4, показывают, что доля российского экспорта высокотехнологичных товаров в период с 2004 г. по 2018 г. фактически не изменилась, в то же время аналогичный показатель, характеризующий корейский экспорт, существенно сократился к 2012 г., однако затем его значение стало расти и достигло уровня 27,8%.

387. Российско-южнокорейский фонд для инвестиций в инновации может быть запущен в 2020 г. / 28.11.2019. – URL: <https://www.finversia.ru/news/markets/rossiisko-yuzhnokoreiskii-fond-dlya-investitsii-v-innovatsii-mozhet-byt-zapushchen-v-2020-g-66851>

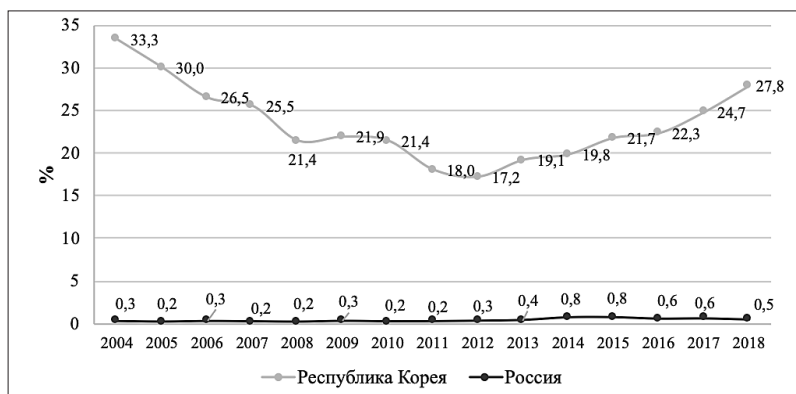

Рис. 4.4. Доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме товарного экспорта России и Республики Корея, 2004–2018 гг.

Источник: Здесь и далее составлено авторами по данным UNCTADStat. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds>

График, представленный на рис. 4.5, показывает изменение доли импорта высокотехнологичных товаров в Россию и Республику Корея. И если значение показателя для Кореи снижается, что может свидетельствовать об увеличении объемов внутреннего производства высокотехнологичных товаров, то российский показатель, напротив, растет.

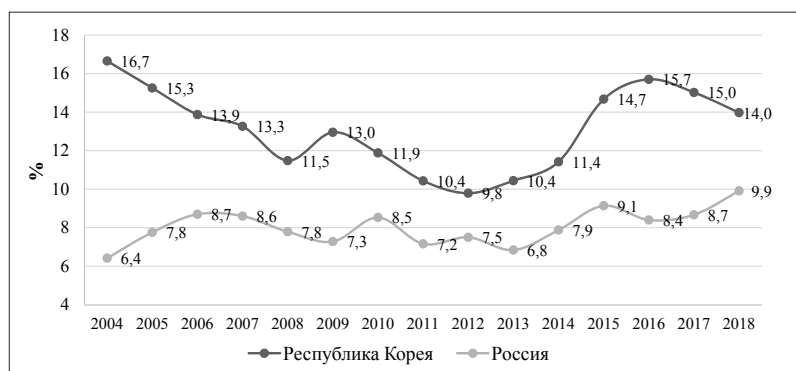

Рис. 4.5. Доля импорта высокотехнологичных товаров в общем объеме товарного импорта России и Республики Корея, 2004–2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

На рис. 4.6 представлена динамика торговли высокотехнологичными товарами России и Республики Корея за 2004–2018 гг.

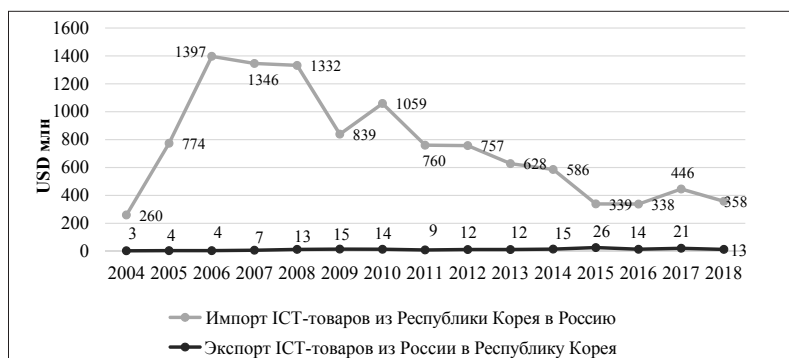

Рис. 4.6. Объемы взаимной торговли высокотехнологичными товарами России и Республики Корея, 2010–2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

Рис. 4.6 отражает существенную неравномерность во взаимной торговле высокотехнологичными товарами двух стран. Объемы российского импорта из Республики Корея на порядок выше объемов экспорта. Это обусловлено, прежде всего, неконкурентоспособностью российских товаров с высокой добавленной стоимостью на южнокорейском рынке.

Если обратить внимание на структуру российского импорта высокотехнологичных товаров из Республики Корея, можно увидеть, что наибольшая доля транзакций (около 30%) приходится на импорт электронных компонентов (рис. 4.7). В денежном выражении это составляет \$103 млн.

Импорт бытового электронного оборудования в 2018 г. в денежном выражении составил \$88 млн, импорт компьютеров и периферийного оборудования – \$76 млн. В целом, импорт высокотехнологичных товаров из Республики Корея в Россию за рассматриваемый период в денежном выражении составил \$358 млн.

Рис. 4.7. Структура российского импорта высокотехнологичных товаров из Республики Корея, 2018 г.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

На рис. 4.8 представлена структура российского экспорта высокотехнологичных товаров в Республику Корея.

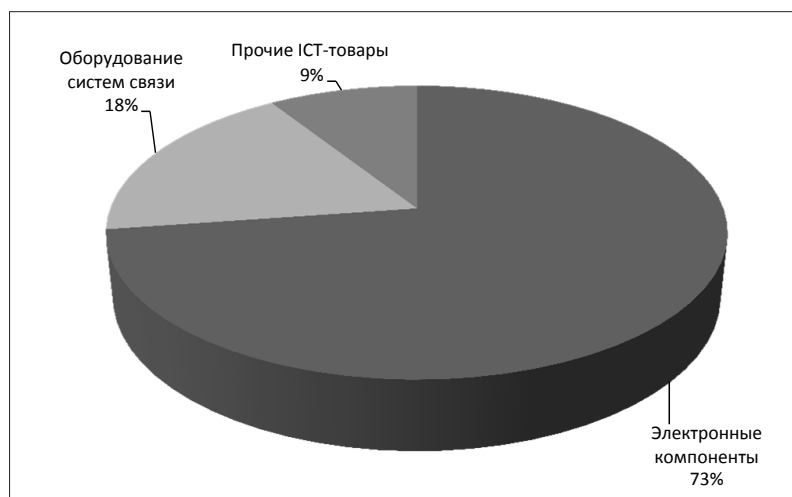

Рис. 4.8. Структура российского экспорта высокотехнологичных товаров в Республику Корея, 2018 г.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

Максимальные объемы за рассматриваемый период пришлись на экспорт электронных компонентов — в денежном

выражении этот показатель составил \$8 млн. С существенным разрывом на втором и третьем местах находятся сделки по экспорту оборудования систем связи (\$2 млн) и прочих ИСТ-товаров (\$1 млн). В целом, за рассматриваемый период экспорт высокотехнологичных товаров из России в Республику Корея в денежном выражении составил \$11 млн. Рис. 4.5 и 4.6 демонстрируют значительную неравномерность товарных потоков в торговле высокотехнологичными товарами — стоимость импорта южнокорейских высокотехнологичных товаров в Россию превышает стоимость экспорта более чем в 30 раз.

Доля экспорта услуг, обеспечивающих возможности для обработки и передачи информации с помощью электронных средств, в общем объеме экспорта услуг и в России, и в Республике Корея в течение 2010–2018 гг. демонстрирует достаточно устойчивый рост. Причем, если доля ИСТ-услуг в российском экспорте увеличилась за период на 2,7%, достигнув к концу 2018 г. 7,9%, то прирост аналогичного показателя в корейском экспорте составил 2,3% и равен лишь 3,4%, что более чем в два раза ниже по сравнению с российским. График, представленный на рис. 4.9, показывает также и схожую в целом общую динамику роста рассматриваемого индикатора.

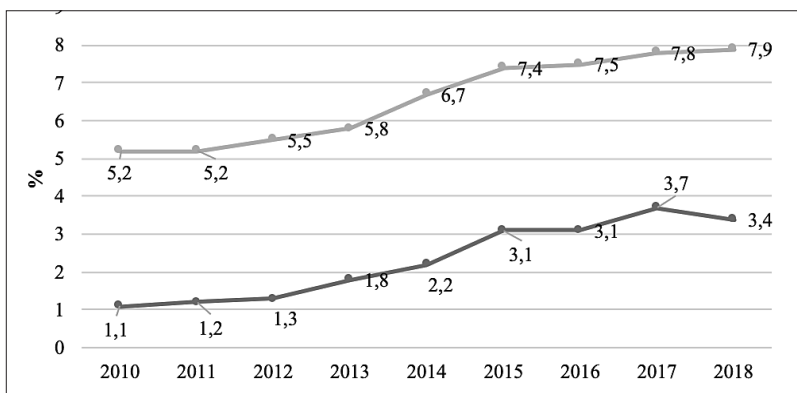

Рис. 4.9. Доля экспорта ИСТ-услуг в общем объеме экспорта услуг России и Республики Корея, 2010–2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

Что касается доли импорта ИКТ-услуг в общем объеме импорта услуг России и Республики Корея, то общая положительная динамика этого показателя и для России, и для Кореи менее устойчива. На рис. 4.10 можно увидеть существенный рост этой доли в российском импорте в 2016 г. и ее значительное снижение к концу 2018 г. Не исключено, что такое снижение стало одним из результатов политики импортозамещения, проводимой РФ в связи с экономическими санкциями, направленными на подрыв российской экономики. За рассматриваемый период прирост доли импорта услуг ИСТ в общем корейском импорте, по данным Координационного центра по проблемам развития и смежным вопросам торговли, финансов, технологий, инвестиций и устойчивого развития (ЮНКТАД), составил 0,8%, в российском импорте аналогичная доля увеличилась лишь на 0,4%.

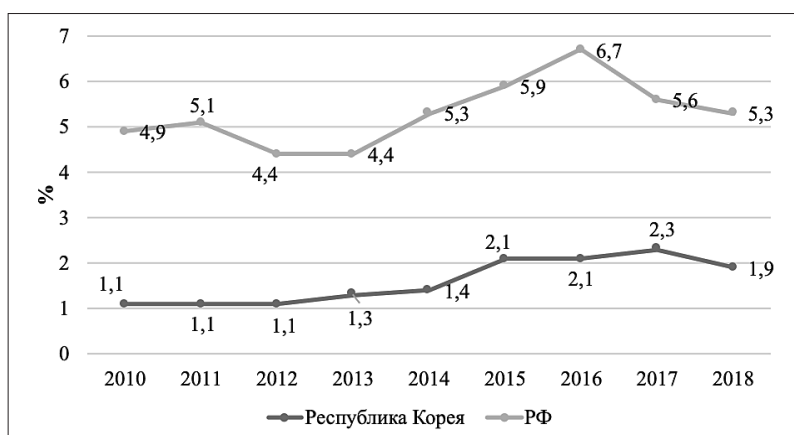

Рис. 4.10. Доля импорта ИСТ услуг в общем объеме импорта услуг России и Республики Корея, 2010–2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

Анализ внешней торговли продемонстрировал существенный разрыв в торговле высокотехнологичными товарами. Для того чтобы его преодолеть, необходимо не только самостоятельно развивать отечественную цифровую экономику, но и активизировать сотрудничество Республики Корея и

России в этой сфере, так, например, необходимо восстановление объемов торговли высокотехнологичными товарами, которые существенно сократились после 2010 г., преодоления разрыва между странами в цифровом развитии и производстве высокотехнологичных товаров. В рамках взаимодействия двух стран это может быть формализовано в контексте реализации инновационных и цифровых стратегий: стратегий «Умная Корея», «Гига Корея», Генерального плана развития интеллектуального информационного общества (Mid- to Long-Term Master Plan in Preparation for the Intelligent Information Society) и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В связи с определенным замедлением темпов роста мировой экономики представляется целесообразным поиск новых долгосрочных направлений стабильного сотрудничества России с Республикой Корея в рамках региональных объединений. К возможным направлениям такого сотрудничества можно отнести формирование зоны свободной торговли ЕАЭС и Республики Корея.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История развития мировой торговли и, соответственно, торговой политики неразрывно связана со странами Восточной Азии. Открытие морских путей в регион в XVI веке способствовало росту масштабов торговых операций, диверсификации товарной номенклатуры, а также становлению системы логистики и финансового обеспечения торговли на протяжении нескольких последующих столетий. Ну а применительно к современной ситуации значение Восточной Азии просто трудно переоценить. И дело не только во вкладе в мировой товарооборот. Здесь активно формируются новые подходы к организации торговли, быстрыми темпами вводятся различные инновации, в том числе в сферах, занятых обеспечением торговых операций, таких как финансирование, транспортировка, страхование. В целом, доступ к торговой инфраструктуре региона чрезвычайно важен с точки зрения конкурентных позиций стран в мировой экономике. Это вдвойне верно для России. Она, как известно, граничит (по суше либо по морю) с так называемой Большой тройкой Северо-Восточной Азии – Китаем, Кореей, Японией – и через морские транспортные пути имеет выходы в глубь Восточной Азии к портам и рынкам АСЕАН.

Экономическая важность региона для России связана также с тем, что углубление и расширение сотрудничества с государствами Восточной Азии находится в русле общего стратегического курса на диверсификацию внешних, и в том числе внешнеэкономических, связей. В его рамках «повороту на Восток» отводится особая роль. В частности, на этой основе есть возможность если не полностью купировать, то, по крайней мере, существенно смягчить негативное воздействие санкций, введенных США и их союзниками против России-

ской Федерации. Ну а в более широком контексте речь идет о снижении уровня неопределенности и рисков, сложившегося в мировой экономике к 2020 г.

На основании исследования, проведенного авторами данной монографии, можно выделить несколько основных направлений для взаимовыгодного сотрудничества с восточноазиатскими партнерами.

1. Участие в региональных интеграционных проектах. Превалирующей формой их реализации в Восточной Азии являются соглашения о зонах свободной торговли. При этом отличительная черта данных соглашений – ориентация, прежде всего и преимущественно, на экономические выгоды. Это позволяло и позволяет развивать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество без привязки к политическим и историческим разногласиям, которыми изобилует регион. Подобный подход может быть применим и к России, которой необходимо решать вопросы развития национальной экономики, особенно в условиях сжатия экономической активности в результате пандемии.

Россия проявляет определенную активность на указанном направлении. Ею – вместе с партнерами по ЕАЭС – были созданы зоны свободной торговли с Сингапуром и Вьетнамом, ведутся переговоры с Республикой Корея. Но пока эти соглашения не являются частью единой стратегии. Формирование дорожной карты участия в региональных интеграционных проектах на основе содержательного анализа выгод, которые они могут принести национальной экономике и российскому бизнесу – как крупному, так и в существенной степени малому и среднему – представляется чрезвычайно важным элементом торговой политики.

2. Реализации китайского проекта ОПОП во многом совпадает с интересами России. Участие в нем позволит улучшить инфраструктурные связи между всеми странами ЕАЭС и Восточной Азии. При этом понимание и определение как явных, так и скрытых рисков важно для последовательного достижения экономических и геополитических целей Рос-

сийской Федерации. Активное участие в указанном проекте подразумевает создание механизмов защиты национальных интересов. При этом многосторонний подход к сотрудничеству как раз и является одним из таких механизмов.

3. В долгосрочной перспективе важно разрабатывать современные направления торгово-экономического сотрудничества в сфере цифровой торговли и инноваций. Пандемия еще более явно обозначила переход к повсеместному использованию цифровых технологий в структурах потребления и производства, цепочках добавленной стоимости. Как известно, большая часть инноваций создается в странах Восточной Азии, которые являются как важными мировыми производителями, так и потребителями цифровых товаров и услуг. Соответственно, успешное сотрудничество с государствами региона в данном направлении позволит активизировать процессы цифровизации в российской экономике.

4. Кооперация в деле поиска решения широкого спектра глобальных и региональных проблем также представляется неотъемлемой частью успешных партнерских отношений. В данной монографии в качестве примера таких проблем рассматривается нелегальная хозяйственная деятельность. Есть все основания утверждать, что коллективные усилия по формированию механизмов противодействия подобной деятельности внесут вклад в достижение общих целей.

Подводя общий итог, отметим, что члены авторского коллектива в своих материалах смогли выразить точку зрения лишь по сравнительно небольшой части тех сюжетов, которые могут и должны рассматриваться в общем контексте заявленной в названии темы. Более того, авторы, с одной стороны, ни в коей мере не претендуют на обладание истиной в последней ее инстанции, с другой — прекрасно понимают, что не столько дают ответы, сколько ставят перед собой новые, зачастую более сложные вопросы. Хочется надеяться, что они вызовут интерес у читателей и стимулируют дальнейшую научную дискуссию.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.* Амкодор начал строить новый завод с китайцами. – URL: <http://www.belmarket.by/amkodor-nachal-stroit-novyy-zavod-s-kit...>
- Алексеев В.* Беларусь хочет увеличить транзит китайских контейнеров вдвое. <https://www.belmarket.by/belarus-hochet-uvlichit-tranzit-kitaiskih...>
- Араи Н.* (2003). Проблемы развития российско–японской торговли морепродуктами. // Проблемы Современной Экономики. 2003. № 7–8. С.133–134.
- Ассоциация добытчиков краба Дальнего Востока (2018). История промысла крабов на Дальнем Востоке. – URL: <http://crab-dv.ru/krabyi-dalnego-vostoka/istoriya-promyisla.html> (дата обращения 29.04.2020)
- Астахова С.* Белоруссия и Китай: новый этап взаимоотношений //Россия и новые государства Евразии. М., 2016,№4.С.40.
- Баасантогтох О.* 2016. Проблемы трудовой занятости сельского населения Монголии // Евразийство и мир. 2019. № 1. С. 68–74.
- База данных Международного торгового центра URL: <https://www.trademap.org/>
- Балдано М.Н., Кириченко С.В.* 2015. Монголия на перекрестке внешних миграций: монгольские мигранты в Южной Корее. Международный научный журнал «Символ науки». 2015 № 9.
- Банк России – URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (Дата обращения 20.01.2020).
- Беларусь в цифрах. 2020. Статистический справочник. Минск. 2020. С.61.
- Белов А.В., Соболева Г.В.* (2018). Изучение теневой экономики на основе анализа средств массовой информа-

- ции // Вестник СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 113–133.
- Богатуров А. (2004). Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 10. С.53–64.
- В Монголии продолжаются аресты по делу о 49% акций Эрдэ-нэта. 06.03 – URL: <http://asiarussia.ru/news/21535/>
- В Корее открылся Корейско-Российский инновационный центр. 28.06.2019. – URL: <https://nticenter.spbstu.ru/news/6978;>
- ВАВТ (2019). Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. №39. С.4.
- Вардомский Л.Б. О динамике транзитных перевозок стран ЕАЭС // *Мир перемен*. 2018. № 2. С. 161–173.
- Вардомский Л.Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // *Мир перемен*. 2010. № 2. С. 129-140.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 8–12.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2018. С.12.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 30–34.
- Варнавский В.Г. ЕС и Россия в глобальных цепочках создания стоимости. Современная Европа. 2019. №1. С. 92–103.
- Веб-сайт центра ВТО Вьетнама – URL: <http://trungtamwto.vn/hiep-dinh-khac/12961-day-dac-rao-can-thuong-mai-vao-thi-truong-my>

- Весна не смогла подогреть погрузку РЖД, 07.05.2020. – URL: https://www.alt.ru/logistics_news/74168/ (дата обращения: 05.06.2020).
- ВестиФинанс (2018). РФПИ подписал с компаниями Сингапура соглашения на \$1 млрд – URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/110116> (Дата обращения 20.01.2020).
- Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2018. С. 302, 303, 305.
- Внешняя торговля России с Вьетнамом в 1 кв. 2020 г. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-05/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-vietnamom-v-1-kv-2020-g//> (дата обращения: 1.06.2020)
- Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2018. Статистический сборник. М., 2019. С. 153.
- ВНИИ Труда (2019). Рыбоводство и рыболовство. Аналитическая справка. – URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Рeболoвctвo_2019.pdf (дата обращения 29.04.2020)
- Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам внеочередного совещания глав внешнеполитических ведомств государств БРИКС, Москва, 28 апреля 2020 г. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4107702 (дата обращения: 11 мая 2020 г.)
- Выступление Президента перед студентами Пекинского университета //Советская Белоруссия. 2016, 1 октября.
- Выступление Президента России Владимира Путина на саммите БРИКС в г. Бразилиа 14 ноября 2019 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62045> (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
- Вьетнам не принимает зерно. Коммерсант, 17.10.2019 – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4127098> дата обращения: 81.05.2020 г.

- Вьетнамская экономика будет расти, несмотря на COVID-19 – MyVietHome. URL: <https://myviethome.com/vietnamskaya-ekonomika-covid19.html> (дата обращения: 20.02.2020).
- Газета «Финансы» Министерства финансов Вьетнама – URL: <http://thoibaotaichinhvietnam.vn/pages/thoisu/2018-11-01/wb-viet-nam-xep-thu-69-190-ve-moi-truong-kinh-doanh-2019-63771.aspx>
- Галищева Н.В. Внешняя торговля России и Индии в 1950–2000-х гг. // Вестник МГИМО Университета. 2012, №3.
- Глинкина С.П. и другие. (2018). Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. М.: Эдитус.
- Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 202. С. 107–123.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.
- Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.
- Годовой отчет Белорусской железной дороги 2019. С. 27–28. URL: // <http:rw.by>
- Голубев С.Г., Береснев Д.В., Ефремова А.О. Перспективы продвижения белорусской продукции на рынки Китая в свете американо-китайской торговой войны / Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции 20–21 сентября 2018 года, г. Минск. В двух томах. Том 2. Минск: Право и экономика, 2018. С.20–21.

- Губина М.А. (2019). Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. №2.
- Губина М.А. Российско-индийские экономические отношения: современные тенденции и перспективы. // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2018». СПб.: Изд-во СПбГУ. 2019.
- Губина М.А., Коваль А.Г., Трофименко О.Ю. Специальные защитные меры как инструмент политики импортозамещения: зарубежный опыт и перспективы России. // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 2 (449).
- Губина М.А., Малова А.С. (2015). Либерализация или протекционизм: индийский опыт использования мер защиты внутреннего рынка // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2015». СПб.: Гамма.
- Даваасурэн Авирмэд 2019. О состоянии российско-монгольских отношений 26 декабря 2019 – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/>
- Данилов Ю.Г., Никифорова В.В., Леонтьев С.П., Константинов Н.Н., Хосоев Д.В. ГОК «Эрдэнэт»: история и перспективы развития. Горная промышленность. 2019; (5): 24–27.
- Евразийская экономическая комиссия. Департамент транспорта и инфраструктуры. Аналитический доклад «Международные транспортные коридоры, проходящие через территорию государств-членов». М. 2019. 23 С.
- Едовина Т. (2019). Сингапур добавит ЕАЭС свободы // Коммерсантъ. 1 октября.

- ЕЭК (2018). Обзор Соглашения о свободной торговле между государствами—членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp> (Дата обращения 20.01.2020).
- ЕЭК (2019). Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents. (Дата обращения 20.01.2020).
- ЕЭК (2019). Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp> (Дата обращения 20.01.2020).
- ЕЭК. О выявлении недостатков, связанных с организацией движения поездов, в части согласования перевозок и оформления перевозок грузов, в том числе с применением безбумажных технологий (аналитический доклад). М., 2019 г. С. 6–7.
- Журнал «Финансы» Министерства финансов Вьетнама — URL: <http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/tac-dong-cua-evfta-den-nen-kinh-te-viet-nam-va-mot-so-khuyen-nghi-322234.html>
- Журнал «Коммунист» 13.03.2020 — URL: http://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/hiep-dinh-evfta-tu-goc-nhin-chien-luoc
- Заседание круглого стола форума «Один пояс, один путь». 27 апреля 2019 г. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60393> (дата обращения : April 12, 2020).
- ИМПТЭС КОНСАЛТ (2016) Почему российские ИТ-компании переезжают в Сингапур. - URL: <https://www.start-business-in-singapore.com/blog/pochemu-rossijskie->

- it-kompanii-pereezzhayut-v-singapur.html. (Дата обращения 20.01.2020).
- Информационная служба Кремля – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/45435>
- Информационное агентство ТАСС – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392>
- Информационный портал. – URL: https://vvs-info.ru/helpful_information/poleznaya-informatsiya/vietnam1p2019g/ (дата обращения: 29.05.2020.)
- Информационный сайт правительства Вьетнама – URL: <http://baochinhphu.vn/Kinh-te/ADB-Viet-Nam-giam-toc-do-COVID19-nhung-se-som-hoi-phuc/391959.vgp>
- Калиновская Т.* Из Китая в Европу – URL:<http://www.belmarket.by/ru/350/16/27365%D0%98%D0%B7-...>
- Камчатский край (2017). Крабовый сегмент. 12 декабря 2017 г. ЭЛ.ресурс. URL: <http://kam-kray.ru/news/12951-krabovyi-segment.html> (дата обращения 29.04.2020)
- Кан Ван Лык.* Доклад Банка инвестиции и развития вьетнама «Воздействие Ковид-19 на экономику вьетнама – URL: <http://trungtamwto.vn/chuyen-de/15243-dai-dich-covid-19-tac-dong-manh-den-nganh-kinh-te-nao-cua-viet-nam>
- Караваев А.* ЕАЭС – Сингапур: в чем прибыль от зоны свободной торговли. URL: <https://ru.sputniknews.kz/columnists/20191001/11661624/eaes-singapur-zst.html> (Дата обращения 20.01.2020).
- Ким Ю., Яхменев П.А.* О расширении сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации в сфере цифровой экономики. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. №5. С. 148–162.
- Коваль А.Г., Навроцкая Н.А.* Россия и Китай в глобальных цепочках стоимости: эмпирический анализ. Международный экономический симпозиум – 2020: Материалы международных научных конференций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2020.

- Коваль А.Г., Трофименко О.Ю., Сутырин С.Ф. (2014). Защита национальных производителей в рамках ВТО // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, № 1.
- Кондратьев В.Б., Попов В.В., Кедрова Г.В. Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей. Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №3. С. 68–79.
- Кононович Е. Отношения всепогодной дружбы // Советская Белоруссия. 2018, 31 июля.
- Кононович Е. Этапы большого пути // Советская Белоруссия. Минск, 2017, 16 мая.
- Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 400 с.
- Кузьмина Е. Зоны свободной торговли с ЕАЭС. РСМД, 29 сентября 2019 г. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zony-svobodnoy-torgovli-s-eaes/> (дата обращения: 09.06.2020)
- Лавникевич Д. Лукашенко меняет Москву на Пекин. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/16_a_10675619.shtml
- Лахметкина Н., Пилипчак А. Контейнерные перевозки на евразийском пространстве. Барьеры развития // Логистика. №3. 2020. С. 20–28.
- Ле Динь Тинь, Хан Лам Занг. Евро-вьетнамское соглашение свободной торговли со стратегической точки зрения – URL: <https://thongtinphapluatdansu.edu.vn/2020/04/13/hiep-dinh-evfta-tu-gc-nhn-chien-luoc/>
- Ле Тхи Тхуи. Соглашение о свободной торговле нового поколения: Возможность и вызов для Вьетнама // Ответственная наука. №5, 2017.
- Мазырин В.М. Первое соглашение о свободной торговле Евразийского экономического союза. Международная экономика 2015. № 11–12. С. 51–63.

- Маляров О.В.* Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. В 2 т. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2010.
- Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Монголии (Москва, 17 июня 2015 г.)
- Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Главным управлением Специализированной инспекции Монголии в области ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер (Улан-Батор, 4 октября 2017 г.)
- Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Агентством по стандарту и метрологии Монголии в области технического регулирования и аккредитации (Улан-Батор, 4 октября 2017 г.)
- Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности / А.Г. Пикалова, Е.Г. Насыбулина, А.В. Соколов и др.; Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 37–38.
- Мешкова Т.А., Моисеичев Е.Я.* Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России. Вестник Финансового университета. 2015. 1(85). С. 83–96.
- МИД РФ (2010). О подписании Российской Федерацией Соглашения о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла (ННН-промысла). Сообщение для СМИ. — URL: http://www.mid.ru/un_other/-/asset_publisher/nDzeK8hYBYQH/content/id/251914 (дата обращения 29.04.2020)
- Минздрав России провел встречу старших должностных лиц стран БРИКС по вопросам здравоохранения. / Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2020 году. 8 мая 2020 г. — URL:

<https://brics-russia2020.ru/news/20200508/395195/Minzdrav-Rossii-provel-vstrechu-v-formate-videokonferentsii-starshikh-dolzhnostnykh-lits-stran-BRIKS-po.html> (дата обращения: 8 мая 2020 г.)

Министерство иностранных дел Российской Федерации 2019. Интервью Посла России в Монголии И.К.Азизова агентству «РИА Новости» 9 декабря. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/-/asset_publisher/ruvygv04bpCH/content/id/3941417

Министерство торговли КНР. Статистический бюллетень по иностранным инвестициям в Китае 2019, – URL: <http://images.mofcom.gov.cn/wzs/201811/20181113170135971.pdf>. (дата обращения 15.03.2020).

Минэкономразвития 2018. Россия, Монголия и Китай создадут Рабочую группу по реализации Программы Экономического коридора – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_mongoliya_i_kitay_sozdadut_rabochuyu_gruppu_po_realizacii_programmy_ekonomicheskogo_koridora_.html

Минэкономразвития 2019. Россия и Монголия расширяют межрегиональное и приграничное сотрудничество – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_mongoliya_rasshiryayut_mezhregionalnoe_i_prigranichnoe_sotrudnichestvo.html.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Минск: Юнипак, 2004. С. 157.

Нгуен Тхи Тху Чанг. «Воздействие Соглашения EVFTA на макроэкономический рост Вьетнама в 2020 году» – URL: <http://tapchicongthuong.vn/bai-viet/nhung-tac-dong-tu-hiep-dinh-evfta-den-tang-truong-kinh-te-vi-mo-cua-viet-nam-nam-2020-71977.htm>

О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203.

- Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. ЕЭК, 2019.
- Осинов М. Четверть века дружбы. И это только начало! // Советская Белоруссия. Минск, 2017, 5 мая.
- Островская Е.Я., Мануйлов И.А. Возможности встраивания в глобальные цепочки стоимости посредством национальных кластеров. Экономическая политика. 2016. Т. 1. №5. С. 66–79.
- Островский А.В. Экономика КНР — прогноз до 2030 года. Основные проблемы китайской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 2(6). С. 36–45.
- Отгочулуу Ч. 2016. Государственная политика Монголии в минерально-сырьевой отрасли и ее проведение в интересах устойчивого развития страны // Право на этапе перехода. 2016.
- Открытие «Корейско-Российского инновационного центра». 24.08.2019. — URL: <https://deaci.org/otkrytie-korejsko-rossijskogo-innovacionnogo-czentra/>; Корея. Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d11/soglasheniya_o_svobodnoy_torgovle/koreya.html;
- Офшорно-китайский междусобойчик // БелГазета. Минск, 2017, 7 августа.
- Охота за юанем: Белоруссия нашла нового покровителя. https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/21_a_12067507.shtml
- Патрушев заявил о разработке контртеррористической стратегии БРИКС. / РИА Новости. 18 октября 2019 г. — URL: <https://ria.ru/20191018/1559938410.html> (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
- Перская В.В. Формирование евразийских цепочек создания стоимости как фактор повышения конкурентоспособ-

ности национальных хозяйств государств ЕАЭС. Евразийский союз. 2015. № 3. С. 25–37.

Портал внешнеэкономической информации. Министерство экономического развития РФ. – URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia/ дата обращения: 10.06.2020 г.

Портяков В.Я. Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 18-2. С. 596–608.

Правила происхождения по соглашениям о свободной торговле. Сайт европейского союза – URL: <https://trade.ec.europa.eu/tradehelp/free-trade-agreements>

Правительство РФ (2019). Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/hgCKyG0XzZeAiRsLTtMgVIJh5vQLsMpg.pdf> (дата обращения: 29.04.2020)

Преснякова Е.С. Китайские инвестиции и их значение для развития экономики Республики Беларусь /Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума. Минск, 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 168.

Протокол о возобновлении действия Соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе от 3 марта 2004 г. (Улан-Батор, 27 июня 2018 г.).

Путин В.В. (2015). Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864/work> (Дата обращения 20.01.2020).

Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического фору-

ма, 17 июня 2016 г. 154 Раздел 4. ЕС и проект Большой Евразии Петербург // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 15.02.2019).

Раровский П.Е. Пути повышения эффективности экспорта транспортных услуг на транссибирском контейнерном маршруте // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. С. 124.

РЖД загрузятся транзитными контейнерами. 14.05.2020. – URL: <https://expert.ru/2020/05/14/rzhd-zagruzyatsya-tranzitnyimi-kontejnerami/> (дата обращения: 05.06.2020).

РИА новости 2019. Премьер-министр Монголии прибыл с визитом в Россию. 03.12. – URL: <https://ria.ru/20191203/1561890641.html>

Российский совет по международным делам 2019. Национальные и экономические интересы России в Монголии. 7 февраля 2019 г. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/natsionalnye-i-ekonomicheskie-interesy-rossii-v-mongolii-/>

Российско-южнокорейский фонд для инвестиций в инновации может быть запущен в 2020 г/ 28.11.2019. – URL: <https://www.finversia.ru/news/markets/rossiisko-yuzhnokoreiskii-fond-dlya-investitsii-v-innovatsii-mozhet-byt-zapushchen-v-2020-g-66851>

Россия и Южная Корея начали переговоры по соглашению об инвестициях и свободной торговле услугами. 20.07.2019. – URL: https://economy.gov.ru/material/rossiya_i_yuzhnaya_koreya_nachali_peregovory_po_soglasheniyu_ob_investitsiyah_i_svobodnoy_torgovle_uslugami.html

Ростех (2016). Ростех продал 49% акций «Эрдэнэга» Монгольской медной корпорации. 30 июня 2016 г. – URL: <https://rostec.ru/news/4518501/>

Ростех (2019) Дружба с «городом льва»: о Российско-Сингапурском деловом совете. 28 октября – URL: <https://rostec.ru/news/druzhba-s-gorodom-lva-o-rossiisko->

singapurskom-delovom-sovete-/ (Дата обращения 20.01.2020).

Рудый К.В. Индустриальный парк «Великий камень»: проблемы выбора на этапах становления и развития / Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сборник научных статей. В четырех частях. Часть 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С. 136.

Руководство по измерению глобального производства, Европейская экономическая комиссия ООН, 2016, – URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/Guide_to_Measuring_Global_Production_RU.pdf (дата обращения 04.06.2020).

Рутко Д.Ф. Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики: современное состояние и перспективы развития / Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сборник научных статей. В четырех частях. Часть 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С. 107).

Сайт Министерства торговли промышленности Вьетнама – URL: http://evfta.moit.gov.vn/?page=overview&category_id=2809fd0e-b509-41c4-aa5f-fc2257d628c2

Сайт Торгово-промышленной палаты Вьетнама – URL: <http://www.vccinews.vn/news/29385/5-thang-viet-nam-xuat-sieu-1-9-ty-usd.html>

«Самое важное – люди»: в Сколково с успехом завершена первая программа софтлендинга. 15.07.2019. – URL: <http://sk.ru/news/b/articles/archive/2019/07/15/samoe-vazhnoe--lyudi-v-skolkovo-zavershena-pervaya-programma-softlendinga.aspx> (Дата обращения: 25.04.2020)

Свирко Е. Инвестиции в «Великий камень» превысили \$1 млрд – URL: <http://www.belmarket.by/investicii-v-velikiy-kamen-prevysili-1-mlrd...>

- Сидорова Е.А.* Россия в глобальных цепочках создания стоимости. Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №9. С. 71–80.
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о взаимной охране интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества (Москва, 31 мая 2011 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о взаимной защите секретной информации (Москва, 1 июля 2003 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства (Москва, 17 февраля 2012 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Улан-Батор, 29 ноября 1995 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области электроэнергетики (Москва, 3 декабря 2019 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (Улан-Батор, 14 ноября 2000 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве и обмене информацией по вопросам соблюдения налогового законодательства (Москва, 18 мая 2001 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об условиях транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом (Улан-Батор, 8 июня 2018 г.)

- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан РФ и граждан Монголии (Улан-Батор, 3 сентября 2014 г.)
- Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об урегулировании финансовых обязательств Монголии перед РФ (Москва, 14 декабря 2010 г.)
- Соглашение между РФ и Монголией о внесении изменения в Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 17 декабря 1957 г., заключенное путем обмена нотами от 27 сентября 2019 г. и 11 октября 2019 г.
- Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу и подразделением финансовой информации при Банке Монголии о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (Ереван, 13 июля 2011 г.)
- Соглашение между Центральным банком РФ (Банком России) и Центральным банком Монголии (Монголбанком) о сотрудничестве в области банковского надзора от 17 сентября 2008 г.
- Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии (Москва, 11 апреля 2001 г.)
- Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции РФ и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии (Москва, 17 октября 2000 г.)
- Спартак А.Н.* Стратегические аспекты российского экспорта услуг. Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №12. С. 7–30.
- Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2019. С. 413. 416.
- Стратегия экономического партнерства стран БРИКС. / Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015 году. 9 июля 2015 г.

- URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 1 мая 2020 г.)
- Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В.* 2017. Экономика Монголии в системе большой Евразии. Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты, (1). С. 136–144.
- Сюй Вэнхун.* Инициатива «Один пояс и один путь»: новый китайский вариант для выхода из трудного положения экономики /Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума. Минск, 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 51.
- Ткачук С.П.* Императивы и паллиативы экономической интеграции в рамках Большого евразийского партнерства // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 85–104.
- Тотал* (2018). Малый НПЗ планируют запустить в Карагандинской области. URL: https://total.kz/ru/news/gossektor/malii_npz_planiruut_zapustit_v_karagandinskoi_oblasti_date_2018_04_02_18_07_25 (Дата обращения 20.01.2020).
- Федеральная служба государственной статистики – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm
- Харитонов Д.* Беларуськалий и китайская Migoa начали строительство завода по производству нитрата калия. <http://www.belmarket.by/belaruskaliy-i-kitaiskaya-migoa-nachali-s...>
- Хейфец Б.А.* (2018). Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики РАН. №5. С. 107–120.
- Хейфец Б.А.* (2019). Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: Алетейя.
- Ходасевич А.* Белорусское молоко потекло в Китай // Независимая газета. 2019, 21 апреля.
- Ходасевич А.* Лукашенко выбирает Пекин // Независимая газета. 2016, 3 октября.

- Ходасевич А.* Лукашенко перенаправляет молочные реки в Китай // Независимая газета. 2018, 29 мая.
- Чжанг К.* (2019). Зона свободной торговли с Сингапуром поможет ЕАЭС заключить соглашение с АСЕАН. – URL: <https://eurasia.expert/zst-s-singapurom-pomozhet-eaes-zaklyuchit-soglashenie-s-asean/> (Дата обращения 20.01.2020).
- Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. ВЭФ, 2019.
- Шепелюк О.* Geely намерена обогнать рынок <http://www.belmarket.by/geely-namerena-obognat-rynok>
- Шепелюк О.* Китайский рычаг для БЖД. <http://www.belmarket.by/kitayskiy-rychag-dlya-bzhd>.
- Шурубович А.В.* Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017, №3. С. 116–132.
- Щербанин Ю.А.* Транспортные коридоры: еще модно? // Транспорт Российской Федерации. 2006. № 5. С. 7–9.
- Экспорт во Вьетнам. Особенности ведения бизнеса во Вьетнаме. ЕЭК. Москва, 2015. С. 34.
- Яковлев А.А.* Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.
- Яковлев А.А.* Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. Л.А. Аносова. М.: Эдитус, 2017.
- Яковлев А.А., Голубкин А.В.* К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.

- 2019 JETRO Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania, November 21, 2019, https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/rp_firms_asia_oceania2019.pdf
- Agnew D.J., Pearce J., Pramod G. (2009). Estimating the Worldwide Extent of Illegal Fishing. // PLoS ONE. 2009. № 4. e4570. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0004570> (дата обращения 29.04.2020)
- Allison T. (2003). The Crisis of the Region's Fishing Industry: Sources, Prospects and the Role of Foreign Interests. In: Russia's Far East: a region at risk. USA: University of Washington Press. 2003. Pp.139–164.
- Analysis of Selected Measures Promoting the Construction and Operation of Greener Ships. OECD, 2017. Pp. 21–22.
- APEC (2008). Assessment of Impacts of Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) Fishing in the Asia-Pacific. Australia: APEC. 2008. 107 p.
- Armstrong, S. Japanese FDI in China: determinants and performance, Asia Pacific Economic Papers, 2009, vol. 378, 32 p.
- ASEAN (2019) ASEAN Investment Report 2019. Jakarta: ASEAN Secretariat, October. P. 4, 5.
- Baldwin R., Lopez-Gonzalez J. Supply-chain Trade: A Portrait of Global Patterns and Several Testable Hypotheses. World Economy. 2015. vol. 38, no. 11. P. 1682–1721.
- Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and sourcing patterns of Japanese foreign affiliates, RIETI Discussion Paper Series 12-E-027, 2012 April, 25 p.
- Baldwin R.E. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization, Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.
- Baldwin, Richard, 'A domino theory of regionalism' (1993), CEPR Discussion Paper 857; NBER Working Paper, 4465.
- Baltagi B., Egger P., Pfaffermayr M. "Estimating models of complex FDI: Are there third-country effects?", Journal of Econometrics, 2007, Vol. 140, No 1, pp. 260–281.

- Bank of Korea (2020). Economic Statistics. URL: <http://ecos.bok.or.kr> (дата обращения : April 12, 2020)
- BCG (2018) Global Wealth Report 2018. Boston. June. P. 13.
- Belov, A.* (2005). Regional Dimension of Economic Cooperation Between Japan and Russia. // Journal of East-West Business. 2005. Vol.11. №1-2. Pp.119-140.
- Bown Ch.P., Kolb M.* Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide. Trade and Investment Policy Watch, Peterson Institute of International Economics, 1 December 2018, <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/trump-trade-war-china-date-guide>
- Bughin, J. Lund, S.* (2017). The ascendancy of international data flows. VOX, January 9.
- Business dictionary (n.d.). "Economic shocks" – URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/economic-shock.html>
- Caves R.* "International corporations: The industrial economics of foreign investment", *Economica*, 1971, vol. 38, No. 149, pp. 1-27;
- Central Board of Indirect Taxes and Customs. Department of Revenue, Ministry of Finance, Government of India – URL: <https://www.cbic.gov.in/resources//htdocs-cbec/customs/cst1920-310320/Чар%207.pdf> (дата обращения 12.04.2020)
- Cernat, L.* (2015). Trade Rules and Technological Change: The Case for Mode 5 Services, The E15 Initiative, November, URL: <http://e15initiative.org/blogs/trade-rulesand-technological-change-the-case-for-mode-5-services/>;
- Chang Ph., Baybaqi A., Zhang Yuhua B.* Concepts and Trends in Global Supply, Global Value and Global Production Chains. APEC Policy Support Unit, No.1, May 2012, – URL: http://publications.apec.org/-/media/APEC/Publications/2012/5/Concepts-and-Trends-in-Global-Supply-Global-Value-and-Global-Production-Chains/2012_psu_GSCs_GVCs_GPCs.pdf (дата обращения 04.06.2020).

- Cheang C.* 2019. Russia's Pivot to the East: A New Balance? – URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/rus-sias-pivot-to-the-east-a-new-balance/#.XpdUnfgzY2x>
- China and Japan in the Global Economy (2018). Ed. by T.Kikuchi and M.Sakuragawa, New York: Routledge, 218 p.
- Choi, Moon-bee* (2018). “K-pop Group BTS Induces Production Worth 4 Tril. Won per Year.” Business Korea, December 2019. – URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27583> (дата обращения : April 30, 2020).
- Choudhury S.* (2018). Donald Trump mocks India's import duty cut on Harley Davidson bikes. Business Today. February 27.
- CNBC (2020). Trump's America First Ethos Under Fire As Leaders Gather In Munich. – URL: <https://www.cnn.com/2020/02/14/trumps-america-first-ethos-under-fire-as-leaders-gather-in-munich.html> (дата обращения : April 11, 2020).
- Congressional Research Service (CRS, 2019). “Digital Trade and U.S. Trade Policy”, CRS report R44565, May 21, URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44565.pdf>
- Countrymeters 2020. Население Монголии – URL: <https://countrymeters.info/ru/Mongolia>
- Die Welt: Россия воспользовалась санкционной политикой США. – URL: https://rg.ru/2020/02/11/die-welt-rossia-vospolzovalas-sankcionnoj-politikoj-ssha.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения : April 11, 2020).
- Dobush G.* It Looks Like Trump has new trade war foes: India and Turkey. Fortune, 5 March 2019. – URL: <http://fortune.com/2019/03/05/trump-trade-war-india-turkey/>
- Economic Times (2010). Prime Minister's Office stand on data localisation soon, – URL: <https://economictimes.india-times.com/tech/internet/pmo-stand-on-data-localisation-soon/articleshow/70580076.cms> (дата обращения 04.05.2020)

- Economist (2020). “The business of survival—how companies can prepare for the post-pandemic world.” Podcasts April 14. URL: <https://www.economist.com/podcasts/2020/04/14/the-business-of-survival-how-companies-can-prepare-for-the-post-pandemic-world> (дата обращения : April 26, 2020).
- EK (2019). European Union – Singapore Free Trade Agreement (EUSFTA). – URL: <https://www.enterprisesg.gov.sg/non-financial-assistance/for-singapore-companies/free-trade-agreements/ftas/singapore-ftas/eusfta>. (Дата обращения 20.01.2020).
- European Commission (2019). “76 WTO partners launch talks on e-commerce.” January 25. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1974> (дата обращения : March 28).
- FAO (2016). Illegal, Unreported and Unregulated Fishing. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i6069e.pdf> (дата обращения 29.04.2020)
- FAO (2018). The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Rome: FAO. 2018. 210 p.
- FISHNET (2015). Эл. ресурс. – URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/49391.html (дата обращения 29.04.2020)
- Fishnews (2018). Новый краболов попробовал воду. 27 декабря 2018 г. Эл.ресурс. URL: <https://fishnews.ru/news/35462> (дата обращения 29.04.2020)
- Friedman, G.* (2018). Putin’s Russia, Geopolitical Futures, March 19 – URL: <https://geopoliticalfutures.com/putins-russia/> (дата обращения : April 12, 2020).
- FY 2019 Survey on the International Operations of Japanese Firms, Japan External Trade Organization (JETRO), February 27, 2020 – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/jafirms2018.pdf (Дата обращения: 25.03.2020)
- FY2019JBICSurveyreportonoverseasbusinessoperationsbyJapanese manufacturing companies – URL: <https://www.jbic>

- go.jp/en/information/press/press-2019/1127-012855.html, (Дата обращения: 10.04.2020)
- Gazeta.ru 2019. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/09/02_a_12620713.shtml
- González, F., Ferencz, J. (2019). “Barriers to trade in digitally enabled services in the G20”, OECD Trade Policy Papers, No. 232, OECD Publishing, Paris. P.6 URL: <http://dx.doi.org/10.1787/264c4c02-en>
- González, F., Ferencz, J. (2018). “Digital Trade and Market Openness.” OECD Trade Policy Papers No. 217, <https://doi.org/10.1787/18166873>
- González, Ferencz. 2018. Op.cit.
- Greater Tumen Initiative 2020. – URL: <http://www.tumenprogramme.org/?list-1524.html>
- Hart, M. (2002). Trading Nation: Canadian Trade Policy: From Colonialism to Globalization, UBC Press, Vancouver.
- Helpman E. “A simple theory of international trade with multinational corporations”, The Journal of Political Economy, 1984, Vol. 92, No. 3. pp. 451-471.
- Hillman, J.E. (2018). “The Global Battle for Digital Trade: The United States, European Union, and China Back Competing Rules.” Center for Strategic and International Studies, April 13 – URL: <https://www.csis.org/blogs/future-digital-trade-policy-and-role-us-and-uk/global-battle-digital-trade>
- Hirsch S. Location of Industry and International Competitiveness, Oxford: Oxford University Press. 1967.
- Hoekman (2020). Trade Wars and the World Trade Organization: Causes, Consequences, and Change. Asian Economic Policy Review. No15, pp.100-101.
- Huawei Technologies, Oxford Economics (2017). “Digital Spillover. Huawei Technologies. URL: https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf (дата обращения : April 1, 2020)
- Hymer S. Direct foreign investment and the national interest. In P. Russell (Ed.), Nationalism in Canada. Toronto: McGraw-Hill. 1966, pp.191-202.;

- Hymer S. The International operation of national firms: a study of direct foreign investment. MIT Press, Cambridge, MA, United States. 1976.;
- IBEF (India Brand Equity Foundation). Infographic. – URL: www.ibef.org/industry/retail-india/infographic (дата обращения 15.05.2020)
- Impact of the Covid-19 Pandemic on Global FDI and GVCs. UNCTAD Global Investment Trends Monitor, Special Issue, March 2020, No. 35. – URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf> (дата обращения 04.06.2020).
- India Ministry of Commerce and Industry (n.d.) – URL: <https://www.commerce.gov.in> (дата обращения 22.04.2020)
- Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains, OECD, 2013, Available at: <https://voxeu.org/article/how-covid-19-transforming-world-economy> (дата обращения 04.06.2020).
- International Trade Administration (n.d.) – URL: <https://www.trade.gov>
- INTRACEN (2020). Export Potential Map. – URL: <https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?fromMarker=i&exporter=410> (Date of access : 16 April 2020)
- ITC Trade Map – URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 20.05.2020)
- Japan Ministry of Finance. Direct investment flows 2019 – URL: https://www.mof.go.jp/international_policy/reference/balance_of_payments/bpfdii.htm
- JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics, <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>
- Karni A. (2018). Trump Rants Behind Closed Doors With CEOs. Politico, August 8 – URL: <https://www.politico.com/story/2018/08/08/trump-executive-dinner-bedminster-чи-на766609>. (дата обращения : April 11, 2020).
- Kass, E. (n.d.) India's New E-Commerce Regulations Challenge Big E-Retailers <https://www.americanexpress.com/us/foreign-exchange/articles/e-commerce-regula->

tions-in-india-challenge-for-retailers/ (Дата обращения 05.05.2020).

- Kawashima S.* Is Japan pulling out its companies out of China? The Diplomat, 11.05.2020, <https://thediplomat.com/2020/05/is-japan-pulling-its-companies-out-of-china/> (Дата обращения 14.05.2020)
- Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs // U.S. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ
- Kilic K., Marin D.* How COVID-19 is transforming the world economy. VOX CEPR Policy Portal, 10 May 2020, – URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf> (Дата обращения 04.06.2020).
- Kim Eun-jin* (2019). “Samsung Electronics Accounts for 28% of Vietnam’s GDP.” Business Korea, March 14. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idx-no=29966>
- Kim, E.* (2018). E-commerce in South Korea FTAs: Policy Priorities and Provisional Inconsistencies. p.88
- Kindleberger C.* American business abroad. New Haven, CT: Yale University Press. 1969;
- Kojima K.* “A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment,” Hitotsubashi Journal of Economics, 1973, Vol. 14, No. 1, pp. 1-21.; *Kojima K.* “International Trade and Foreign Direct Investment: Substitutes or Complements,” Hitotsubashi Journal of Economics, 1975, Vol. 16, pp. 1-12.; *Kojima K., Ozawa T.* “Towards a theory of industrial restructuring and dynamic comparative advantage”, Hitotsubashi Journal of Economics, 1985, vol. 26, No. 2. pp. 135-145
- Kojima K.* “Transfer of Technology to Developing Countries—Japanese Type versus American Type,” Hitotsubashi Journal of Economics, 1977, Vol. 17, pp. 1-14
- Kojima K., Ozawa T.* “Micro- and Macro-Economic Models of Direct Foreign Investment: Toward a Synthesis,” Hitotsubashi Journal of Economics, 1984, Vol. 25, No. 1, pp. 1-20.

- Korea and Russia to Strengthen Science and Technology Cooperation in Response to Fourth Industrial Revolution. URL: <http://english.msip.go.kr/english/msipContents/contentsView.do?cateId=msse42&artId=2061764>
- Koval A., Dantas A.* 2019. Contemporary Russian-Brazilian Trade Relations Contemporary Russian-Brazilian Trade Relations. In: Russian Trade Policy Achievements, Challenges and Prospects. Sutyurin S. F., Trofimenko, O. Y. & Koval, A. G. (ред.). London: Routledge, 2019.
- Koval A.G., Popova L.V., Sutyurin S.F.* Transformation of the Russian Trade Policy: Pivot to Asia, Focus on China. Research on the Economic Development of Russia in 2017, Beijing, 2018, pp. 45-72 (in Chinese).
- Koval, A., Trofimenko O.* Theoretical concepts of trade policy development and analysis: Evolution and modern challenges in the context of the international trading system transformation. St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2020. vol. 36. no. 1. P. 27-48.
- Latorre M., Hosoe N.* “The role of Japanese FDI in China”, Journal of Policy Modeling, 2016, N 38, pp. 226–241.
- Lee, Hong Liang.* (2016). “The almost total meltdown of Korean shipbuilding and shipping sectors.” Seatrade Maritime News, June 2. – URL: <https://www.seatrade-maritime.com/asia/almost-total-meltdown-korean-shipbuilding-and-shipping-sectors> (дата обращения : April 12, 2020).
- Li X., Meng B., Wang Z.* Recent patterns of global production and GVC participation, Global Value Chain Development Report, WTO, 2019.
- Lin Chengyi.* (2020). In the Face of Lockdown, China’s E-Commerce Giants Deliver. Harvard Business Review, April 1. URL: <https://hbr.org/2020/04/in-the-face-of-lockdown-chinas-e-commerce-giants-deliver> (дата обращения : May 8, 2020)
- Mah J., Nob S.* “The Patterns of Japan’s Foreign Direct Investment in China”, China report, 2011, Vol. 47, No. 3, pp. 217–232

- Make in India Initiative. September 25, 2014. – URL: <https://www.makeinindia.com/article/-/v/make-in-india-reason-vision-for-the-initiative>
- Markusen, J.* “Multinational, multi-plant economies and the gains from trade”, *Journal of International Economics*, 1984, Vol. 16, No. 3-4. 205-226.
- McLean E. V.* (2010). Whang T. Friends or Foes? Major Trading Partners and the Success of Economic Sanctions. *International Studies Quarterly*, No. 54, p.431.
- Meere F.* (2014). The Challenge of Combatting IUU fishing. OECD TAD/FI Background Paper. 16 p.
- Mehra, G.* (2016). Ecommerce in South Korea: Aggressive Discounting, Rewards, March 9, - URL: <http://www.practicalcommerce.com/articles/97724-Ecommerce-in-South-Korea-Aggressive-Discounting-Rewards> (дата обращения: April 12, 2020).
- Ministry of Commerce, Industry and Energy (MCIE, 2002). “E-Commerce in Korea,” Korea Institute for Electronic Commerce.
- Miroudot S.* 2020. Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. In: Baldwin R. E., Evenett S.J. (eds.) *COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work*, CEPR Press, P. 117-130, – URL: https://www.svensktnaringsliv.se/bilder_och_dokument/covid-19-and-trade-policy-28-aprilpdf_774324.html/BINARY/Covid-19%20and%20trade%20policy%2028%20april.pdf#page=122 (дата обращения 04.06.2020).
- Miyamoto* (2020). Japan-China relations and the Chinese People's strength in a time of crisis, 30 March – URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00555/japan-china-relations-and-the-chinese-people%E2%80%99s-strength-in-a-time-of-crisis.html> (Дата обращения: 07.04.2020)
- OECD (2020). Evaluating the initial impact of COVID-19 containment measures on economic activity.
- OECD 2019. Стратегическое планирование инфраструктуры для устойчивого развития в Монголии. – URL: <http://>

- www.oecd.org/env/outreach/Item3-Assessment-Mongolia-RUS.pdf
- OECD Guide to Measuring the Information Society 2011. OECD Publishing
- Petrossian G.A.* (2015). Preventing illegal, unreported and unregulated (IUU) fishing: A situational approach. // *Biology Conservation*. 2015. Vol.189. Pp.39-48.
- Pramod G., Nakamura K., Pitcher T., Delagran L.* (2014). Estimates of illegal and unreported fish in seafood imports to the USA. // *Marine Policy*. № 2014. 48. Pp.102–113.
- Pramod, G., Pitcher, T. and Mantha G.* (2017). Estimates of illegal and unreported seafood imports to Japan. // *Marine Policy*. 2017. № 84. Pp.42–51.
- Pramod, G., Pitcher, T. and Mantha G.* (2017). Estimates of illegal and unreported seafood imports to Japan. // *Marine Policy*. 2017. № 84. Pp.42–51.
- Pulse News* (2019). S. Korean govt to propose WTO rules for fair digital trade ecosystem. January 16. – URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?year=2019&no=33228> (Дата обращения : March 30, 2020).
- REGNUM* 2019. <https://regnum.ru/news/polit/2706968.html>
- Russian Business Today* (2019). “Nabiullina: Trade Wars Threaten to Turn into Structural Problem in Global Economy.” October 19. – URL: <https://russiabusinesstoday.com/economy/nabiullina-trade-wars-threaten-to-turn-in-to-structural-problem-in-global-economy/>
- Russian Trade Policy: achievements, challenges and prospects /* edited by *Sutyryn, S., Trofimenko, O. and Koval, A.* Routledge, 2019. Pp. 306-311.
- Sasi A.* (2019). Explained: Issues in India-US trade // *The Indian Express*, 9 May 2019.
- Schubert J.* *New Eurasian Age: China’s Silk Road and the EAEU in SCO space or “Noodles and Meatballs in a Breaking Bowl”*, 2006. <http://www.jeffschubert.com/>.
- Seric A., Görg H., Mösle S., Windisch M.* *Managing COVID-19: How the pandemic disrupts global value chains.* UNIDO

- Industrial Analytics Platform, April 2020, – URL: <https://iap.unido.org/articles/managing-covid-19-how-pandemic-disrupts-global-value-chains> (дата обращения 04.06.2020).
- Shafik, M.* (2020). Speech at LSE on-line discussion “Now or Never: Crafting the Global COVID-19 Response.” LSE Podcast April 21. URL: <https://soundcloud.com/lsepodcasts/now-or-never-crafting-the> (дата обращения : April 28, 2020).
- Simola H.* (2019) Effects of external shocks on Russian economy. BOFIT Policy Brief 4/2019 1 November, p. 4, 10.
- Simola, H., Solanko, L.* (2020). Domestic and global economic effects of corona containment measures - Russia in international comparison. BOFIT Policy Brief, No. 6. P.6.
- SIPRI Trends in international arms transfers 2019 https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (дата обращения 02.05.2020)
- Song, Jung-a* (2016). South Korean shipbuilders engulfed in crisis. The Financial Times, June 23. – URL: <https://www.ft.com/content/d74127ac-3140-11e6-8825-ef265530038e> (дата обращения : April 12, 2020);
- Steinbock, A.* (2018). Rising U.S.-China Tensions and Waning Globalization. China Quarterly of International Strategic Studies, Vol. 4, No. 4, p. 517.
- Strengthen Science, Technology, Innovation and ICT Cooperation with Russia. – URL: <https://english.msit.go.kr/english/msipContents/contentsView.do?cateId=msse42&artId=1390184>;
- Taedong Lee and ByoungInn Bai, ‘Network analysis of free trade agreements’ (2013), The Korean Journal of International Studies 11(2):264, 293.
- Talukdar S.* (2019). India-US trade deal: Legacy issues, political compulsions, complexity in policies prevent striking of even a ‘limited’ deal // Firstpost, October 6.
- The Economist (2020). The costs of America’s lurch towards managed trade. January 25th – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/01/25/the->

- costs-of-americas-lurch-towards-managed-trade (дата обращения : April 11, 2020).
- The Global Value Chains Initiative, 2020 – URL: <https://globalvaluechains.org/> (дата обращения 04.06.2020).
- Times of India. In numbers: Indian diaspora in America – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/in-numbers-indian-diaspora-in-america/articleshow/71240270.cms> (дата обращения 15.05.2020)
- Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy, WTO Press release, April 8, 2020, – URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения 04.06.2020).
- Trump D.* Remarks by President Trump to the 74th Session of the United Nations General Assembly. The White House – Donald J. Trump administration, 25 September 2019.
- UN (2019). Key Statistics and Trends in Trade Policy 2018. UNCTAD/DITC/TAB/2019/1, p. 2.
- US Congress (2003). Trade in services and e-commerce: the significance of the Singapore and Chile free trade agreements : hearing before the Subcommittee on Commerce, Trade, and Consumer Protection of the Committee on Energy and Commerce, House of Representatives, One Hundred Eighth Congress, first session, May 8, 2003.
- US Energy Information Administration – URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/oil-and-petroleum-products/imports-and-exports.php> (дата обращения 05.05.2020)
- van Bergeijk, PAG 2009, Economic Diplomacy and the Geography of International Trade, Edward Elgar Publishing, Cheltenham and Northampton.
- Vernon R.* “International investment and international trade in the product cycle”, Quarterly Journal of Economics, 1966, Vol. 80, No. 2. P. 190–207.;
- Wan M., Zhang H.* (2019). China’s investment relations with Japan. In: Handbook on international political economy of China, Ed. Ka Zeng, Edward Elgar Publishing, pp. 113-132.

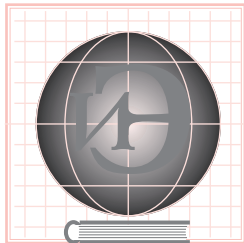
- Williamson O.* The Economic Institutions of Capitalism, New York: Free Press. 1985.
- World Bank (2019). Doing Business 2020. – URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020> (дата обращения 29.04.2020)
- World Wildlife Fund (2014). Illegal Russian Crab: An Investigation of Trade Flow. USA: World Wildlife Fund. 2014. 38 p.
- WTO (2002). Trade Policy Review: India. PRESS RELEASE. PRESS/TPRB/195.
- WTO (2017). Joint Statement on Electronic Commerce at the Eleventh Ministerial Conference, (document WT/MIN(17)/60), Geneva: WTO.
- WTO (2018). World Trade Report. Geneva, WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf
- WTO (2019). World Trade Statistical Review 2019. Geneva.
- WTO (2020) Tariff Profiles India 2019 – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles19_e.htm (дата обращения 23.04.2020)
- WTO (2020). “Information Technology Agreement — an explanation” – URL: https://www.wto.org/english/tratop_E/inftec_e/itaintro_e.htm
- WTO, IDE-JETRO (2011). Trade Patterns and Global Value Chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks, - URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/stat_tradePAT_globvalchains_e.pdf (дата обращения 04.06.2020).
- WTO. DSM DS541: India — Export Related Measures - URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds541_e.htm (дата обращения 12.04.2020)
- WTO. Trade Profiles 2019. – URL : https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles19_e.pdf
- Wu, M.* (2017). Digital Trade-related Provisions in Regional Trade Agreements: Existing Models and Lessons for the Multilateral Trade System, Washington, D.C. and Geneva.; González, Ferencz, 2018 op.cit.

Xing Y. How the iPhone Widens the US Trade Deficit with China, VOX CEPR Policy Portal, April 10, 2011, – URL: <https://voxeu.org/article/how-iphone-widens-us-trade-deficit-china> (дата обращения 04.06.2020).

Zakharova L. Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy. Korea Economic Institute of America. Academic Paper Series. Dec. 10, 2019. P.1-9.; Voloshchak V. A Closer Look at South Korea's Plan for Cooperation With Russia. 09.01.2019. – URL: <https://thediplomat.com/2019/01/a-closer-look-at-south-koreas-plan-for-cooperation-with-russia/>

유재원, 강문성, 강인수, 박성훈, 송백훈, 송유철, 이호생, 항홍열 (2019). 풍요적 통상국가 실행을 위한 추진전략 연구 KIEP 중장기 전략연구, 19-04. P. 218. // Ю, Кан, Кан, Пак и др Торговая стратегия для повышения благосостояния. KIEP, 19-04.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

**Торговая политика России и стран Восточной Азии:
поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества**

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борщева И.В.*

Подписано в печать 24.10.2020 г. Заказ № 24

Тираж 300 экз. Объем 16,9 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0673-3

9 785994 006733